

ПЛОХИЕ

парни

ПО ВАШИ ДУШИ

АННА МИЛТОН
ЛАУРА ТОНЯН

Annotation

Братья Картеры не понаслышке знают, что зарабатывать хрустящие американские доллары можно даже, если ты не торчишь сутками в офисе. Их профессия отличается от тех, чем занимаются обычные люди. Строить дома, или продавать туристические путевки?! Нет, только не для Эйдена и Росса — сыновей демона. Джейн Мортис не знает, что такое — жить в недостатке. У нее есть все. Самой большой проблемой для девушки может стать разве что если кто-то приобрел новую сумочку от «Луи Виттон» раньше, чем она сама. После ужасной трагедии братья Картеры держались вместе, и конфликты не входили в их планы, пока однажды Эйден не встречает свою бывшую человеческую девушку — ту самую Джейн Мортис. Их встреча меняет все. Жизнь Джейн в опасности, и Эйден намерен спасти ту, к которой до сих пор не остыл. Но на пути у него встает старший брат Росс. В семье Картеров не было конфликтов? Забудьте об этом!

•

АННА МИЛТОН

ЛАУРА ТОНЯН

ПЛОХИЕ ПАРНИ ПО ВАШИ ДУШИ

ПЕРВАЯ ГЛАВА

Джейн

Шепот его сладкого голоса сводит с ума. Он проникает внутрь каждой клеточки моего тела и пробуждает неистовый жар, расползающийся по венам, воспламеняющий, переворачивающий реальность вверх дном.

Я стону громче, когда Эйден ускоряет темп. Моя кожа горит под его руками. Он касается меня, и я начинаю возрождаться вновь, словно птица феникс. Только феникс стремится к жизни, а я — к наслаждению, которым Эйден пропитан с ног до головы.

Он идеален.

Все в нем идеально.

Каждая часть его тела.

Никогда не думала, что любить так приятно. И Эйден любит меня сейчас. Когда покрывает знойными поцелуями мое лицо, шею, грудь. Когда входит в меня все глубже. Еще глубже. Еще...

— Боже... — это слово срывается с моих влажных губ и теряется в бесконечном потоке судорожных вдохов и выдохов.

Я держусь крепче за его мускулистые руки.

Мои пальцы скользят по его гладким рельефным плечам. Мышцы Эйдена сокращаются и напрягаются от моих призрачных прикосновений, и он начинает слабо дрожать. Ему приятно так же, как и мне.

Мы единое целое.

— Ты такая сладкая, Джейн... такая сладкая...

Закусываю губу от наслаждения, пока Эйден пальцами касается моей промежности. Ч ерт, черт, черт!

— Кончай для меня, детка, — шепчет он мне на ухо. — Сделай это для меня, — продолжает тихо, — только для меня.

— Да, — говорю я.

Его толчки усиливаются. Я впиваюсь ногтями в его широкую мощную спину, выгибаюсь ему навстречу, и Эйден с очередным толчком оказывается так глубоко внутри меня, что непроизвольный крик безумного наслаждения слетает с моих губ. Эйфория окутывает меня.

— Сильнее, — произношу я. Мой голос дрожит. Как и я. Как и Эйден.

— Все для тебя, — рычит он и легонько кусает меня за ухо.

Господи. Это просто чертовски хорошо.

— Сильнее! — кричу я, потому что больше не могу сдерживать себя.

— Джейн, — Эйден кричит вместе со мной.

Он такой огромный и твердый внутри меня.

— Джейн! — он сжимает зубы и утыкается носом мне в шею. Вдыхает запах моих волос, и при этом он так же чертовски быстр.

Я переплетаю наши пальцы. Двигаюсь вместе с ним ...

Откуда эти сигналы? Эйден не слышит того, что слышу я? Серьезно? Он неистово целует меня, а я не могу сосредоточиться, потому что громкое гудение перерастает в шум, который невозможно терпеть.

— Эйден, — шепчу я, уже не возбуждённо. — Эйден, что это?

Он продолжает ласкать мою грудь.

— Ты слышишь? — спрашиваю снова.

Эйден поднимает голову, и горящие испугом глаза смотрят мне прямо в душу. Он больше не двигается. Мы замираем.

— Я любл...

— Джейн! Эй! — до моего слуха доносится знакомый смеющийся голос.

Я распахиваю глаза, и на секунду меня ослепляет яркий свет.

Что? Какого черта?

— Что тебе снилось, дорогая? — тот голос все еще смеется.

Ничего не понимаю...

Я издаю хриплый звук, похожий на стон, и поднимаю голову.

— Похоже, что-то очень приятное, раз у тебя текут слюни, — с нежностью говорит папа, глядя на меня через крохотное прямоугольное зеркальце.

Я тут же прикладываю ладонь к губам и вытираю влагу. У меня действительно текут слюни. Боже. Какой стыд.

Это был сон. Плюс один к миллиону. Всего лишь очередная иллюзия, спроецированная моим сознанием.

Я приподнимаюсь и оглядываюсь. Мы застряли посреди главной трассы Дайморт-Бич. Я приближаюсь к окну черного «Мерседеса» отца и смотрю по сторонам. Бесконечная линия автомобилей уходит вдаль, и только бог знает, когда мы двинемся с места.

— Эмм... пап, — нападение — лучшая защита, верно? Мне нужно срочно перевести тему. — Зачем так громко сигналить?!

— Мы же в пробке! — с восклицанием отвечает отец.

— Отлично просто, — бормочу я сонно, протирая глаза. — Я думала, в этом богом забытом городе не бывает ничего подобного.

— Это оскорбление? — он вскидывает бровь, улыбка по-прежнему играет на его губах.

— Констатация факта, — фыркаю я.

— Не такой уж он и маленький, — в голосе папы мелькает обида.

— Ну да, ну да, — закатываю глаза. — Тебя бы не избрали в мэры, был бы он хоть на сотню человек больше.

Отец недовольно хмурится — я задела его гордость. Еще бы. Он очень дорожит тем, что занимает высокую должность Президента Городка Забытых Душ и Погребенных Под Толщей Повседневности Надежд, и Места, Где Отсутствуют Магазины «Гуччи» и «Victoria Secret». Вероятно, это единственное, чем он дорожит по-настоящему, потому что в его жизни мало приятного. Оу, нет. Еще есть новая, прекрасная и добрая жена Оливия, которая боготворит его и абсолютно во всем поддерживает. А старую, стервозную и злобную Глорию папа оставил в прошлом, как и бесконечные скандалы с океаном унижений.

Забыла сказать.

Эта старая, стервозная и злобная Глория — моя мать.

И я тоже сбежала от нее.

Больше всего на свете мама любит три вещи: дорогую обувь, крутые тачки и.... молодых сексуальных парней. Парней, которые грызут гранит науки в колледже. Парней моего возраста! Но в основном ей попадаются халявщики, которым проще переспать с престарелой женщиной из мезозойской эры, чем заработать на проживание самим. И это выглядит настолько жалко, что с каждым

разом становится все отвратительнее осознавать, что женщина, натирающая ароматическими маслами загорелую спину очередного студента со смазливой мордашкой, — моя мать. Поверьте, это полный отстой.

Я сбежала от матери, потому что она легкомысленна и глупа. Слишком инфантильна и поверхностна. Жить с ней было невыносимо. Но отказываться от города, в котором я родилась.... отказываться от Чикаго, возможно, еще хуже, чем жить с чокнутой матерью, думающей, что в сорок шесть она выглядит очень сексуально.

Еще одна причина, по которой я сбегаю, как последняя трусиха, — это парень, преследующий меня во снах. Парень, покоровший мое сердце и разбивший его в огромном, шумном Чикаго.

Я устала просыпаться с мыслью, что сегодня, а, может, завтра, или через несколько дней обязательно встречу его. Я устала бояться и ждать Эйдена, с одержимостью блуждая вечерами напролет среди величественных небоскребов в надежде, что мы случайно наткнемся друг на друга.

Я нуждалась в смене обстановки. Это — как глоток свежего воздуха.

Правильно ли я делаю ?

Вы еще спрашиваете....

Салат, что передает мне... хм.... пышногрудая и светловолосая Оливия, кажется пересоленным. И я не очень люблю тайскую кухню. Нет, я не капризничаю. Просто привыкать к новой жизни всегда сложно.

Мы ужинаем в просторной светлой кухне в кислотно-желтых тонах, сидим на стульях из темного дорогого дерева, переглядываемся между собой и молчим. Я болтаю ногами и ковыряюсь в своей тарелке. Никогда не проводила время так скучно.

— Как тебе Дайморт-Бич? — наконец, спрашивает отец, выпивая из бокала вино.

— Уныло. Серо. Малолюдно. Я могу продолжать бесконечно, — пожимаю плечами и протыкаю вилкой лист салата.

— Тебе нужно время, чтобы освоиться, — продолжает он и, кажется, вообще меня не слушает. — Но я уверен, тебе понравится здесь, Джейн. Колледж Святой Марии не должен разочаровать тебя, — он складывает руки вместе, изображая серьезное выражение лица. — Прекрасные педагоги, начитанные студенты и, — разводит руками, — тебе не придется жить в кампусе! Будем больше проводить время вместе. Разве это не здорово?

Я вскидываю брови.

— Колледж Святой Марии? — повторяю монотонно.

Чудесно.

— Надеюсь, это не ТО САМОЕ место, где учатся занудные католики? — спрашиваю я.

Отец снимает с лица идиотскую счастливую улыбку и метает в мою сторону предостерегающий взгляд, и я слышу, как Оливия начинает тихо кашлять. Что, кто-то из них католик? Отец точно нет ... насколько мне известно. Похоже, это Оливия. Что ж, я не удивлена. Она вполне... похожа на католичку. Стройная и светловолосая, неброско одетая, будто ангел, с неестественно широкой, радушной улыбкой и невероятно голубыми глазами.

И она совсем не похожа на мою мать.

— Джейн, ты почти ничего не ешь, — встревает в разговор блондинка. — Тебе не нравится?

Она сидит напротив, но смотрит куда угодно, только не на меня.

— Сойдет, — прямо заявляю я.

Краем глаза я ловлю на себе взгляд отца: «Моя дочь грубая и невоспитанная. Нужно срочно поставить ее на место». А что? Когда я была маленькой, он всегда учил меня говорить правду, и ничего кроме правды.

Оливия поджимает пухлые губы, обведенные неярким блеском, и опускает взгляд к своей тарелке.

— Я обустроивала твою комнату, — вдруг начинает говорить она милым голосом. — Персиковые тона... всегда мечтала иметь

комнату в таком стиле! — женщина выдерживает паузу. — Когда была подростком, — добавляет с легкой грустью.

Боже. Мне это так интересно. Я сейчас расплачусь.

— Не стоило утруждать себя, — бормочу, отпивая из стакана сок.

— Джейн, — уже шипит папа.

— Все нормально, Джек, — Оливия кладет ладонь на руку отца, как бы успокаивая его.

Стерва.

— Ты доела? — строго спрашивает он.

— Да, — отвечаю я. — Спасибо.

Папа тихо вздыхает и микроскопически качает головой; при этом все еще смотрит на меня, и я чувствую, что разговора отца-с-дочерью не избежать. Но надеюсь, он случится не сегодня, потому что переезд из Чикаго в эту дыру меня чертовски утомил.

Все поднимаются со своих мест. Оливия собирает посуду со стола, а отец, ослабляя узел галстука, движется к выходу из кухни и кивает мне, как бы говоря идти за ним. Мы оставляем за собой огромную гостиную, выполненную просто, дорого и со вкусом — в английском стиле, — и доходим до лестницы. Поднимаясь по ступеням вверх, я чувствую, как мое сердце беспокойно метается в тесной грудной клетке. Оно яростно бьется о ребра, норовя вырваться наружу, словно предчувствуя что-то....

Но все это глупости. Я не уверена, что, решив переехать в захолустный городок Дайморт-Бич на северо-западе Алабамы, упрощаю себе жизнь. Нет. Мне будет сложно привыкать к отсутствию несмолкаемого шума дорог, ночных огней, головокружительной высоты небоскребов. Я не знаю, как смогу отучить себя от вкуснейшей чикагской пиццы, делаемой в одном небольшом ресторанчике на Брэдли-авеню, о существовании которой, я уверена, в Дайморт-Бич даже не подозревают.

В конце концов, здесь нет ни одного нормального бутика, где продается дорогое нижнее белье. Ни одной лавки с драгоценностями, на которые стоит обратить внимание. С какими людьми мне придется общаться? О чем с ними разговаривать? О сельском хозяйстве?

Это не то, о чем я мечтала.

Но , надо признать, это лучшее, из чего я могла выбрать, чтобы не оставаться с матерью.

Грустно, правда? Вот до чего я докатилась: ад кажется раем, а рай кажется адом. Глупая ирония судьбы.

В моей новой спальне все в персиковом цвете. Абсолютно все. Кровать, туалетный столик, шторы, оконные рамы , потолок и пол, покрытый тем же персиковым мягким ковром. Я ничего не имею против этого оттенка , но... его как-то слишком, нет ?

Похоже, Оливии очень не хватало этого цвета в подростковом возрасте.

— Располагайся, отдыхай, — когда я слышу рядом голос отца, то понимаю, что все происходит по-настоящему, и нет реальности, в которую я могу вернуться, чтобы вздохнуть с облегчением и продолжить свою прекрасную чикагскую жизнь , полную шопинга и вечеринок.

Я киваю, сама не знаю, почему. Затем папа подходит ко мне и кратко целует в лоб.

— Я люблю тебя, Джейн, — он опускает голову, чтобы посмотреть на меня.

Папа так изменился. В последний раз мы виделись прошлым летом, и у него не было проблем с выпадением волос. Сейчас же он лысеет, и вскоре, я думаю, не останется и следа от когда-то шикарной, густой и темной шевелюры , в которую влюбилась моя мама, когда еще не была последней стервой. Вокруг серых глаз собрались глубокие морщины — осадок напряжения, которым отец сыт по горло на своей крутой работе мэра.

— Я рад, что ты здесь, — он выдавливает улыбку и тяжело вздыхает.

Я вновь киваю, потому что не могу сказать, что тоже рада своему переезду. У меня просто не было выбора.

Папа оставляет меня, и я закрываюсь в новой комнате, которая кажется тесной коробкой. В Чикаго мне принадлежал весь второй этаж нашего с мамой шикарного пентхауса.

Я чешу затылок, думая, с чего начать, и прохожу к чемоданам,

которые отец оставил у широкой кровати.

Набираюсь терпения и начинаю распаковывать свои вещи.

Это займет очень много времени.

Можно сделать список под названием: «Ч его нет в Дайморт-Бич». Хотя лучше сделать список, что в нем есть. Это легче и займет гораздо меньше времени.

Значит так.

Здесь, недалеко от колледжа, в который я еду, строго следуя указаниям GPS-навигатора, есть небольшая палатка с дешевой и невкусной едой. Обертка из-под бургера летит в урну, когда я открываю окно. Что еще? Дайте-ка подумать. Несколько магазинов с одеждой, изживших себя. Красивая обувь? Нет, об этом не слышали в этой деревне. Проезжаю мимо заправки, у которой сидит мужчина в грязной, белой майке, из-под нее выпирает огромный пивной живот. У него между зубов болтается сигарета. Он сидит вальяжно на пластмассовом стуле, как в фильмах, и слегка прищуренным взглядом отслеживает движение машин. Я тоже попадаю в поле его внимания и качаю головой, когда он выплевывает сигарету, и слюна попадает ему на подбородок. Мерзость.

Мой путь занимает около двадцати минут.

Итак, что собой представляет колледж Святой Марии? Он, на удивление, выглядит прилично. Только меня смущает гипсовая статуя Иисуса, расположенная слева от парковки на зеленом газоне. Статуя — жалкая, дешевая подделка. Бог заслуживает лучшего, я думаю. Они же верят в Него, или их вера стоит так мало?

Мое сердце бьется ровно. Я не волнуюсь. Ну, разве что чуть-чуть. Но не думать о студентах, которые, словно муравьи, сбегаются к муравейнику, помогает музыка. Я делаю громкость стереосистемы до максимума, когда въезжаю на стоянку. В мою сторону, словно по команде, начинают оборачиваться. Я задаюсь вопросом: что заставляет их задерживать свои взгляды на мне? То, что я нахожусь в шикарном красном «Порше 911 Турбо», который не без помощи

мамы перевезла грузовым самолетом из Чикаго в Дайморт-Бич? Или то , что играет песня Kanye West ft. Duft Punk «Work It Make It Do It Makes », разорвавшая в клочья могильную тишину , окутавшую это место ?

Думаю, все-таки первое.

Усмехаюсь над тем, что мою скромную персону разглядывают с красноречивым любопытством , и ищу взглядом свободное место. Оно находится почти в конце парковки. Проезжаю туда со скоростью улитки. На меня пялятся больше людей.

Паркую машину. Делаю глубокий вдох и выключаю музыку.

Прежде, чем выйти из автомобиля, я собираюсь с мыслями. Люди здесь такие странные. Никогда не видели «Порше »? Боже, если бы я знала, то поберегла бы их психику и оставила тачку в Чикаго. Мои каблуки цепляются за выступающие камни на асфальте, когда я покидаю «Порше », и чуть не падаю, но придерживаюсь рукой за дверцу машины. Какая-то девица с короткой стрижкой и в старомодном свитере останавливается, пристально глаза на меня.

Спокойно, Джейн. Спокойно.

Провожу рукой по темным волосам, которые выпрямляла битый час , одергиваю кашемировую, бежевую и закидываю сумочку от «Прада » на плечо. Ставлю автомобиль на сигнализацию. С особым трудом мне удастся игнорировать «муравьев», которые теперь не спешат торопиться в свой серый мрачный дом, похожий на средневековый собор. Какой мрак...

Мой взгляд случайно цепляется за блондинку, которая курит, сидя на капоте огромного черного «Д жипа ». Она смотрит вдумчиво , ухмыляясь одним уголком губ.

Девушка выпускает пар изо рта, не отводя от меня карих глаз , подведенных карандашом. Ее рваные джинсы и черная майка-алкоголичка невольно притягивают мое внимание. Что-то она не очень похожа на прилежную ученицу колледжа Святой Марии... Ладно. Это неважно.

Я встряхиваю головой и смотрю перед собой, когдадвигаюсь к главному входу «Замка Дракулы».

Вздыхаю глубоко, когда переступаю порог колледжа. Здесь почти все, как в любой американской школе. Доска объявлений с

бесполезной информацией о мероприятиях, конкурсах и прочей ерунды, бесконечные ряды с белыми ... В нескольких шагах от меня стоит какой-то парень в нелепой оранжевой футболке и что-то раздает монотонно плывущим мимо студентам. Но к нему подходят не все — лишь сбитые с толку ребята, неуверенно оглядывающиеся по сторонам. Я понимаю: они такие же первокурсники, как и я. Может, тоже стоит подойти к этому парню?

Я так и делаю.

Оказывается, парень раздает буклеты с картой колледжа. Очень полезное приобретение, так как мне нужно найти административный корпус, чтобы передать кое-какие документы от отца, а потом вместе со всеми я должна отправиться на площадку за зданием колледжа (так нарисовано на карте), где пройдет торжественное собрание учителей и студентов в честь начала нового учебного года.

Я улыбаюсь парню, благодарю его и двигаюсь дальше.

— Эй, — вздрагиваю, когда кто-то несильно бьет меня по плечу. Резко оборачиваюсь и вижу ту самую блондинку, которая курила на «Джипе». — Привет. Ты что, глухая?

— Что, прости? — начинаю я.

— Я тебя зову с конца коридора, — девушка указывает большим пальцем себе за плечо — в сторону выхода.

Я наклоняю голову влево и приподнимаю бровь.

Девушка поджимает губы и протягивает руку.

— Вот, — говорит она и раскрывает ладонь. — Ты выронила это.

Я вижу фотографию, и мое сердце замирает на миг.

На ней я и Эйден.

Я точно помню, что написано на обратной стороне. Слово в слово.

«Любимой Джейн. От Эйдена. Навеки вместе.

Восемнадцатое июня»

Прошлый год был фантастическим и незабываемым.

Но это время ушло, как и Эйден — парень, бросивший меня.

— Эмм... спасибо, — я растерянно засовываю фото обратно в сумку. Руки немного дрожат.

Проклятье.

Взгляд блондинки заставляет нервничать сильнее. Он любопытный. Словно она хочет что-то добавить.

— Все хорошо? — вежливо уточняю я.

— Да, — странно, потому что ее губы расплываются в слабой улыбке. — Все отлично.

Темные глаза спускаются от моего недоуменного лица к сумке, и девушка усмехается.

Окей. Она немного странная.

— Ладно, — блондинка отходит назад. — Старайся не терять то, что тебе дорого, иначе не вернешь, потому что ты в Дайморт-Бич, — она говорит это таким тоном, будто уверена, что я не здешняя. — Добро пожаловать, кстати.

Девушка двигается спиной вперед, постепенно растворяясь в потоке струящихся в мою сторону студентов. В последний миг я вижу, как она достает откуда-то пачку с сигаретами и вытягивает одну. Подносит к губам. Зажигает ее.

Спустя секунду я больше не вижу блондинку.

Интересно, что бы могли значить ее слова?

Первый день в колледже, в чужом городе. Мне просто нужно начать привыкать. Это не так сложно, верно?

Меня почти невозможно удивить по-настоящему, но то, как одеваются студентки — словно переешивают занавески в платья — сбивает с толку. По пути к административному корпусу я не могу думать ни о чем, кроме того, чтобы выколоть себе глаза и не видеть этот позор модельеров, шьющих дешевую одежду. Как люди могут носить это?

Я подхожу к кабинету с золотистой табличкой на двери и выгравированными инициалами администраторши. Миссис Мэттьюс,

значит? Я прочищаю горло и негромко стучусь. Слышу по ту сторону двери высокий голос и приглашение войти. Тяну на себя ручку и оказываюсь в душном помещении. Здесь бардак. Много бумаг и в воздухе летает густое облако пыли. Ее отчетливо видно даже когда солнечные лучи не попадают в кабинет.

Натягиваю одну из своих самых милых улыбок и подхожу к столу, за которым сидит полноватая женщина. Она щурится, глядя на экран компьютера.

— Здравствуйте, — приветствую я, и миссис Мэттьюс поднимает взгляд на меня.

— Доброе утро , — отвечает женщина. — Чем могу помочь?

— Меня зовут Джейн. Джейн Мортис, мэм, — меня радует реакция миссис Мэттьюс, когда она слышит мою фамилию. — Думаю, мой отец известил вас о том, что я буду учиться здесь?

На несколько секунд женщина теряет дар речи. Конечно, папа обо всем договорился. Для них это честь — дочь самого мэра теперь числится в студентах! Меня здесь любят. Даже если я буду плохой девочкой, они побоятся что-нибудь сказать.

Иногда можно побыть стервой.

Пока миссис Мэттьюс возится с моими документами, я разглядываю кабинет.

Погодите-ка. Что там ?

Я вижу в окне , как блестящий, синий «Додж Вайпер» лавирует между другими автомобилями и паркуется рядом с «Шевроле» восьмидесятых годов. Вау. В этой деревне есть нормальные тачки? «Готическая» блондинка уже удивила меня «Джипом». Но он не идет ни в какое сравнение с «Доджем». Шикарный автомобиль.

Интересно, кто его владелец ?

Я задерживаю дыхание, когда дверца распахивается, и из машины с грациозной неторопливостью выходит высокий парень с взъерошенными темно-русыми волосами.

Время останавливается — реально останавливается. Как будто кто-то смотрит фильм со мной в главной роли и ставит на паузу.

Мой взгляд замирает на лице парня. Я будто перемещаюсь сквозь пространство. Расстояние мгновенно сокращается, и у меня такое чувство, будто я стою напротив шатена, совсем близко.

Его глаза скрывают солнцезащитные очки, но я знаю, какого они цвета.

Бог ты мой...

Мое сердце издает тяжелый стук и разбивается на тысячу осколков. Желудок с грохотом падает вниз, когда я узнаю в правильных чертах лица этого красавчика Эйдена Картера.

Того самого Эйдена Картера.

ВТОРАЯ ГЛАВА

Эйден

Каждое утро, приезжая в колледж, я натываюсь на взгляды многих девушек. Их глаза, смотрящие в мою сторону, полны вожделения. Кто-то подмигивает, кто-то наглядно закусывает губу, из всех сил стремясь привлечь хоть каплю моего драгоценного внимания. Я претворяюсь, будто не замечаю их. Каждое утро.

Н а самом деле мне просто хочется увидеть те самые глаза, что забрали моё сердце однажды. Те глаза, что вырвали меня из неприятельной реальности и заставили оставаться в Чикаго на протяжении двух месяцев.

Я захлопываю дверцу машины и оглядываюсь. В мою сторону дует легкий ветер, и я вдыхаю запах невероятной скуки, которая впитывается в эту землю, стены колледжа Святой Марии изо дня в день. Я приезжаю сюда снова и снова, в глубине души надеясь на чудо, способное сотрясти этот застывший мир, и все больше задаюсь вопросом: какого черта я делаю? Зачем мне это?

Этот крохотный городок безнадежен.

Но это место — мой дом.

Снимаю солнцезащитные очки с глаз. Замечаю, как Вики Фэллон трахает меня взглядом. Ее грудь томно вздымается при каждом вдохе. Я едва контролирую себя. Но сделайте мне скидку! Я избегаю случайного секса черт знает сколько времени и нуждаюсь в разрядке. Особенно, когда моими мыслями овладевает недосыгаемая Джейн Мортис.

Я отхожу от машины, по-прежнему глядя на Вики. Она замечает это, и ее губы расплываются в широкой улыбке. Девушка расправляет плечи, отчего ее упругая грудь второго размера кажется больше. Эта девчонка чокнутая. Она без ума от Бога, молится каждый день перед сном и ходит на воскресные службы в церковь со своей семьей. Но это не мешает ей курить травку и собирать все вечеринки в Дайморт-Бич. И, да, она симпатичная. Но Вики — не Джейн.

Девушка нервно накручивает на палец короткий каштановый локон, а второй робко машет мне.

Она хочет меня.

Я лениво улыбаюсь ей в ответ и поднимаю руку в приветственном жесте. Щеки девушки вспыхивают, и она опускает взгляд вниз, когда замечает, как пристально я разглядываю ее тело. Она смущена? Или... девственница? Я лишил Джейн невинности. И это был один единственный раз, когда я делал такое с девушкой. Но подобное больше не повторится. И Вики не является исключением.

— Эй! — слышится знакомый голос.

Я поворачиваю голову влево. Анна стоит, прислонившись к кирпичной стене. Одна ее нога согнута в колене. Девушка выдыхает клубок дыма и ухмыляется мне своей фирменной однобокой улыбкой.

— Эйден , — облизывает губы. — Как дела?

Я подхожу к ней и вырываю сигарету из ее пальцев. Бросаю на асфальт и тушу носком ботинка.

— Здесь запрещено курить, — в сотый раз повторяю я.

Анна весело цокает, а затем достает целую пачку сигарет из переднего кармана джинсов. Приближает зажигалку к ядовитой дряни и зажигает ее. Затягивается снова, провокационно глядя на меня. Э то выглядит нагло. Анна вновь выдыхает дым изо рта, только на этот раз мне в лицо, и делает это намеренно.

— Кого волнуют правила, Эйден? — медленно спрашивает она.

Мне остается лишь сдаться ее бунтовскому поведению, улыбнуться и качнуть головой.

Иногда меня поражает то, насколько Анна чокнутая и безразличная ко всему. Ей плевать, как она выглядит в глазах других людей. Она одевается так, как ей нравится, как считает нужным. Никто кроме нее из девчонок в колледже Святой Марии не носит рваные джинсы, не слушает тяжелый рок и не курит, как паровоз, намереваясь умереть от туберкулеза легких через несколько лет.

— Чего ты хотела? — сплевываю на землю.

— Да так, ничего, — монотонно отвечает Анна и запрокидывает голову. — Просто видела кое-кого.

Я закатываю глаза.

— У тебя хреново получается интриговать.

— Возможно.

Боже. К чему эти загадки?

— Так кого ты видела? — я слегка прищуриваюсь, вновь вырываю сигарету из ее тонких пальцев и прикладываю к своему рту.

Затягиваюсь. Анна оценивающе смотрит на меня, слегка наклонив голову вбок.

Она открывает рот, собираясь ответить, но, заглянув мне за спину, смыкает губы и проглатывает слова.

Я слышу, как позади меня шепчутся девичьи голоса.

Анна приподнимает одну бровь и хмыкает.

Я оглядываюсь.

Вас когда-нибудь ударила молния?

Меня — ни разу в жизни. Но сейчас я ощущаю себя именно как человек, которого сражает разряд тока силой в двести тысяч вольт. Чертовски больно. Но эта боль мгновенна. После нее наступает волна облегчения.

Я застреваю в том самом мгновении, которое становится бесконечным, и боль заставляет дрожать каждую клеточку моего тела. Я чувствую, как оцепенение подкрадывается к самому центру

мозга, и я теряю контроль над своими мыслями.

Я больше не могу думать.

Джейн.

Я допускаю мысль, что мои глаза обманывают меня, и я вижу прекрасное явление. Но девушка, так глубоко засевшая в моем сердце, выглядит невероятно реально. Ее блестящие темные волосы (она подстриглась?), ее пухлые губы, которые я мог целовать днями напролет, большие карие глаза, уставившиеся на меня в полном изумлении.

Это она. Моя Джейн. И она стоит прямо передо мной.

Она не кажется удивленной, но растерянной — да. Я не могу этого объяснить.

— Джейн? — произношу ее имя вслух.

Оборачиваюсь к Анне, чтобы увидеть лицо блондинки. Та лишь равнодушно пожимает плечами и, хлопнув меня по спине пару раз, уходит. Сигарета все еще зажата между ее зубов.

— Здравствуй, Эйден, — когда слышу тихий, но стальной голос Джейн, перемещаю взгляд на нее.

Я чувствую себя истуканом, не способным связать и двух слов.

Что она здесь делает?

Почему она здесь?!

— О, вы, эмм, знакомы? — отзывается рыжеволосая девушка с кучей веснушек на лице.

Я только сейчас ее замечаю. Это, кажется, Лора Джеккинс?.. Я забрал душу ее отца в прошлом месяце.

Лора обращается к нам обоим, но отвечает Джейн. Она делает глубокий вдох, и я не могу не отметить, сколько в ней решимости, которой я не способен найти объяснения.

— Да, — твердо отвечает она, проделывая в моей душе дыру своими пронзительными глазами.

Я молчу. По-прежнему не могу говорить.

— Да, — наконец, выговариваю я. — Мы раньше... дружили.

Дружили? Чувак, ты такой кретин!

Джейн сглатывает, и от этого мне хочется сдохнуть.

Совершенно неожиданно со стороны стадиона колледжа за корпусными зданиями гремит голос директора Нернберга, говорящего в рупор, и Джейн отворачивается.

— О, кажется, церемония уже началась, — бормочет Лора.

Джейн, не глядя на девушку, кратко кивает.

О чем она думает? О чем думает моя Джейн?

Джейн...

Проклятье! Я люблю это имя. Я люблю девушку, сейчас стоит так близко и, уверен, хочет перемолоть меня в порошок. И я бы позволил сделать с собой все, что ей только вздумается. Я доставил ей хренову кучу проблем, разбил сердце, которое не единожды клялся беречь, и оставил страдать от разъедающей внутренней боли.

Я ненавижу себя за это, но знаю, что сделал правильно.

Джейн больше ничего не говорит и отдаляется. Она не оборачивается. Я чувствую себя прохожим парнем, случайно встретившимся на ее пути. Как будто нас никогда ничего не связывало.

Зато оборачивается Лора. И прикусывает нижнюю губу.

Я не дышу до тех пор, пока хрупкая фигурка Джейн не исчезает из поля моего зрения. Я готов следовать за ней, как брошенный щенок, но не делаю этого. Усилием воли заставляю себя остаться на месте. Стискиваю зубы и сжимаю кулаки.

Я урод, потому что уничтожил наши отношения.

Но если бы она знала всю правду, то сумела бы меня понять.

Я надеюсь.

Лекция по биологии длится два часа. Каждую минуту я смотрю на наручные часы. Мистер Льюис шагает по аудитории, рассказывая увлекательнейшую историю о спаривании приматов. Я думаю о том,

что мне нужно увидеть Джейн. Снова. Если мой брат узнает, что она в городе, он будет в бешенстве.

Нервно дергаю коленом и стучу ручкой по столу, не в силах сосредоточиться.

До конца лекции десять минут. Может, уйти сейчас? Найти Джейн и...

Я слабо вздрагиваю, когда в меня что-то попадает, а затем вижу маленький клочок бумаги перед собой. Оборачиваюсь, и мои глаза встречаются с улыбающейся Вики. Она слегка приоткрыла губы, надеясь выглядеть соблазнительно. Но я слишком занят мыслями о Джейн, чтобы обратить внимание на то, как Вики нагибается вперед и складывает руки таким образом, чтобы выставить свою грудь.

Я отворачиваюсь и беру бумажку.

«Прогуляемся вечером?»

Вики слишком распутна для католички.

Я не пишу ничего в ответ. Просто качаю головой. Могу представить, что девушка недовольно хмурится. Мне жаль, но я поглощен Джейн. Ею, и только.

Слышу огорченный вздох.

Плевать.

Сегодня местная баскетбольная команда играет с командой из соседнего города. Росс болеет за наших. У меня тридцать три пропущенных от брата. Черт возьми, он же знает, что я на учебе.

Иногда ведет себя, как пятилетний ребенок.

Спустя еще две мучительные минуты я не выдерживаю и делаю то, что никогда не ожидал бы мистер Льюис от своего лучшего ученика. Я ухожу с лекции. Просто выбегаю из аудитории. Он что-то кричит мне вслед, но я игнорирую его голос.

Рюкзак висит на одном плече. Он наполовину расстегнут. Выпускной год — это отстой. А знаете, что еще отстой? Когда в твой родной город приезжает девушка, с которой ты расстался в Чикаго

больше года назад. Ладно. Окей. Я не расставался с ней. Я ее бросил.

Отвлекаюсь на рыженькую Лору, которая выходит из уборной, поправляя на себе серую клетчатую юбку.

— Хэй, Лора, — зову я, и она вздрагивает.

— Да, — нервно поджимает губы, когда я подбегаю к ней.

— Первый курс? — делаю вид, будто действительно заинтересован в ответе на свой вопрос.

Она мнетя пару секунд.

— Д-да, — заикаясь, отвечает девушка.

— Мне нужно знать, в какой сейчас аудитории Джейн. Джейн Мортис. Ты знаешь ее. Я видел вас.

— О, эмм, Джейн, — Лора касается рукой своих волос. Она нервничает. Из-за вопроса, или из-за меня? — У нее, кажется, английская литература на третьем этаже. Четвертая дверь от...

— Да. Да. Я знаю, — поспешно перебиваю ее. — Спасибо!

Дружелюбно хлопаю ее по плечу и бегу к лестнице.

Я поднимаюсь на третий этаж. Я никогда не был так быстр. Меня переполняют эмоции. Я думал ждать Джейн у аудитории до конца лекций, но как только оказываюсь на месте, студенты выползают из кабинетов с книгами в руках. Я прислоняюсь к стене и караулю Джейн, внимательно сканируя толпу, чтобы не упустить ее из вида.

Хотел встряски, Эйден? Получай ее.

Я пытаюсь собраться с мыслями, но как только представляю себе, что у меня есть ничтожный шанс дотронуться до ее бархатной кожи, то схожу с ума и снова теряюсь в бешеном потоке эмоций.

Джейн замечает меня не сразу. Она улыбается какой-то светловолосой девушке, которая что-то рассказывает ей. Потом ее взгляд находит меня, и она застывает. Девушка рядом с ней все говорит и говорит, но Джейн больше не слушает свою спутницу. И не улыбается.

Я сглатываю волнение и подхожу к ней. Мои ноги дрожат. Черт. Чувствую себя девчонкой.

— Привет, — поражаюсь, когда мой голос звучит так робко.

Кажется, удивлен не только я.

Джейн теряется сильнее и крепче прижимает к груди большую тетрадь. Девушка рядом с ней странно на нас смотрит.

— Мы... мы можем поговорить? — сложно говорить, когда Джейн так близко.

Она молчит, и я теряюсь в догадках: о чем она думает?

Я очень боюсь услышать «нет», но готов к этому, потому что заслужил.

К моему облегчению Джейн кивает.

— Ладно, — она произносит это с легкой небрежностью, но ее голос предательски дрожит.

— Я пойду, наверное, — бормочет светловолосая девушка с ее курса и спешит удалиться с наших глаз.

Я делаю несколько шагов назад, удерживая взгляд на Джейн. Она понимает, что надо идти за мной, и сдвигается с места. Джейн бесшумно крадется за моей спиной, и я постоянно оборачиваюсь, чтобы убедиться, что она не передумала и не ушла.

Я иду до конца коридора и заворачиваю за угол. Остановливаюсь. Здесь никого нет. Можно спокойно говорить.

Делаю глубокий вдох и решительно оборачиваюсь к Джейн. Ловлю на себе ее наполовину грустный, наполовину тоскливый взгляд, и ощущаю необходимость подойти к ней, поместить ее красивое лицо в свои ладони и поцеловать. Крепко. Страстно. Жадно. А потом убедить, что больше никогда не позволю ей испытывать печаль. Сказать, что я до сих пор люблю ее, и мне чертовски жаль, что пришлось уйти. Мне тоже было больно. Мне больно и сейчас.

Но вместо всего этого я спрашиваю:

— Что ты здесь делаешь?

Я готов врезать себе по яйцам, потому что Джейн сжимается от звука моего сиплого, холодного голоса.

— Я живу здесь, — нерешительно отвечает она. — Что-то не так? — Джейн вызывающе поднимает брови.

— Живешь? — тупо переспрашиваю я. — Ты живешь в Чикаго, Джейн.

Почему из нескольких тысяч американских городов она оказалась именно здесь?!

Я плотнее сжимаю зубы и хмурюсь.

— Тебя не должно быть здесь, — медленно говорю я.

Что я творю? Пытают запугать ее? На самом деле ? Идио -о-от.

— Что?! — Джейн одновременно усмехается, и в ее глазах шоколадной радужкой сверкает злость. Она обиженно толкает меня в грудь и разворачивается на каблуках. — Ты такой придурок, Эйден!

Уходит быстро, но я успеваю осторожно остановить ее за локоть. Я не дам Джейн уйти , пока мы не поговорим.

— Убери руки, — рычит она.

Ее не должно быть здесь.

— Чего ты хочешь от меня?! — восклицает она, разворачиваясь ко мне лицом.

— Ты должна уехать, Джейн, — почти молю я.

— Что... ты... — она задыхается от непонимания и раздражения. — Какого черта? — процеживает сквозь зубы.

Какого черта? Лучше тебе не знать, Джейн. Лучше тебе не знать.

Именно поэтому ее сердце разбито — некоторые мои тайны должны навсегда остаться тайнами, даже от девушки, которая до сих пор живет в моих мыслях.

— Это... сложно объяснить, — с трудом выдавливаю я из себя.

— Ты бросил меня, Эйден, — проговаривает она отчетливо и громко. — Все просто.

Ее слова задевают меня, и мои пальцы соскальзывают с ее локтя. Она громко вздыхает и едва заметно качает головой.

Я знаю это. И готов бесконечно просить у Джейн прощение.

Мы смотрим друг другу в глаза и ждем. Она — того, что я скажу «прости». Я... а я не знаю, чего жду. В моей голове проносятся сотни тысяч мыслей и слов, которые я горю желанием сказать Джейн прямо

здесь и сейчас, но не могу заставить себя открыть рот и начать говорить.

Джейн скрещивает руки на груди и выдвигает вперед аккуратный подбородок. Она начинает стучать каблуком по полу и громко дышать.

— Это все, о чем ты хотел поговорить? — досадливо спрашивает она.

У меня чешутся руки — я хочу обнять ее.

— Мне жаль, — отвечаю в итоге и делаю небольшой шаг назад.

Она издает судорожный вздох, наблюдая за мной, и перестает шевелиться. В ее глазах застывают слезы. Джейн поджимает пухлые губы и опускает ресницы.

А затем бредет к лестнице.

Мое тело и душа рвутся вслед за ней, но я уговариваю себя оставаться на месте и позволить ей уйти.

Я должен оставить Джейн одну. Снова. Но мысль о плачущей девушке, которую я люблю, рвет меня изнутри. Я большой козел, чем думал.

Я резко сжимаю кулак и бью им в стену. Боль от удара ничтожна по сравнению с той, что гложет мое сердце.

Я заношу этот день в список Паршивых Дней из Жизни Эйдена Картера.

Джейн ненавидит меня.

И она здесь — в Дайморт-Бич.

Если Росс узнает о ее нахождении здесь, он придет в нешуточное бешенство, и когда я говорю, что мой братец разозлится, то ждать беды всем без исключения. В первую очередь не поздоровится нам с Джейн. Но перед этим Росс грохнет меня, ведь я живу с ним под одной крышей.

Я наблюдаю за Джейн на перерывах между лекциями, за ланчем.

С ней все время ходит Лора и та девушка, с которой Джейн вышла из аудитории английской литературы. Они кажутся нормальными. Я имею в виду, Джейн нельзя общаться с такими, как Брианна Стоун. Люди вроде нее неумолимо тянут за собой на социальное дно. Наверно, Бри переспала со всеми студентами Святой Марии, и, думаю, количество ее партнеров не ограничивается Дайморт-Бич. Да, со мной она тоже спала. Это было до того, как я встретил Джейн. Но я был пьян и даже не помню, как все произошло. Помню лишь то, что проснулся, когда она будила меня и просила проваливать, так как вернулись ее родители.

А еще за ланчем к столику, за которым Джейн сидела со своими новыми знакомыми, подошел Брайан-полный-отморозок-Киннли. Он достойная пара Брианне. Я был готов встать и набить этому парню его смазливую рожу, когда он нагло убрал с лица Моей Джейн выбившуюся прядь волос. Брайан посчитал, что имеет право дотрагиваться до нее. Ублюдок.

В итоге я удалился из кафетерия, чтобы не искушать себя на убийство.

Я иду быстро, спеша запрыгнуть в «Додж» и свалить отсюда как можно скорее (Джейн покинула стоянку минуту назад, и теперь здесь никого не было), но вдруг Анна, черт ее возьми, Гарнер преграждает мне путь. Клянусь, до этого момента я был уверен, что нахожусь здесь один. И как она умудряется передвигаться, как приведение, и появляться так неожиданно?

Анна выглядит таинственной. На ее ресницах слишком много туши. Глаза сильно обведены черным карандашом. Кожа — бледная, почти белая и ровная. Она на самом деле смахивает на приведение.

— Что тебе нужно, чертовка? — устало вскидываю руками.

Анна хитро улыбается и пожимает плечами. Она привлекательна, но не мой типаж.

— Как поговорил с... — она делает вид, будто не помнит ее имени, — Джейн, кажется? — и мило хлопает глазами.

— НЕ твоё дело, — недовольно бросаю я и спешу уйти.

Но блондинка вновь встает прямо передо мной. Мне приходится опустить голову, чтобы увидеть, как в ее светло-карих глазах пляшут

озорные бесенята. Это так похоже на Росса.

— О, да брось, — она шутливо ударяет меня кулаком в плечо. — Я все равно слышала, о чем вы ворковали. И, ауч, это было круто! Ну, знаешь, твой удар о стену, — Анна издевается надо мной, но я не злюсь, потому что привык к сарказму, который слетает с ее уст чаще, чем что-то вразумительное.

Я закатываю глаза.

— Ты следишь за мной?

— Что еще остается делать? Здесь та-а-ак скучно, — она вздыхает и тянет руку к заднему карману джинсов. Достает черную зажигалку. Затем сигареты.

Я пресекаю ее попытку закурить в трехсотый раз за день. Отнимаю у нее все из рук. Анна злобно прищуривается.

— Хватит, — твердо говорю я. — И поменьше гуляй с Россом. Он плохо на тебя влияет.

— Отдай, — спокойно просит она, игнорируя мои последние слова.

Я не поддаюсь и завожу руку, в которой сжимаю эту токсичную дрянь, себе за спину.

— Нет, — качаю головой. Мое выражение лица становится серьезным. — Зачем ты следишь за мной? Брат попросил?

— Отдай. Мои. Сигареты. Эйден, — Анна подходит ко мне вплотную и выше задирает голову, чтобы не прерывать зрительный контакт.

Иногда она умеет вывернуть душу одним лишь взглядом. Это дьявольски пугает. Такая маленькая, но несоизмеримо вредная и докучливая.

Я признаю свое поражение, так как лишен сил и настроения спорить, швыряю эту дрянь в сторону Анны. Она ловит сигареты, но ее глаза по-прежнему сосредоточены на моем лице.

— Ты не ответила на мой вопрос, — сухо напоминаю я.

— Знаешь, мне почему-то кажется, что у этой... — Анна вновь делает вид, будто задумывается, — Джейн и тебя есть история, — последние слова она произносит приторно таинственным шепотом. Я

замечаю, что она борется с улыбкой. — С чего бы это, да?

— Тебе стоит меньше курить, Анна, — я пытаюсь сохранить в своем голосе непоколебимость и легкие оттенки раздражения. — Ты начинаешь бредить.

Вдруг она начинает громко и хрипло смеяться. Я морщусь от этого звука.

— Впервые вижу тебя таким взволнованным, — поясняет блондинка и вновь щурит глаза.

— Я не волнуюсь, — фыркаю я слишком громко.

— Угу. Волнуешься — значит врешь. Это очевидно.

— Ты можешь курить в другую сторону?! — шиплю я. — Я сейчас задохнусь.

Естественно она пропускает мою просьбу мимо своего внимания.

— Она носит с собой твою фотографию, — произносит Анна. — Где вы с ней вдвоем. Вот я и подумала, что вы встречались когда-то. Или встречаетесь...

Я сглатываю, и Анна продолжает смеяться.

У Джейн наша фотография? Та, которую я подписал для нее? Но... почему? Прошло больше года. Неужели, она тоже не может забыть?

— Расслабься, приятель, — кашель Анны возвращает меня в реальность. Блондинка бросает сигарету, затем тушит ее носком кеда. — Это не мое дело.

Ее светлые локоны падают вперед, на узкое маленькое лицо. Я засовываю руки в карманы и, вздохнув, смотрю вверх. Потому вновь опускаю глаза на девушку.

— Послушай, — начинаю негромко и спокойно. — Росс ни в коем случае не должен знать, что Джейн в городе. Поняла? Ни в коем случае, — последние слова я проговариваю по буквам.

В следующую секунду я начинаю жалеть, что заикнулся об этом. Взгляд Анны становится хищным и азартным. Плохое сочетание. Зная Анну, точнее, зная, что он от нее можно ждать чего угодно, я напрягаюсь и стараюсь сохранить на лице непроницаемое выражение.

— Почему я не должна ему говорить? — медленно уточняет она.

— Просто не говори, — язвительным тоном отвечаю я и кривлю лицо. — Так сложно держать язык за зубами? Или вот, — указываю на пачку в ее руках, — держи сигарету во рту и молчи.

Анна по-прежнему растягивает губы в пытливой улыбке

— Ты что-то скрываешь, Эйден, — она не спрашивает, а утверждает. Ее голос такой, будто она решила поиграть в детектива и пытается сопоставить факты, найти слабые места, изъяны преступления.

— Если Росс узнает, что Джейн здесь, у меня будут неприятности, Анна, — я смотрю на нее с мольбой в глазах. — Огромные неприятности. Пострадает мой зад, моя челюсть и моя машина. Не говори ему, хорошо? Просто не говори.

Она нервно хмыкает — у нее что-то не сходится. Но больше Анна не пытается узнать у меня ту самую деталь, которой ей не хватает, чтобы цепь замкнулась.

— Окей, — в итоге отзывается она беспечно.

Ничего не говоря, Анна направляется к своему «Джипу». Она садится в него, и в следующую секунду я слышу, как из салона доносится Led Zeppelin «Kashmir». Анна резко делает громче и опускает тонированное окно со своей стороны. Делает на «Джипе» петлю, чтобы проехать рядом со мной и отсалютовать на прощание двумя пальцами.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

Эйден

Росс Картер — мой старший брат. И он придурок. А еще много пьет. Ругается матом. Трахает все, что носит юбку и имеет красивые ноги. То есть, почти все девушки Дайморт-Бич уже прыгали на его крохотном члене. Если бы он знал, что я так думаю о главном предмете его гордости, меня бы уже не было в живых. Но он мой брат. И я люблю его.

Я заглушаю мотор и выхожу из «Доджа». Мрачно оглядываю

нашу «берлогу» в триста шестьдесят квадратов и достаю ключ, чтобы открыть дверь. Как только оказываюсь внутри дома, то слышу звуки работающего телевизора и комментарии Росса.

Он уже смотрит баскетбольный матч.

Стоп. Что это? Девичий смех?

Он не один. Опять.

Я закатываю глаза и снимаю ботинки на коврик в прихожей — Росс не только придурок, но и чистюля. Поднимаю рюкзак с полированного темного пола и прохожу по просторному коридору с белыми стенами, которые кажутся серыми из-за приглушенного освещения светодиодных ламп на натяжном потолке.

— Черта с два он забросил мяч в корзину! — кричит Росс, воодушевленно размахивая руками в воздухе.

У него под боком сидит брюнетка в одном нижнем белье и целует его в плечо. На миг я останавливаюсь, так как не ожидал, что у нас будут гости.

— Привет, — говорю я громко, чтобы привлечь внимание брата.

Однако оборачивается девушка. В ее угольных глазах застывает вопрос. Она не знает меня и даже не пытается прикрыться.

— Привет, красавчик, — я удивляюсь, когда девушка облизывает губы и отстраняется от Росса. Она разворачивается в мою сторону всем своим сногшибательным горячим телом и опирается на спинку кожаного черного дивана.

Я открываю рот, но не знаю, что ответить.

Наконец, Росс отрывает взгляд от телика и смотрит на задницу брюнетки. Затем шлепает ее.

— Тебе пора уходить, — говорит он, а затем бесцеремонно отталкивает в сторону.

Джентльмен до мозга гостей.

— Ну, как всегда, — обиженно фыркает девушка, вставая с дивана.

Росс наблюдает за тем, как она уходит и скрывается за дверью в его спальню, и вновь отворачивается.

— Ты не брал трубку, — говорит он, пялясь в жидкокристаллический экран и забрасывая арахис в рот.

Жует, как корова.

— Был занят, — бормочу я, направляясь к холодильнику.

Росс настоял, чтобы гостиная и кухня были соединены — ему так комфортнее. Он занимался ремонтом. Он переспал с какой-то дизайнершей, и она бесплатно спланировала интерьер нашего дома. Что ж, случайные и бессмысленные связи брата иногда приносят пользу.

— Чем? — равнодушно уточняет он.

— Я учился, вообще-то, — это не совсем так. Сегодня я занимался другим делом, и Росс не должен узнать о нем. Точнее о ней.

— Скука, — комментирует брат, не переставая жевать орехи.

Анна номер два.

— Вчера я получил три души. Три, — продолжает он и перепрыгивает через спинку дивана. Он забывает о баскетболе, что показывают по городскому каналу, и подходит ко мне. — И знаешь, что? Все принадлежали ублюдкам, — отрезает Росс, взмахивая руками и морща нос. — Просто отстой. Сидели за грабеж. Один из них убил человека. Завалил собственную жену, — он продолжает свой треп. — Ты представляешь? Они заплатили мне всего двадцать баксов. Двадцать. Баксов, — повторяет он возмущенно. — Они думают, я питаюсь воздухом!

Я ухмыляюсь и пью из коробки холодное молоко.

— Это неслыханная наглость, — отвечаю и наклоняюсь, чтобы посмотреть на содержимое холодильника. — Здесь была пицца.

— Половина, — поправляет Росс. — Конечно, тебе легко говорить. Всегда попадают святы души, за которых каждый раз отваливают по штуке.

— Я не вижу пиццы, Росс, — медленно проговариваю я и захлопываю дверцу холодильника.

— Я съел ее, — он весело поджимает губы. — Упс!

Брат кладет руки на кухонный гарнитур и запрыгивает на него.

Болтает ногами, словно мальчика... двадцатипятилетний мальчика. Мы поворачиваем головы, когда брюнетка-подстилка-Росса захлопывает за собой входную дверь.

Я закатываю глаза.

— Что? — Росс пожимает плечами. — Она классно делает минет.

— Ты озабоченный на всю голову гавнюк, — я смеюсь во весь голос.

— В отличие от некоторых, — он толкает меня в плечо и смеется громче. — Ты девственник?

— Само собой, — киваю я. — Надень на свою задницу хоть что-нибудь и вали в магазин за пиццей, или пирогом. А лучше за тем и другим.

— Не забывайся, мелочь. Вообще-то, я старший брат, — фыркает он. — И я должен гонять тебя по магазинам.

Я посылаю ему обворожительную улыбку.

Росс спрыгивает с кухонной тумбы и показывает мне средний палец. Но все же он направляется в свою спальню.

Оттуда я слышу его голос:

— И все-таки, как прошел день?

Я нервно сглатываю. Черт. Врать — это сложно.

— Все отлично, — говорю я. — Все хорошо.

— Ты видел Анну? — спрашивает Росс. Точнее он кричит.

— Да, пару раз, — заставляю себя отвечать так же громко и прикрываю глаза ладонью.

Росс выходит из своей спальни. Он внимательно смотрит на меня, и мысль о том, что он раскусил меня, заставляет мое сердце биться с удвоенной скоростью. Его долгий взгляд напрягает.

— Чего пялишься? — я пытаюсь казаться непринужденным.

— Бабки, — Росс поднимает глаза к потолку. — Гони бабки.

Я достаю из кармана бумажник и кидаю ему. Он ловит и тут же открывает. Свистит. Мне не нравится то, как начинают блестеть его

глаза, и я предупреждающе поднимаю вверх палец.

— Потратишь больше тридцатки, и я...

— У нас закончилось веселое настроение, — Росс пожимает плечами и игнорирует мой жест. — А это святое. С такой ненормальной работой, точнее с тем, сколько мне за нее платят, я не могу обойтись без бокала Бордо перед сном.

— Обойдешься без Бордо, — я скрещиваю руки на груди. — Хороших душ становится все меньше и меньше. Надо экономить.

— Только ты все равно умудряешься их где-то откапывать.

— Не я. М не их присылают. Я любимчик, что ж поделать, — самодовольно улыбаюсь, зная, что это разозлит Росса.

— Подстилка, — говорит он.

— Шлюшка, — отвечаю я и подмигиваю ему.

Росс растягивает губы в озорной улыбке и трясет в воздухе моим бумажником.

— Но текилой я все-таки затарюсь.

Прежде чем я успеваю что-либо сказать, он уходит.

Черт бы его побрал.

Пока Росс шляется по магазинам, я размеряю гостиную беспокойными шагами и думаю о Джейн. Не могу выбросить ее из мыслей. Сажусь на диван, хватаюсь руками за голову и качаюсь вперед-назад, словно какой-то псих.

Рано или поздно брат узнает о ней. И когда этот день наступит, я потеряю Джейн. Снова.

Но что мне делать сейчас? Будет ли иметь смысл, если я продолжу отталкивать от себя Джейн? Или...

Или я могу вернуть ее?

Веки тяжело обрушиваются на глаза, и я бессильно опускаю руки.

Джейн хранит нашу фотографию. После того, что я сделал ей, она продолжает помнить и ценить эти воспоминания. Мысль об этом превращает меня в самого хренового парня на Земле.

Что она сейчас делает? С кем она? О чем думает? О чем говорит?

Я тихо рычу и соскакиваю на ноги. Иду дальше по белому коридору и с ноги открываю дверь в свою комнату. Я зол на себя. Просто дьявольски.

Стягиваю футболку и бросаю ее в сторону низкой кровати. Она падает рядом на темно-коричневый ламинат. Мне нужен душ. Холодный.

Я направляюсь к ванной комнате, но замираю, когда мой взгляд случайно касается фотографии в рамке на комод. Мысли о Джейн мгновенно испаряются, и я перестаю ощущать давление реальности. Я абстрагируюсь и все, что могу видеть, только эту фотографию.

Я делаю осторожный шаг в сторону.

Еще один.

Я подхожу к комоду и протягиваю руку, которая внезапно начинает дрожать, к рамке. Беру ее и подношу к лицу.

Напрягаю челюсти и слышу скрежет своих зубов. Этот звук щекочет нервы, проникая в самую глубь сознания, и будоражит воспоминания о тех, к кому сейчас прикован мой стеклянный взор.

Какая-то фотография — все, что осталось у нас с Россом от родителей. Единственное напоминание о том, что когда-то и кем-то мы были любимы до незабываемости.

Глоток света в мире тьмы.

Я чувствую, как грудную клетку сдавливает спазм боли, и резко втягиваю в себя острый воздух, который, проникнув внутрь, выпускает шипы и ранит горло, теряясь где-то в легких. Но боль не уходит. С каждым вдохом она становится агрессивнее и мощнее.

Я моргаю и ставлю фотографию обратно на комод.

Они мертвы. Часть меня и Росса тоже мертва.

Если бы мне не хватило смелости порвать с Джейн, нас ждала бы такая же участь, что и моих родителей.

Наша любовь убила бы нас.

Я спас. Ее. Себя.

Если бы Джейн знала, она бы поняла и не ненавидела меня сейчас.

Но она не узнает, потому что это уничтожит ее морально.

Душ. Мне нужен душ.

Джейн

Я с грохотом захлопываю входную дверь. Оливия вздрагивает, проходя мимо, и останавливается.

— Джейн? — она растеряна. — Ты... ты в порядке?

Я игнорирую ее и быстрыми шагами направляюсь к лестнице. Вбегаю вверх, чтобы закрыться в своей спальне, которая вся, черт возьми, в персиковых тонах.

Ненавижу этот цвет.

Ненавижу этот дом.

Ненавижу этот город.

Ненавижу Эйдена Картера!

Я бежала из Чикаго. Бежала от свихнувшейся матери. В конце концов, я бежала от воспоминаний! Но в захудалом городишке Дайморт-Бич моя ностальгия, воплощенная в прекрасном лице Эйдена, настигла меня, и теперь никуда не спрятаться от нее.

Я попала в ловушку.

Мне не уйти от парня, которого я любила.

Я закрываю дверь комнаты и прислоняюсь к ней спиной. Скатываюсь вниз и сажусь на пол. Я не хочу плакать, но слезы мгновенно делают мои щеки влажными, и я стираю их. Снова и

снова. Только они не кончаются.

Я закрываю лицо руками и утыкаюсь им в колени.

Почему именно в Дайморт-Бич?

Почему именно Эйден?

Почему я?

Это жестоко. Просто чертовски жестоко. Судьба надсмехается надо мной, а я чувствую себя беспомощной игрушкой в ее могущественных руках.

«Ты должна уехать, Джейн» его хриплый низкий голос звучит в моей голове, и я не в силах избавиться от него. Я пытаюсь заглушить эти бесконечно повторяющиеся слова всхлипами и рыданиями, но все тщетно.

Когда я увидела Эйдена так близко, то всерьез подумала о том, чтобы наплевать на все и броситься к нему. До этого момента я не представляла, что скучаю по нему так сильно, если готова простить ему свое разбитое сердце.

Он — моя первая любовь. Единственная любовь. Всепоглощающая любовь.

Когда мы были вместе, все не имело значения. Моя мать, ее любовники, наши ссоры...

Когда Эйден ушел, этот груз проблем будто стал тяжелее и просто-напросто раздавил меня.

Эйден дал мне погибнуть.

Даже если мир канет во тьму, и потухнет Солнце, я не перестану ненавидеть его за это. Я могу простить, но буду помнить, что этот парень причинил мне боль.

Я вытираю слезы и поднимаюсь с пола. Комната плывет в моих глазах, и я с трудом выбираюсь из нее в коридор. Дохожу до ванной комнаты, держась за стены, чтобы не упасть. У меня нет сил и желания двигаться дальше, но я преодолеваю эту слабость, как делаю всегда, и захожу в уборную.

Я подхожу к зеркалу и смотрю на свое отражение. Мне противно видеть себя такой расклеенной.

Посмотри, Джейн. Это — то, что сделал Эйден. Эти слезы и размазанная тушь — его вина. Ты позволила ему сделать это с собой. Ты позволила ему сломать тебя вновь.

Я стискиваю зубы и вижу, как в моих глазах появляется стальной блеск.

Я сильная. Я справлюсь с тем, что Эйден будет рядом. С тем, что он не желает видеть меня рядом.

Он больше не сделает мне больно. Никто не сделает.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

Росс

Музыка в моем внедорожнике гремит на полную катушку. Я включаю следующий трек. Подпеваю Led Zeppelin «Eye of the tiger » и тарабаню по рулю, следуя ритму. Давлю на газ сильнее. Мое настроение на высоте огромного небоскреба Бурдж-Халифа.

Да! Детка! Да!

Это именно то, что вы подумали. Сегодня я получил хорошую душу! Бабуля прожила самую, что ни на есть, святую жизнь. Смеюсь в голос. Мне отвалили за нее семьсот баксов! И я еду их тратить.

Я делаю музыку громче. Обожаю этот день. Веселиться! Детка, только веселиться!

Какая-то девушка на дороге возмущается тем, что я ее только что подрезал. Она показывает мне свой милый средний пальчик, и я отвечаю ей. Убираю одну руку с руля и сжимаю ее в кулак. Подношу к лицу и начинаю двигать ею вместе языком, которым долблюсь о щеку. Ее лицо вытягивается от неожиданности, и я смеюсь громче. Вот так тебе, крошка! Этого тебе явно не хватает!

На горизонте виднеются желтые палатки. Я увеличиваю скорость. Что это? Ярмарка? Селяне из ближайших деревень приезжают сюда каждую осень и весну. Привозят всякий хлам... Ну и, конечно же, «натуральные продукты».

Да ладно вам.

Чипсы и кола — вот это еда!

Ненавижу подобного рода «мероприятия», но любопытство берет вверх, поэтому я еду медленнее и опускаю окно, чтобы мельком посмотреть, какую на этот раз чушь с охотой раскупают местные жители.

Дешевые украшения, обереги, какие-то травы... велосипед? Кому, черт подери, может понравиться этот отвратительный, раздолбанный в хлам розовый велосипед?

Ухмыляюсь и проезжаю дальше. В мою сторону начинают оборачиваться. Их привлекает музыка. Кокетливо машу знакомой барменше. Она со своим маленьким сыном рассматривает глиняные фигурки. Девушка поворачивается и дружески машет в ответ. Ее сыночек к ней присоединяется.

Хочу ли я детей? Шутите, что ли? Нееет. Ни за что. Тем более, мне нельзя даже думать об этом. Наши с Эйденем родители поплатились за нас.

Я собираюсь плюнуть на ярмарку и смотаться отсюда, доехать до ближайшего бара и напиться до потери сознания, а потом проснуться в постели с какой-нибудь горячей крошкой. Только у таких идеальных планов всегда есть препятствие в виде «но». И меня это, знаете ли, чертовски бесит.

Сейчас этим «но» является темноволосая девушка, разглядывающая в своих руках какой-то древний медальон. Она дьявольски симпатичная и сексуальная в обтягивающих синих джинсах и белом топе, открывающем вид на ее хрупкие плечи и загорелую кожу.

Я знаю ее.

И когда осознание этой мысли сражает меня, будто выстрел в голову, я останавливаю внедорожник.

Медленно, словно в тумане, открываю дверь черной машины. Одна моя нога ступает на асфальт, другая все еще не решается на это.

Это она? Но... просто не может быть! Какого черта чикагская цыпочка потерялась здесь? Почему она в Дайморт-Бич?

Я закрываю глаза и выдыхаю. У меня уже есть предположение.

Мой брат сегодня должен беречь свой проклятый зад!

С силой захлопываю дверцу внедорожника. Несколько голубей разлетаются в разные стороны. Прохожу по дорожке вдоль деревьев к палаткам, заполненным ненужной дрянью. Брюнетка, которая заинтересовала меня, все еще разглядывает безделушку. Я не присматриваюсь, но разглядываю ее лицо.

— Сколько это стоит? — слышу ее голос. Девушка показывает амулет продавщице.

Женщина в огромном старом кардигане мнетя прежде, чем ответить.

— Два доллара и пятьдесят центов, — доносится до меня.

Потом продавщица добавляет:

— Давай два доллара и забирай, — у нее грубый голос.

Я достаю из своего бумажника пять баксов, бросаю на прилавок, ломящийся от всякой фигни. Светловолосая женщина поднимает на меня округлившиеся глаза. Ее губы растягиваются в улыбке.

— Сдачи не надо, — решаю добить я.

Женщина улыбается так, будто сорвала баснословно огромный куш и запикивает деньги в свой карман.

— Не стоило, — произносит девушка, внимательно рассматривая меня.

Я смотрю на нее и изображаю улыбку «я-милый-принц».

— Брось.

Она невзначай облизывает губы, улыбаясь, а мой член уже заявляет о себе. Черт возьми!

Я медленно провожу языком по нижней губе в ответ. Очень медленно. Брюнетка смущенно отводит взгляд, заводя прядь волос себе за ухо. Я перехватываю ее пальцы и делаю это за нее. Карие глаза встречаются с моими. Она замирает.

Если бы Эйден сейчас был где-нибудь поблизости, он оторвал бы мне яйца, увидев это.

— Эмм... спасибо, — шепечет девушка. — За медальон... спасибо.

Я сдержанно улыбаюсь и склоняю голову вбок. Мои пальцы все еще касаются ее волос, и она не возражает. Эйдену бы это не понравилось.

— Пустяки, красавица.

Она вздрагивает и опускает взгляд.

Я убираю руку.

— Здесь весело, не так ли? — спрашиваю, оглядываясь.

У меня давно так не колотилось сердце, и это немного сбивает с толка.

Не будь эта милая брюнетка той самой Джейн Мортис, я бы уже трахнул ее прямо на глазах у этих людей.

Но она та, кто она есть, и я должен выяснить причину, какого черта ее сексапильная задница оказалась в Дайморт-Бич. Я должен выяснить, причастен ли к этому Эйден. Если да, то...

— Ага, типа того, — невесело усмехается Джейн, возвращая меня в реальность.

— Часто бываешь на ярмарке? — задаю следующий вопрос, пытаюсь поймать ее на крючок.

— Эээ, нет, я... здесь впервые, честно говоря, — она вновь усмехается и поднимает на меня свои очаровательные глазки.

Черт. Должен признать, у Эйдена неплохой вкус... Очень даже неплохой.

— То есть, как? — строю из себя дурачка. Прячу руки в карманах темных брюк. — В Дайморт-Бич ярмарка проходит два раза в год, и ты здесь только впервые? Все местные жители ждут сезонного обмена барахлом, как люди в пустыне ждут дождя!

Я смеюсь, она негромко ухмыляется.

— Я переехала сюда несколько дней назад, — отвечает Джейн.

Хмм. Это я уже понял.

Причина. Детка, мне нужна причина.

— Всего несколько дней назад? — изображаю удивление. — Оу! Ну и ну, и как тебе здесь?

Небольшая складочка пролегает между бровей девушки. Она переступает с ноги на ногу и скрещивает руки на груди — хочет спрятаться и оставить свои мысли при себе, однако мое природное обаяние и гипнотизирующий взгляд делают свое дело, и она отвечает:

— Не очень... В смысле, здесь все по-другому.

Я вскидываю брови. Строю из себя изумленного парня.

— И откуда же ты пожаловала?

Это было похоже на насмешку.

— Чикаго, — произносит Джейн, и ее глаза становятся грустными.

Да, детка. Продолжай.

— А, ну все понятно, — громко присвистываю. — Нет знаменитых бутиков от «Roberto Cavalli»? Или не можешь найти туфли дороже ста баксов? А! может, — складываю руки на груди, — может, в этом городе нет ресторанов, где платными являются даже салфетки?

Не знаю, что на меня нашло. Я просто дерзок. Слишком. Но эта Барби должна знать свое место.

Мисс Чикаго пронзает меня похолодевшим взглядом, и на ее милом личике не остается ни капли смущения.

— Ты сам не похож на парня из бедного района, — ее глаза сужаются, и мне становится интересно. — Пиджак от «Corneliani », ботинки марки... — она опускает голову и делает задумчивый вид. Затем резко поднимает свой острый взор. — Ботинки от «Armani». Все ясно, — она ухмыляется. — Похоже, все перечисленное тобой волнует больше самого тебя.

— А ты действительно разбираешься в брендовых вещах, — оценивающе провожу глазами по ее стройному телу, шутливо опустив уголки губ вниз.

Джейн хмурится.

Не с тем связалась, малышка. Нет мастера в сарказме непревзойденнее меня.

— Я потеряла интерес к этой беседе, — уверенным тоном отчеканивает она и круто разворачивается.

Я громко ухмыляюсь.

Девушка собирается уходить, но что-то ее останавливает.

— Ах, да, — она разворачивается и окидывает меня надменным взглядом. — Оставь эту дешевку себе, — и швыряет в меня тот дурацкий медальон.

Я машинально ловлю его, и Джейн, ничего не говоря, уходит.

Вот сучка.

Нет, я это так не оставляю.

Подбегаю к ней и разворачиваю к себе, схватив ее за руку.

— А теперь, — вздыхаю, криво улыбаясь, — шутки кончились. Кто тебя сюда привез? Эйден?

Уверенность мгновенно улетучивается из ее взгляда, и Джейн шумно выдыхает. Ее глаза расширяются, и она размыкает губы, жадно ловя воздух от изумления.

— Что? К ак ты... откуда... — она задыхается, и я чувствую свое превосходство. Крепче сжимаю ее локоть. — Откуда ты знаешь Эйдена?

Неправильный ответ, принцесса.

— Откуда я знаю Эйдена? — отпускаю Джейн и указываю на себя рукой. Уверен, я имею возмущенный вид. — Этот козел — мой брат, черт подери, — продолжаю грубо.

Какой-то придурок смотрит на нас из окна своей дряхлой тачки.

— Чего уставился? — спрашиваю я грубо, обращаясь к нему, и тот моментально закрывает окно.

— Я не понимаю тебя, — до меня доносится вялый лепет Джейн. — Кто ты вообще такой, черт подери? Чего ты хочешь? — она хмурится сильнее, но теперь я вижу в ее глазах страх.

Она делает шаг назад.

Кто я такой? Чего я хочу?

Я обрушиваю на нее убийственно ледяной взгляд.

— Я уже сказал тебе, кто я, — свожу брови вместе. — Ты что, слабоумная? Глухая?

Да... Когда я злой, то становлюсь невероятно красноречивым.

Джейн вздрагивает и пошатывается назад.

— Я... — она так и не договаривает, громко сглатывая.

В отдаленном уголке своей порочной, беспутной души я чувствую вину за то, что пугаю ее.

Я вбираю в себя воздух и подхожу к девушке. Джейн пятится назад, но я вновь ловлю ее за руку. Она пытается вырваться, и тогда я усиливаю свою хватку.

— Отпусти! Мне больно! — вскрикивает девушка.

В нашу сторону оборачиваются две женщины. Я игнорирую их.

— Ты ненормальный, да? — пищит Джейн.

Я склоняюсь над ней.

— Во-первых, мне плевать, что тебе больно, — тихо и угрожающе выговариваю я. — Во-вторых, проваливай отсюда, Джейн. Проваливай и не оглядывайся. Не думай даже возвращаться в Дайморт-Бич. Забудь о моём брате. Раз и навсегда, — я встряхиваю ее, и девушка всхлипывает. — Если я увижу тебя в городе, рядом с Эйдемом, — делаю небольшую паузу, чтобы добить девушку окончательно, — так скажем, у кого-то будут неприятности.

Я чувствую, как дрожь, которая пробивает тело Джейн, передается мне, и это возбуждает. Ее слабость, ее страх, плескающийся в карих глазах.

— Ты поняла меня, Джейн? — медленно и так же проникновенно тихо уточняю я.

— Откуда ты знаешь мое имя? — шелестит она.

Я раздраженно рычу и приближаюсь к ее лицу.

— Ты поняла?! — громче переспрашиваю я, игнорируя ее вопрос.

Джейн судорожно вздыхает и согласно трясет головой.

Резко убираю от нее руку и поправляю пиджак. Поднимаю подбородок и обвожу внимательным взглядом окружающих. Черт бы побрал их любопытство.

— Вот и отлично, — с энтузиазмом продолжаю я, словно только

что не был груб с ней. — Надеюсь, мы договорились.

Я оставляю ее здесь, среди толпы возмущенных людишек, тонущих в бессвязном потоке собственных голосов. Я сажусь в свой внедорожник и еду прочь отсюда, отгоняя от себя проклятое чувство вины.

Я врываюсь в дом и швыряю ключи на кухонный стол. Мощные удары сердца отдаются в висках, и я чувствую, как адреналин танцует в венах.

Хожу по гостиной и не вижу своего глупого братца.

— Эйден! — кричу я. — Эйден, черт тебя дери, тащи сюда свою задницу!

Тишина.

Где он пропадает?!

Неожиданно чьи-то маленькие ручки закрывают мне глаза.

— Угадай, кто? — слышу у своего уха знакомый шепот.

Сейчас не время для игр.

Убираю с лица руки девушки и разворачиваюсь. Анна стоит передо мной в моей рубашке... и все. На ней больше ничего нет. Я не могу игнорировать то, как она сексуально выглядит, как невинно скрещивает свои стройные ноги и смотрит на меня в предвкушении, прикусив нижнюю губу.

Она бы уже оказалась в моей кровати и стонала от удовольствия, если бы не моя встреча с Джейн, из-за которой, дьявол заberi эту девушку, я не могу собраться с мыслями.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю резко.

— Пришла к тебе, — Анна выгибает дугой левую бровь.

— Как ты попала сюда?

Она закатывает глаза и вздыхает.

— У меня есть ключ. Ты забыл? Ты сам мне его дал.

Я не помню этого. Никому из своих временных подружек я не даю ключи от дома. Но Анна — другое дело, хоть мы с ней и не встречаемся официально. У нас свободные отношения.

— Не стоило этого делать, — бурчу я. — Где мой брат?

— Не знаю. Когда я пришла, в доме никого не было.

Я отворачиваюсь к окну и думаю, где носит Эйдена. Анна подходит ко мне сбоку и обвивает руками мою талию.

— У меня есть час, — говорит она, поднимаясь на носочки, чтобы видеть мое лицо.

Я не обращаю на нее внимания.

— Успеет? — звучит ее сладкий голосок.

— Не сегодня, — кратко отвечаю я и скидываю с себя ее руки.

Чувствую на себе недовольный взгляд.

Анна игнорирует мои слова. Она не собирается останавливаться. Эта девушка не из робкого десятка и, возможно, поэтому она мне нравится, раз я трахал ее больше трех раз.

Она запрыгивает на тумбу позади нее и подталкивает меня ногами к себе. Расстегивает ширинку брюк и дотрагивается до члена через ткань боксеров. Да. У меня стояк. Но Анна здесь не причем...

— Что с тобой такое? — ее вторая рука резво забирается под мою рубашку и касается пресса.

Мои веки с трепетом опускаются на глаза. Тьма мгновенно рассеивается, и я вижу испуганное лицо бывшей Эйдена.

Ладони Анны нежно прикасаются к моей уже раскаленной коже. Я вздыхаю, вбираю в себя воздух. Черт возьми. Нам нужно остановиться. Но Анна трогает меня, настойчиво и умело. Ни один нормальный парень не стал бы прекращать этот кайф.

Она опускает руки вниз, оттягивает ткань боксеров и касается головки члена большим пальцем. Святое дерьмо! Я не выдержу... Не выдержу...

— Хочешь, я подниму тебе настроение? — вкрадчивым шепотом спрашивает Анна.

Не уверен, что она хочет поднять именно настроение.

Я не отвечаю, и блондинка спрыгивает с тумбы. Она без предупреждения берет мой член в свой рот. На всю глубину.

Я вздрагиваю. Поднимаю руку вверх и прикасаюсь к своей голове. Закрываю глаза. Хорошо ... Просто прекрасно!

— Анна, — не могу молчать и произношу ее имя сквозь плотно стиснутые зубы.

Она не останавливается ни на мгновение и, помогая себе рукой, доводит меня до грани. Ее влажный горячий рот может приносить удовольствие.

Я готов рухнуть на пол от внезапно нахлынувшего бессилия и бесконечного кайфа, заполняющего меня изнутри, но хватаюсь за тумбу и удерживаю равновесие. Анна выглядит довольной. Она все еще гладит мой член, но теперь медленно и осторожно. При этом ее дикий взгляд прикован к моему лицу.

— Ну как? Тебе стало лучше? — сексуальным голосом интересуется она.

Я громко сглатываю и запрокидываю голову.

— Мне продолжать? — она ускоряет движение своей руки.

Дьявол!

Я резко поднимаю ее за руки вверх. Скидываю все к черту с тумбы и сажаю на нее Анну. Грубо раздвигаю ей ноги. На ней маленькие черные трусики. Мило. Слегка приподнимаю девушку. Она держится за мои плечи, пока я снимаю с нее нижнее белье. Мой член сейчас взорвется. Я бесцеремонно и без прелюдий вхожу в нее. Полностью. Анна выкрикивает мое имя, все еще держась за меня. Я отталкиваю ее к стене, разрываю белую рубашку на ней и захватываю сосок на ее груди. Посасываю сначала один, потом другой. Анна зарывается пальцами в мои волосы, сжимая их и причиняя легкую боль.

Я двигаюсь в ней. Быстро. Жестко.

— Боже, Роооосс, — она начинает стонать.

Я целую ее так же грубо, как и всегда, кусая за нижнюю губу. Мой язык проникает внутрь ее рта, и я просто трахаю ее.

— Я уже близко, — отстраняясь, шепчет Анна.

Ее лоб соприкасается с моим плечом, когда она начинает стонать громче. Я усиливаю интенсивность своих толчков и чувствую, как начинаю кончать. Анна извивается в моих руках.

— О, черт, — шиплю я, вытаскивая член из ее киски.

Моя сперма выливается на ее гладко выбритый лобок.

— Черт, черт, — возбужденно произношу я.

Анна тянется, чтобы поцеловать меня. Я дарю ей незабываемый глубокий поцелуй. Ее грудь вздымается, и я не могу отказать себе в желании вновь ласкать эти совершенные соски.

— Да, малыш, вот так, — шепчет она, выгибаясь мне навстречу.

Я обхватываю ее руками и снова закрываю глаза.

Анна что-то говорит мне, но я не слышу ее. Перед моими глазами снова застывает образ Джейн Мортис, и я совершенно бессилен, не в состоянии сопротивляться нахлынувшим воспоминанием о недавней встрече. Настороженный взгляд карих глаз, застывший на мне, густые темные волосы, слабо колыхающиеся на ветру, пухлые, сочные губы, движущиеся, произносящие что-то, но что именно — я не могу услышать...

— Росс.

Джейн должна держаться подальше от моего брата.

— Росс!

Она должна держаться подальше от нашей семьи.

— Мне больно, Росс! — до меня доносится крик Анны, и я распахиваю глаза.

Я слишком сильно кусаю ее.

Анна смотрит на меня в полном недоумении.

— Какого черта? — спрашивает она, держа руку на моей груди, отталкивая.

Я не могу шевелиться какое-то время, а потом отстраняюсь от девушки. Она удивляется сильнее.

— Тебе пора, — хриплым голосом произношу я и застегиваю молнию на брюках.

— Что? Почему?

— Просто уходи, Анна. Я закончил. Ты мне больше не нужна... Сегодня, — добавляю непринужденно спустя несколько секунд.

Анна — не из тех девушек, которых после таких слов закатывают истерики. Она реагирует на наши отношения адекватно и спокойно.

— Окей, — неопределенно отзывается девушка и сползает с тумбы.

Анна поднимает с пола свои трусики и натягивает их.

А затем направляется к выходу.

— А как же... — начинаю я, но слышу громкий хлопок входной двери. — Твои вещи...

Анна ушла.

ПЯТАЯ ГЛАВА

Анна

Мама затягивает пояс на красном халате потуже и поворачивается к плите, чтобы продолжить готовку завтрака для меня. Глядя на нее, я обуваю кеды, прыгая по ступеням лестницы на одной ноге.

— Доброе утро, — говорит она без энтузиазма.

— Доброе, — я хватаю пончик из вазы для фруктов и сминаю его буквально за пару секунд.

— Не перебивай аппетит! — мама все так же повернута спиной ко мне.

— Я опаздываю на занятия , — начинаю я, глядя на ее растрепанный светлый затылок.

— Нам надо поговорить, Анна, — у нее светлые глаза, но когда она сердится, они приобретают темный оттенок.

Прямо как сейчас.

— Я опаздываю на занятия , — повторяю я, пожимая плечами.

— Ты, черт возьми, съешь свой завтрак и выслушаешь меня! — строго заявляет мать.

— Кто-то встал не с той ноги? — ухмыляюсь я, намеренно пропуская мимо своего внимания ее вспыльчивость.

Мама не отвечает, я поднимаю руки в качестве примирения и сажусь за стол.

— О чем пойдет речь? — уточняю равнодушно и закидываю ноги на стол.

Мама тут же оборачивается на звук и пронзает меня взглядом: «Черт-подери-красавица-ты-когда-нибудь-нарвешься». Я растягиваю губы в непринужденной улыбке и убираю ноги.

— Если я опоздаю на лекцию профессора МакКолла, это будет на твоей совести, — бормочу, протягиваю руку и отпиваю из стакана холодное молоко.

Мама отворачивается и выключает плиту. На кухне витает неприятной запах подгорелой еды, и я морщусь нос. Готовка не входит в список талантов моей матери.

— Ты не можешь встречаться с ним, — заявляет она.

Какое-то время я сижу в ступоре и пытаюсь понять, что значат ее слова.

— Тебе пора прекратить смотреть свои сериалы, — с насмешкой в голосе отвечаю я. — Ты ведешь себя, как одна из героинь подобных маразматических шоу.

Мама игнорирует мою саркастическую шутку и нервно перемешивает деревянной лопаткой жалкое подобие нормального завтрака.

— Ты ведешь себя несерьезно, Анна, — укоризненным тоном произносит она.

О, вот как?

— О чем вообще разговор? — ее ходьба вокруг да около начинает сердить меня. — В чем проблема?

Она фыркает, и я пытаюсь угадать, что взбрело ей в голову на этот раз.

— Как будто ты не знаешь, — ворчливо говорит она и подходит к столу. Мама перекладывает рагу (хотя я не уверена, что это именно рагу) на тарелку и громко ставит ее передо мной. — Ешь.

— Я не голодна, — отодвигаю тарелку. — И нет, я не знаю.

Мама недовольно поджимает губы и скрещивает руки на груди.

— Ты обещала, что не будешь спать с ним, — прямо выдает она.

Я давлюсь воздухом и начинаю громко кашлять.

— Что? — хриплю я, все еще пытаюсь избавиться от комка в горле. — Знаешь, о таких шокирующих вещах не стоит говорить с утра пораньше.

Мама наклоняется и ударяет ладонью о поверхность стола. Тарелка жалобно вздрагивает, издавая неприятный звенящий рокот.

— Не надо делать из меня идиотку, — сквозь зубы произносит она, и я вжимаюсь в стул под ее пристальным взглядом.

Закусываю губу в смущении, мои глаза бегают, осматривая забитую бараклом кухню в темных тонах, на потолке которой количество трещин я выучила наизусть.

— Не начинай, — мямлю я и медленно встаю из-за стола.

— Нет, — ее гортанный голос заставляет меня вздрогнуть и замереть. — Ты выслушаешь меня, Анна Элизабет Гарнер.

Я кривлю лицо, когда она произносит мое имя полностью.

— Ты сошла с ума, — мама обходит стол и нависает надо мной, словно купол тьмы и разочарования, намереваясь уничтожить всю мою уверенность и превратить ее в пыль тщетности. — Ты понимаешь, насколько глупо поступаешь, ошиваясь с ним? — она выделяет каждое слово.

— Никто ни с кем не ошивается, — бурчу я вполголоса, стараясь не смотреть ей в глаза.

— Ты осознаешь, чем твоя интрижка с этим... Россом, — ее верхняя губа дергается от презрения, когда она выговаривает его имя, — может закончиться?

Какого черта она лезет в мою жизнь? Мои отношения с Россом — самое последнее, что должно ее касаться.

— Я... — начинаю раньше, чем планировала, и застываю с разинутым ртом, не зная, что сказать дальше. — Росс и я просто... дружим, — неуверенно продолжаю я. — У нас свободные отношения. И если ты намекаешь на то, насколько я беспечна, то ты... ты не права, мама. Я отдаю отчет своим действиям, ясно? Росс ни о чем не узнает. И я не собираюсь ему ничего рассказывать.

Я быстро закидываю рюкзак на плечо и чувствую, как щекочущая внутренности тревожная нервозность поглощает с каждым мгновением все больше здоровых клеток моего мозга. Поднявшись со стула, я бросаю маме неуверенный взгляд и вздыхаю.

— Это ничего не значит, — говорю я. — Я и Росс... мы просто... мы... все несерьезно.

Я замечаю, как ее лицо смягчается, но острый подбородок по-прежнему выдвинут вперед, а это явный признак того, что она сомневается.

— Мне бы очень хотелось верить твоим словам, Анна, — в полголоса отвечает она. — Правда, — затем шумно втягивает в себя воздух и резко расплетает руки, которые до этого мирно покоились у нее на груди. Она достает из кармана сигареты с зажигалкой. Я не люблю, когда мама курит в моем присутствии. — Но... ты же знаешь, что я могу чувствовать, когда человек лжет? — она сужает глаза и подносит зажженную сигарету к потрескавшимся губам. — И мне не нужны никакие способности, чтобы понять, когда МОЯ дочь врет мне, Анна, — мама делает шаг в мою сторону. — Держись от этого парня как можно дальше, поняла?

— Не надо указывать мне, — ворчу я. — С чего ты вообще взяла, будто можешь решать, что мне делать, и с кем общаться? Я не пятилетняя девочка, — я качаю головой. — Только потому, что мы скрываем одну тайну, это не значит, что мы связаны.

Ее глаза расширяются, и она судорожно выдыхает облако дыма мне в лицо. Я отклоняюсь назад и намеренно машу перед собой рукой, рассеивая полупрозрачный серый сгусток.

— Я твоя мать, — она говорит неуверенно. — Я могу, и я должна тебе указывать. Ты молода...

Я цокаю.

— Вот только не надо читать мне нотаций об этом, ладно?

— Ты молода, — решительно продолжает мама, хватая меня за ладонь и сжимает ее. — Пойми же, наконец. Я не желаю тебе зла. А Росс именно им и является.

Я начинаю смеяться. Громко. Я хочу показать ей, насколько нелепыми являются для меня ее слова.

— Росс — не зло, мам. Он просто выполняет свою работу. Он даже не в курсе, что я знаю о нем, — мне с трудом удастся вырвать руку из ее чертовски сильной хватки. — Росс никогда не узнает, понятно? И к чему вообще весь этот цирк? Ты не доверяешь мне? — вовремя перевожу стрелки и сверлю маму притворно обиженным взглядом.

— Ты слепая, Анна, — снисходительным голосом молвит она, пропуская все мои слова мимо ушей. — Твоя влюбленность в этого... выродка, — мама плотно сжимает зубы и начинает шипеть, — сделала тебя такой глупой и неосмотрительной! И то, что ты с ним, погубит тебя. Ты понимаешь это? Я не хочу тебя потерять...

— Ты не потеряешь, — я чувствую неловкость.

Мне хочется обнять маму, но я и так и не решаюсь сделать это.

— Моя маленькая девочка, — она подходит ко мне и дотрагивается рукой до моей щеки. Я чувствую, как сильно дрожат ее пальцы, даруя робкие прикосновения. — Ты не можешь быть с ним, милая.

Я знаю это.

— Мне пора, — бормочу, отводя упрямый взгляд с ее взволнованного лица.

Я отстраняюсь, и мамина рука безвольно падает вниз.

— Пока, мам, — говорю я, поправляю черный рюкзак и направляюсь к выходу. — Увидимся вечером.

— Ты должна его бросить! — она не собирается униматься и кричит мне вслед, но я не останавливаюсь и игнорирую все ее последующие обращения до тех пор, пока не вылетаю из дома и не попадаю в плен густого тумана, плотно осевшего на землю.

Холодно.

Я думаю о том, чтобы вернуться и взять кофту, но вспоминаю о

матери и, обняв себя руками, бегу к «Джипу». Остановившись у дверцы, чтобы достать ключи, я замечаю, как какой-то парень пялится на меня с пакетом для мусора у дома напротив. Когда он видит, что я смотрю на него в ответ, то тут же отворачивается и исчезает за входной дверью.

Я хмыкаю и залезаю в тачку. Тут же включаю обогреватель и швыряю рюкзак на задние сидения.

Включаю приемник на всю громкость. Радио ведущий болтает о чем-то без умолку, пока я еду по дорогам Дайморт-Бич. Я стараюсь не думать о Россе... Я стараюсь не думать о словах матери. Ее опасение бессмысленны, потому что я не влюблена в этого ангела смерти. Ведь так?

Я вообще не могу влюбиться.

Я не смогу выйти замуж.

У меня не будет детей.

Хотите знать, почему?

Потому что, черт подери, я бы никогда не пожелала им такой жизни. Если бы у моей матери был выбор, она бы не родила меня, потому что думает точно так же. Она знает, каково это — быть частью семьи Гарнер.

Наш род должен продолжаться. Я уверена, мама думала о том, чтобы прекратить страдания семьи на себе, но ее мать — моя бабушка — заставила дочь родить меня.

Бабушка умерла пять лет назад.

Поэтому, у меня не будет детей.

Даже если тьма поглотит этот мир, и не останется никого, кроме нас, кто смог бы защитить людей от зла, я не решусь дать жизнь кому-то и обрести его, или ее на такие страдания. И мать не заставит меня сделать это.

Род Гарнер преследует злой рок, от которого не избавиться. Никогда.

И все началось в далеком семнадцатом веке...

Джейн

Мне снились его глаза. Мрачные, пронзительные, всепоглощающие и гипнотизирующие. Мне снился его голос. Сначала он говорил сладко и весело, а потом вдруг превратился в гром и загнал меня в угол, заставил мое сердце колотиться с бешеной скоростью от истерического страха.

Он знает мое имя.

Он знает Эйдена, потому что его брат.

А еще он просто чертов псих.

Я никогда не знала, что Эйден — не единственный ребенок в семье. На самом деле, я мало что знаю о его родственниках... Мне всегда было достаточно того, что он рядом со мной. Глупо, знаю. Эйден мог оказаться каким-нибудь серийным убийцей без тормозов, и его шикарная внешность помогала бы ему заманивать влюбленных дурочек вроде меня. Но я верила ему, даже если его жизнь была покрыта тайнами. В какой-то степени мне даже было удобно ничего не знать об этом парне. Я просто любила его.

Но сейчас, когда мы не вместе, я чувствую необходимость знать об Эйдене хоть что-нибудь, потому что, черт подери, его сумасшедший брат угрожал мне и требовал, чтобы я проваливала из города.

Да-да! Прямо так и сказал: «Проваливай отсюда, Джейн».

Я понятия не имею, откуда ему известно о том, как меня зовут.

Есть лишь одно предположение. Эйден рассказал этому ненормальному обо мне.

Поэтому, сейчас я стою, обхватив себя руками, у своей машины на парковочной площадке и высматриваю Эйдена. Первая лекция должна начаться с минуты на минуту, но я не собираюсь уходить, пока не вытрясу из Картера все, что мне требуется.

Почему его безумный брат ненавидит меня? Мы не пересекались, ни разу — я бы его запомнила. Такого... сложно

пропустить. Этот парень пытался показать, какой он страшный, но на самом деле боялся сам. Я видела страх в его глазах, который он тщательно пытался завуалировать под дерзость. Но я сразу раскусила его.

Только одно не укладывается в моей голове. Этот парень словно спятил, увидев меня. Почему?

— Хэй, ты стоишь здесь уже целую вечность! — мне хочется пристрелить себя, когда я слышу за спиной приторно-елейный голос Брайана Киннли.

Этот придурок, возомнивший себя Сексуальным Героем колледжа Святой Марии, не оставляет меня в покое с самого первого дня учебного года.

Я тихо рычу и намеренно не поворачиваюсь к нему. Парень обходит меня и начинает маячить перед глазами.

— Привет, Чикаго! — он широко улыбается, как идиот, и вдруг заливается громким смехом.

Брайан дал мне прозвище «Чикаго», потому что, как вы догадываетесь, я оттуда, и думает, что это невероятно весело.

— Привет, — тихо бурчу я в ответ и продолжаю сканировать парковку.

— Как дела? — бодро интересуется Киннли.

Было более-менее отвратительно, пока не явился ты...

— Прекрасно, — произношу я, вытягивая шею, так как определенный участок площадки загородил Брайан своей высоченной фигурой.

— Сегодня холодно, да? — он делает вид, будто замерз, начиная дрожать и прыгать на месте, хотя на нем толстовка и черно-красный бомбер. Холодно, но не настолько.

— Угу, — уклончиво отзываю я и свожу брови вместе. — Слушай, мне надо идти. Увидимся... как-нибудь, — «не дай Господь» добавляю про себя.

Придется выжидать Эйдена в колледже.

— Эй, стой! — неожиданно Киннли ловит меня за локоть, и я обрушиваю на него недовольный взгляд.

— Чего тебе?

Парень с некоторой нерешительностью поджимает губы и делает шаг в мою сторону. По сравнению с ним я кажусь муравьем. Мне приходится высоко задирать голову, чтобы видеть лицо Брайана.

— Давно хотел тебя куда-нибудь пригласить, — говорит он тихим голосом.

Ох, Боже... только не это.

— Мы можем поговорить об этом позже? — отвечаю как можно мягче, но я раздражена, и это невозможно не заметить. И если у Брайана присутствует хотя бы заростки ума, он поймет и отвалит. Прямо сейчас.

— Окей. Ладно, — у меня едва не отвисает челюсть, когда он соглашается и отпускает мой локоть.

Вау.

— Пока, — бормочу я и быстро шагаю в сторону главного кампуса.

«Социальная психология» кажется мне пыткой. Профессор Белуччи (да, все верно, как Моника Белуччи) разглагольствует о внутрирасовой вражде. Эта тема отнюдь не для первокурсников, но профессор так увлечет своими рассуждениями, что никто из присутствующих в аудитории не решается его перебить и вернуть к теме поведения человека в обществе.

Я нервно щелкаю ручкой, и несколько девушек с нижних рядов косятся в мою сторону. Игнорировать их не составляет особого труда, так как я поглощена своими мыслями. Об Эйдене.

Удивительно, с какой легкостью этот парень вновь ворвался в мою жизнь. Сейчас, сидя в этой душной аудитории, я ловлю себя на мысли, что мы никогда не расставались. В том смысле, что не было пробела между нашими встречами в виде целого года.

— Эй! Земля вызывает Джейн! — я вынырываю из омута мыслей, когда чувствую, что кто-то теребит меня за плечо.

Встряхиваю головой и вижу улыбающееся лицо светловолосой Синтии Эйприл.

— Задумалась? — спрашивает она.

Я оглядываюсь. Аудитория пуста.

Протираю глаза и киваю.

— Да, — я потягиваюсь и морщусь от боли в спине, возникшей из-за того, что я долго просидела в одном положении.

— Пойдем, — девушка тянет меня за руку, и я не успеваю собрать тетради. — Сейчас ланч. Я думала, что никогда его не дождусь. Не хочу опоздать. Тем более нужно занять местечко под солнцем. И это в прямом смысле, — она начинает хихикать. — Наконец-то потеплело.

Воодушевленно вздохнув, Синтия слабо толкает меня в бок.

— Эй, ну ты чего копошишься?

Если бы Синтия не была такой милой, я бы никогда не смирилась с ее манерой поведения — она иногда ведет себя, как парень. Но ее несвойственная мне «тактичность» блекнет на фоне очаровательных светлых кудряшек, милого круглого лица, пухлых щек и невероятно больших глаз аквамаринового оттенка.

За те дни, что мы знакомы, я, кажется, привыкла к странной Синтии Эйприл и теперь считаю ее своей подругой.

Я качаю головой и сгребая тетради.

— Ничего. Пойдем.

Мы покидаем аудиторию и плывем с остальными студентами к выходу из здания.

На улице действительно стало значительно теплее. Туман рассеялся, как и тучи, уступив место солнцу и его струящимся лучам, касающимся холодного асфальта и окрашивающим его в мягкий серый цвет.

Синтия буквально несется к лужайке, чтобы урвать кусочек свободного места, которого почти не осталось.

— Занято! — кричит она и плюхается на траву прежде, чем туда успевает сесть ошарашенная реакцией Синтии девушка. Подруга довольно смотрит ей вслед и затем поднимает голову, чтобы взглянуть на меня. — Садись, — она морщит глаза, так как солнечный свет слепит ее.

Я снимаю с плеча сумку и сажусь по-турецки сбоку от девушки.

— Где Лора? — спрашиваю безучастно.

— Стоит в очереди за нашим ланчем, — отвечает Синтия, рассматривая свои ногти. — Сходим на маникюр? Не могу смотреть на этот ужас...

Она начинает болтать о том, что в последнее время у нее часто появляются прыщи, и я бы с удовольствием дала ей парочку советов и подсказала несколько отличных лосьонов, но не могу сосредоточиться и выкинуть из головы вчерашнюю встречу с братом Эйдена на ярмарке.

Кстати, об Эйдене.

Мне так и не удалось выловить его. Будто он специально скрывается от меня, хотя это глупо, учитывая... да все, в общем-то, учитывая. Ему незачем прятаться и убегать. Но так же он не должен всегда находиться рядом, чтобы в любой понадобившийся мне момент я могла найти его.

У него своя жизнь. Мне надо смириться с этим.

Просто смириться, Джейн.

Смириться с тем, что...

Мое тело застывает в одном положении. Глаза смотрят в одну точку. Я вижу Эйдена рядом с выходом из колледжа. Он только что приехал? Все студенты на последнем году учебы настолько халатно относятся к занятиям?

Я волнуюсь, когда обращаюсь к Синтии:

— Не будешь против, если я отойду? — складываю ладони вместе.

Девушка поворачивает голову и, замечая Эйдена, на которого я точно пялилась не меньше минуты, выдает:

— Неплохой выбор, — подмигивает мне. — Насколько мне известно, он свободен.

Я лишь слабо улыбаюсь ей прежде, чем встать со своего места. Я пересекаю лужайку так быстро, насколько это вообще возможно.

Эйден не успевает взяться за ручку двери, как я кричу ему:

— Опаздывать — признак дурного тона!

Парень останавливается. Он снимает с глаз очки-авиаторы и внимательно рассматривает меня. Так, как будто никогда не видел меня. Как будто мы не встречались раньше.

Но я не слепа и замечаю его беспокойство, которое он так усиленно пытается скрыть под маской непринужденности.

Я могу видеть бисеринки пота на его высоком лбу.

— Привет, Джейн, — наконец, выдает Эйден. — Я тоже рад тебя видеть.

Я решаю не медлить с претензиями. Преодолеваю расстояние между нами достаточно быстро, чтобы парень сумел удивиться, как искусно я могу нападать на людей. Я толкаю его пальцем в грудь.

— Что... ты... — изумление отображается на его лице.

— Что происходит, Эйден? — недовольно изрекаю я. — Почему твой брат, о существовании которого я понятия не имела до вчерашнего дня, велит мне убираться из города?!

Эйден сдержанно сглатывает и отворачивается.

— Не игнорируй меня, — шиплю я. — И не притворяйся, что ничего не понимаешь.

— Я спешу, Джейн, — осипшим голосом отзывается он. — Увидимся позже.

— Что, ты серьезно ?! — восклицаю я, как самая настоящая истеричка. Снова останавливаю его за рукав. — Нет. Мы поговорим здесь. И прямо сейчас, — твердо проговариваю я и вновь приближаюсь к нему.

Не могу пропустить мимо внимания то, как Эйден великолепно пахнет. Аромат его парфюма очень хорошо знаком мне и пробуждает в глубине сознания воспоминания, которые подобно вулкану, взрываются и извергают на поверхность раскаленные образы прошлого.

Он пах так же, как и год назад.

Он пах болью. Пах счастьем. Пах страстными поцелуями.

— Я имею право знать, — восторженно, бормочу я и резко

убираю руку от парня.

Он вздыхает и делает то, что я никак не могу ожидать. Эйден прижимает свои теплые ладони к моим щекам. Это те самые руки, что доводили меня до экстаза каждую ночь, проведенную вместе. Это те самые пальцы, ласкающие мою обнаженную кожу...

— Росс не обидел тебя? — встревожено спрашивает Эйден. — Он не причинил тебе вреда?

Я открываю губы и впускаю внутрь себе теплый воздух. Втягиваю его с громким свистом и задерживаю дыхание.

— Я думала, тебе нет до меня дела, — мой рот произносит эти слова быстрее, чем я успеваю осознать, что сказала.

— Ответь мне, — настаивает Эйден, игнорируя мои слова.

Волнение с головой окутывает меня, и я не могу думать ни о чем, кроме его губ, которые сейчас так близко к моим. Всего несколько дюймов, и я смогу прикоснуться к ним.

— Нет, — все еще глядя на губы Эйдена, произношу я. — Он... ничего мне не сделал. Просто сказал, чтобы я уезжала, — я перевожу взгляд к его глазам и с трудом возвращаюсь из мира грез о поцелуях с Эйденем. — У него проблемы с головой, да? У твоего брата. Он... ненормальный? — почему-то мой голос снижается до шепота.

— Кто здесь ненормальный?

Когда мой слух ловит эти слова, я резко подскакиваю, и мое сердце с оглушительным грохотом ударяется о ребра, а потом начинает тарабанить с астрономической скоростью.

Руки Эйдена застывают на моем лице, но мы оба поворачиваем головы в сторону, откуда звучал голос.

Знакомый, лживый голос, который я слышала всего лишь раз в своей жизни, но уже так хорошо запомнила его.

Дорогая темно-синяя рубашка с двумя расстегнутыми у шеи пуговицами, сверху — не менее дорогой пиджак на пару тонов темнее. Черные брюки, кожаные туфли. Голубые глаза, в которых пляшут бесенята и широкая дьявольская улыбка.

Росс Картер.

— Привет, ребятки. Отлично, что все в сборе! Самое время нам

немного поболтать.

Чертов подонок. Чертов придурок. Чертов идиот. У меня припасено еще много красочных ругательств со словом «чертов».

Росс стремительно движется к нам и бесцеремонно вторгается в наше личное пространство. Он самолично убирает руки Эйдена, покоившиеся на моих щеках. Я вижу краем глаза, как Эйден неодобрительно хмурится, но Росс лишь ухмыляется ему.

Чертов кретин. Этого в списке еще не было.

— Что ты здесь делаешь? — угрюмо спрашивает Эйден.

— Поскольку ты избегал меня последние несколько дней, я решил взять инициативу в свои руки и подкараулить тебя, — легкомысленным тоном отвечает Росс, делая взмахи рукой.

— Это было ни к чему.

— Ты вынудил меня, Эйден, — внезапно взгляд темноволосого Картера становится тверже стали. — А теперь, может, объяснишь мне, какого хрена она до сих пор не вернулась в Чикаго? — он указывает большим пальцем на меня, но холодные голубые глаза прикованы к Эйдену. — Очень интересно послушать, что ты скажешь в свое оправдание.

Его хамское поведение способствует пробуждению во мне зверя, и я толкаю парня в плечо. Я девушка и не должна прибегать к физической грубости. Но иногда бывают моменты, когда некоторые мерзкие личности вроде Росса Картера одним лишь видом превращают тебя в злобного кровожадного монстра.

— Эй! Я, вообще-то, стою здесь и прекрасно все слышу, — возмущаюсь я. — Почему ты говоришь обо мне в третьем лице, как о какой-то вещи?

Росс склоняет голову вбок и посылает мне милую улыбку.

— Крошка, советую тебе закрыть свой очаровательный ротик на пару минут, — сладким голосом отвечает он. — Когда мне понадобится услышать твой писк, я скажу об этом, ладненько?

— Почему бы тебе не пойти куда подальше со своими указами, а? — парирую я.

— Не испытывай мое терпение, детка.

— Не называй меня деткой, придурок.

Ноздри Росса раздуваются, когда он делает резкий вдох.

— Ты хоть представляешь, кому сейчас грубишь, ммм? — рычит он.

— Да. Прекрасно представляю. Напыщенному павлину, — гордо отражаю я.

Парень мгновенно вспыхивает и делает шаг в мою сторону, но Эйден молниеносно перехватывает его и крепко держит за плечи, не давая ни малейшего шанса приблизиться ко мне.

— Оставь ее, Росс, — Эйден не просит, а скорее приказывает брату.

— Она назвала меня придурком, — Росс почти пищит.

— Тебя каждый второй называет придурком, — Эйден закатывает глаза.

Я не могу не улыбнуться. Это действительно смешно.

— Взгляни на нее! — сердится Росс, указывая на меня рукой. — Она еще и смеется надо мной.

— Эй, остынь! — Эйден повышает голос.

Темноволосый Картер перестает сопротивляться брату и отмахивается от него.

— Самое время поплакаться в жилетку своей мамочке, маленький мальчик, — вместо того, чтобы молчать, я подливаю масла в огонь, кидая в адрес Росса язвительное обращение.

Братья в раз замирают. В их глазах застывает неподдельная боль, и я жалею о том, что открыла рот.

— Джейн, не надо, — тихо просит Эйден, оборачиваясь ко мне.

— Не смей говорить о моей матери, — процеживает Росс, прожигая меня испепеляющим взглядом маньяка-убийцы.

Я скрещиваю руки на груди, пытаюсь замаскировать неловкость и вину, и вздергиваю подбородок.

— Может, ты мне все-таки расскажешь, что творится с тобой и твоим эмоционально неустойчивым братом? — вопрошаю у Эйдена и последние слова выделяю сарказмом.

— Ты слышишь? — вновь заводится Росс. — Просить остыть нужно не меня, а свою сумасшедшую бывшую подружку, Эйден.

Эйден бьет брата по руке, приказывая остепениться. Внутри я ликую.

— Это ты ведешь себя, как истеричка, Росс, — спокойно подмечает Эйден. — А теперь, — произносит он громко, прежде чем кто-либо из нас успевает подумать о том, чтобы открыть рот, — вы просто помолчите минуту.

Он смотрит то на меня, то на своего брата, и когда убеждается, что мы действительно будем молчать, начинает говорить.

— Росс думал, что я привез тебя сюда, — неуверенно произносит Эйден, с необъяснимой виной глядя на меня. — Но это не так, — он обращает взгляд к Россу.

Братья смотрят друг друга, и я более чем уверена, что у них происходит мысленный диалог. От этого мне становится неудобно, и я чувствую необходимость кое-что прояснить.

— Что с того, если бы меня привез Эйден?

— Закрытый рот, Джейн, помнишь? — раздраженно цокает Росс и изображает рукой рот, соединив большой палец одновременно с остальными.

Я удивляюсь тому, как мгновенно и легко могу вспыхнуть от злости.

— Ты не только напыщенный павлин, но и полный козел, — выпаливаю я.

Эйден сильно закатывает глаза, и я почти уверена, что сейчас он схватится за голову.

— Прекратите.

— Ладно, — удивление застает меня врасплох, когда Росс сдается, но это добавляет очки уверенности, и я сцепляю зубы, чтобы сдержать по-детски довольную улыбку. — Хорошо. Если ты не привозил ее, тогда как она здесь оказалась?

— Отец Джейн — мэр Дайморт-Бич, — отвечает Эйден, устало потирая переносицу. Все это выводит его так же, как и меня. Только есть одно отличие между моей головной болью и его. Он знает, в чем

причина, а я ни черта не понимаю.

Росс закатывает глаза и упирает руки в бока.

— Боже милостивый, — он смотрит на небо несколько секунд, а затем резко устремляет взгляд на меня. — Твой папаша не мог выбрать другую дыру, в которой он занял бы лидирующую позицию?

Я слышу сарказм в его голосе.

Урод.

Кретин.

Идиот.

И снова урод.

На языке крутятся ругательства, но я проглатываю их вместе с горькой от отвращения к этому парню слюной и качаю головой, фыркая.

— Знаешь, мне...

Я не успеваю договорить, так как Эйден встает между нами и разворачивается всем телом в мою сторону.

— Джейн, пожалуйста, успокойся, — мягко и с мольбой просит он, выглядя измученным.

Но я всего лишь собиралась сказать Россу, что, должно быть, тяжело быть таким невыносимым человеком.

— Тебя это тоже касается, — когда Эйден оборачивается через плечо, обращаясь к брату, его взгляд становится холодным.

Темноволосый Картер хмыкает и скрещивает руки.

— Но это ничего не меняет, Эйден, ты же понимаешь? — говорит он. — Твоя... бывшая девушка, — его голос искажается от того дерьма, которым он переполнен, — должна уехать.

И они вновь смотрят друг на друга так, словно я внезапно растворилась в воздухе.

— Почему вы решаете за меня, должна я уехать, или остаться? — я вскидываю руками, чувствуя, как последние исчезают крупницы самообладания, сдерживающие меня от настоящей истерики.

Эйден издает тяжелый вздох.

— Она права. Мы не можем решать за Джейн. Я не привозил ее сюда, Росс. Я клянусь. Спроси у Джейн, как сильно она ненавидит меня, и ты все поймешь.

Что?

Мое сердце переворачивается внутри меня, и я чувствую болезненный спазм, распространяющийся со скоростью света по всему телу.

Что это значит, хочется спросить мне.

Эйден говорит о моей ненависти к себе так спокойно?

До этого момента я отказывалась признавать то, что Эйдену все равно. Я как самая последняя идиотка верила в глубине души, что «мы» для него не умерли и, возможно, он сожалеет о том, что год назад нашим отношениям настал конец.

Но все это лишь иллюзия, за которую я цеплялась, чтобы не позволить унижению раздавить меня. Я цеплялась за веру в то, чего не было, потому что боялась признать свою слабость и ненужность.

Я не нужна Эйдену.

Уже давно.

Росс молчит. Он размышляет над словами брата, и воцарившаяся мертвая тишина разбивается вдребезги, когда парень равнодушно хмыкает и начинает отходить к своему внедорожнику.

— Обсудим это подробнее за ужином, Эйден. Я приготовлю индейку.

Росс садится в огромный черный внедорожник, и вскоре машина скрывается из поля нашего зрения. Мы с Эйденем долго смотрим ему вслед, не в силах обратить друг на друга внимание.

— Джейн, — когда нас вновь окутывает тишина, Эйден судорожно произносит мое имя.

Я закрываю глаза.

Мне больно слышать его голос.

Я такая глупая.

— Не надо, — произношу, с трудом сдерживая слезы. Я не собираюсь дать ему сказать хоть что-нибудь. — Однажды ты разбил

мне сердце. Этого больше не повторится.

Он не причинит мне боль.

Никто не ломает меня.

Потому что я уже сломана.

Когда я решаюсь открыть глаза, то вижу непонимание, отразившееся на красивом лице Эйдена. Он слегка хмурится, но не решается ничего сказать.

— Тебе плевать на меня, — продолжаю, хотя не хочу этого. — Я знаю это. Теперь, — произношу почти бесшумно. — Но и ты должен кое-что знать, — моргаю и сжимаю кулаки. Я сильная. — Ты мне безразличен, Эйден Картер. Абсолютно. Я была по-настоящему глупа, веря, что сумела оставить в твоём сердце неизгладимый след, — мой голос начинает дрожать, и я провожу пальцами по подбородку, унимая рвущуюся наружу боль. — Я жалею о каждом поцелуе, подаренном тебе. Я жалею о каждой ночи, что провела с тобой. Я жалею, что ты был моим первым мужчиной... — мой голос срывается на шепот, и я опускаю глаза.

Громко сглатываю.

Возможно, сейчас я веду себя, как маленькая, обиженная принцесса, которая не привыкла терпеть поражения и отказы. Хотя это так и есть.

Но дело в том, что я всегда была подвержена испытаниям. И я проваливала их. Раз за разом. Я притворялась, будто это не касалось меня и не ранило. Я прятала свою слабость за улыбками и издевательствами над другими. Над мамой. Над папой. Над друзьями, которых у меня, собственно, никогда и не было. Настоящих, верных друзей. Так проще справляться со стрессом. Я всегда вела себя, как высокомерная и эгоистичная дрянь, и вполне вероятно, что я заслуживаю то, что здесь и сейчас так ничтожна.

Но... это я.

И это все, что я могу сделать, чтобы уберечь себя от окончательного унижения.

Претвориться черствой, переставшей чувствовать стервой.

— Мне жаль, что я была с тобой, — выдавливаю я. — Только впустую потратила время. Так что, — наконец, решаюсь поднять

взгляд. Замораживаю в себе способность испытывать чувства и уверенно встречаюсь с глазами Эйдена, в которых плещется жалость. Ко мне. Ненавижу, — катись к черту. Ты и твой брат. Я не желаю иметь с тобой никаких дел. Если бы у меня была хоть малейшая возможность, я бы уехала. Подальше от тебя. Потому что ты доставляешь мне одни неприятности, Эйден Картер. Я ненавижу тебя.

Ненавижу себя за свою неспособность собрать себя по кусочкам.

— Это все, — на выдохе заканчиваю я и смаргиваю слезинку.

Стираю ее со щеки одним небрежным взмахом руки и спешу удалиться.

Когда прохожу мимо Эйдена, то специально толкаю его плечом. Во мне все цепенеет, когда он удерживает меня за руку и резко тянет обратно. Хватает меня за плечи и наклоняет голову, чтобы встретиться со мной взглядом.

— Отпусти, — я пытаюсь вырваться, сохраняя при этом хладнокровное выражение лица.

Быть сильной.

— Не отпущу, — хрипло произносит Эйден.

— Отпусти! — я начинаю бить кулаками по его груди, но он будто и не чувствует моего сопротивления.

Неожиданно Эйден прижимает меня к себе и обхватывает руками, заключая в стальные объятия. Я все еще барахтаюсь, но без прежней уверенности. Я ослабеваю, чувствуя исходящее от Эйдена тепло, родной аромат его кожи, окутывающий меня с ног до головы и погружающий в полубессознательное состояние, при котором мне хочется стоять смирно и позволять ему обнимать себя.

— Я не верю тебе, — еле слышно шепчет Эйден, его дыхание щекочет мочку моего правого уха. — Ни единому твоему слову.

Я крепко зажмуриваю глаза.

Это ты не должна верить ему, Джейн. Он просто играет с твоими чувствами.

— Мне плевать, — произношу я.

— Лжешь.

К чему эта глупая игра?

— Мне плевать, — повторяю громче, — веришь ты, или...

Я не успеваю договорить. Эйден отстраняется от меня и целует.

Крепко.

Жарко.

Неистово.

Мой разум борется с телом, и я возобновляю попытки сбежать от Эйдена, но он не дает мне этого сделать, сильнее прижимая к своей твердой, теплой груди. Его руки перемещаются на мою талию, и требуется какое-то жалкое мгновение, чтобы потерять остатки здравого смысла и ответить на поцелуй. Не осознавая всю иронию ситуации, я обвиваю руками шею Эйдена и теряюсь в эмоциях, вскруживших мне голову.

Я погружаю пальцы в его шевелюру и пробую на ощупь его мягкие волосы.

Он такой родной.

Я скучала по этому ощущению.

Эйден проникает языком еще глубже в мой рот, и я чувствую внезапную слабость в коленях. Они подкашиваются, и я висну на парне. Наш поцелуй переходит в стадию тех, от которых теряют сознание.

Я осознаю, что мы двигаемся куда-то. Как банально это ни звучит, но близость Эйдена отключает мой мозг, и все, о чем я думала несколько минут назад, в чем была уверена, как никогда, — перестает иметь какой-либо смысл.

Через несколько секунд моя спина упирается в кирпичную стену. Эйден изучает мои губы так, словно они — произведение искусства. Я чувствую влажность между ног, когда его поцелуи становятся еще настойчивее. Он проникает пальцами под мою блузку и касается кожи живота.

Я хочу оттолкнуть Эйдена от себя и прекратить это безумие.

Но не могу.

Я люблю его.

Всегда любила.

ШЕСТАЯ ГЛАВА

Росс

Я стою на обочине дороги. Время переваливает за полночь. На большой ржавой табличке неподалеку написано «Дайморт-Бич». Название города перечеркнуто красной линией. Я не знаю, куда ехал этот чувак, но он однозначно превысил скорость.

Возможно, если бы он не нажрался в хлам, как последняя свинья, то сумел бы избежать летального исхода. Не поймите неправильно — мне плевать на его жизнь, мне плевать, что его прекрасная карьера дерьмосберегателя в одном из местных банков оборвалась в тот миг, когда этот жирный придурок уснул за рулем и врезался в дерево.

Мне жаль, что я стою уже битый час и жду, когда этот кретин очнется... точнее, когда его жалкая душа выберется из ста двадцати килограммовой туши.

Я здесь, потому что мне нужна его хренова душа, за которую не получу много денег, но это моя работа, поэтому я, черт подери, должен торчать на дороге, ведущей в забытый миром городок.

Я бросаю очередной, пронизанный отвращением взгляд на толстяка в окровавленном сером костюме, лежащего среди осколков разбитых окон автомобиля и своих размазанных по асфальту мозгов. Фыркаю и перевожу взор обратно на экран специального навигатора в своих руках, предназначенного для информации о душах, которые должен забрать. Такой есть и у Эйдена. И у каждого демона, занимающегося переводом душ на тот свет.

— Итак, что у нас здесь? — я начинаю читать биографию трупа и не могу удержаться от сарказма.

Прислоняюсь спиной к своему внедорожнику и тяжело вздыхаю. Боже, ну почему мне достаются такие придурки?! Я же ни черта от них не получаю... одни гроши.

В каждом городе работают по несколько ангелов смерти. Дайморт-Бич — маленький город, и его контролируем мы с Эйдемом. Но все реальные сделки и, собственно, реальные деньги достаются

моему брату. Его жертвы — это монахини и девственницы! Я просто уверен в этом.

А мне приходится страдать, забирая души чертовых извращенцев, воров, убийц... могу долго перечислять это дерьмо.

Этот ублюдок, попавший в аварию, не сделал в своей жизни ничего хорошего.

— Дэвид Пинч, — произношу вслух его имя и усмехаюсь, когда смотрю на его портретное фото. Лысый, куча подбородков, глаза, заплывшие жирком и сверкающие наглостью.

Козел.

Пролистываю вниз и натываюсь на самое интересное в его увлекательной биографии.

— А ты у нас знатный пьяница, — бормочу весело. — Ммм, любишь покувыркаться с молоденькими девушками? — ехидно смеюсь.

Оу. Трижды привлекался к уголовной ответственности за разбой.

— Изнасиловал проститутку? — не могу скрыть своего удивления. — Ого. Это... Это... Воу. Приятель. Каким же уродом ты был, раз тебе отказала даже проститутка, в чьи обязанности входит обслуживать таких извращенцев вроде тебя...

Мои глаза округляются, когда я вижу следующее.

— Убил сотрудника рекламного отдела в девяносто шестом году, когда начинал свою карьеру в одном из небольших банков Нью-Йорка, — присвистываю, продолжая. — Серьезно, чувак? Ты завалил своего друга? Как тебя выпустили из тюрьмы, гавнюк? Знаешь, я бы прикончил тебя, если б мог. За что ты его убил-то? — усмехаюсь и качаю головой.

Пролистываю дальше.

— Ты просто редкостный засранец. Да еще и старый извращенец, — провозглашаю свой окончательный вердикт.

Его душа начинает вырываться из тела. Я замечаю это, когда отрываю глаза от экрана навигатора. Через мгновение Дэвид стоит передо мной. Под его глазами видны синяки, хоть он уже и просто... приведение. Он измотан.

Я убираю навигатор и машу Дэвиду.

— Привет.

Тот ошарашено взирает на меня.

— Кто ты, нахрен, такой? — спрашивает он и морщится. — Где я?

Затем оглядывает и кричит, когда видит свое лежащее тело.

— Твою мать! — он начинает вопить громче и отскакивает в сторону. — Какого... Что за...

Переводит испуганный до чертиков взгляд в мою сторону.

— Это... Это... Ты сделал это со мной?!

— Я не убивал тебя, если ты это имеешь в виду, — поднимая руки вверх, я излучаю спокойствие. — Ты разбился. Уснул за рулем. Если бы быть точным, — смотрю на наручные часы, — пару часов назад.

— Но как? Как? Как? — Дэвид берется за голову, точнее пытается, однако руки падают вниз сквозь его тело.

Он удивленно таращится на меня. Его глаза наполнены неподдельным страхом.

— Ты — призрак, — объясняю я. — Мне жаль.

Ни хрена мне не жаль.

Пока Дэвид приходит в себя от моих последних слов, я откашливаюсь прежде, чем начать говорить.

— Итак, — мой голос кажется мне хриплым. — Не имеет значения, но я все-таки спрошу... Сколько девушек ты изнасиловал? Последней была горничная. Ты ударил ее по голове бутылкой и затащил в свой номер двенадцатого апреля тысяча девятьсот девяносто четвертого года, — болтаю без умолку и чувствую прилив удовольствия, наблюдая за тем, как удивление перерастает в ни с чем не сравнимое потрясение. — Ты — чертов маньяк, ты в курсе? — скрещиваю руки на груди. На моих губах играет улыбка. — А еще ты нереально везуч. Ой. То есть, был, — прикрываю рот рукой и скидываю брови, изображая невинность.

Его вид души меня убивает. Они все такие смешные в эти

моменты.

— Я... эээ... — Дэвид с трудом понимает, откуда я знаю такие закрытые за семью печатями тайнами его жизни. — Кто ты такой, твою мать?

Я отталкиваюсь от внедорожника и с устрашающей медлительностью приближаюсь к призраку. Он громко сглатывает и делает шаг назад.

— Я — Кара Небес, — выговариваю напускным, зловещим голосом и растягиваю губы в дьявольской улыбке. — И я пришел, чтобы отправить твою душу в Ад.

Я вижу и чувствую каждой клеточкой своего сознания и тела, как душу Дэвида сражает страх. Он громко сглатывает и вновь отходит от меня.

— Не надо, — с его уст срывается бессвязный лепет. — Не надо. Не надо. Не надо! — под конец он трясется и кричит, как законченный псих. Я едва сдерживаю себя оттого, чтобы не разразиться громким смехом. — У меня есть деньги!

Не сомневаюсь. Ведь сколько же своих грехов он скрыл благодаря им.

Дэвид тянется рукой к карману своих брюк, но пальцы погружаются сквозь его призрачную плоть.

— Проклятье, — шепчет он.

Склонив голову вбок, я наблюдаю за ним.

— Я... можно же договориться? — Дэвид поднимает на меня сверкающие от дикого страха глаза. — Я могу заключить с тобой сделку?! Я сделаю все, что скажешь! Пожалуйста! Я не хочу в Ад! Только не Ад... Пожалуйста, — толстяк падает на колени и подползает ко мне.

Я выгибаю бровь и смотрю на то, как ничтожен этот бывший человек.

— Ты что, шутишь, придурок? — говорю я с некой циничностью. — Я же сказал, что ты мертв. МЕРТВ!

Дэвид стонет и опускает голову.

— Я не хочу в Ад... — он рыдает и всхлипывает.

— Это не ко мне, приятель, — я отхожу от него и вновь смотрю на часы. — Все, тебе пора валить в мир иной.

Душа нервно оглядывает себя. Затем переключает вопросительный взгляд на меня.

— Что это? — он ошеломлен, потому что чувствует притяжение ко мне. Не физическое, не подумайте.

Его влечет в мою сторону, и он сходит с ума от непонимания, почему так происходит. Несмотря на сопротивление, призрак медленно придвигается ко мне с противными шуршащими всхлипами. Я раскрываю руки и жду, когда он, наконец, приблизиться достаточно, чтобы принять его в себя и отправить на тот свет.

Через несколько мгновений Дэвид проходит сквозь меня, и последнее, что я вижу, — его отчаянный взгляд. А затем он растворяется в воздухе, словно пыль.

Дэвид исчез.

Но появилось кое-что другое.

Последствия того, что я пропустил через себя плохую душу.

Я морщусь и закрываю глаза. Нет. Это не боль. Но мне неприятно от этого ощущения так же, словно я чувствую как раз таки боль.

Когда мы забираем хорошие, неиспорченные грехами души, то испытываем приятные ощущения, как в сексе. Эйден, я уверен, кончает каждый раз, когда отправляет на тот свет очередную милую старушку, или ребенка, или священника. Я же вынужден захлебываться в дерьме, которое остается после плохих душ.

Я всегда их получаю. Ну ладно, почти всегда.

Волна холода окатывает меня с головы до ног, и я сильно вздрагиваю.

Чем хуже душа, тем хуже оправляться после нее.

Признаться, Дэвид был не таким уж и козлом, потому что спустя несколько минут я ощущаю прежнюю бодрость и готовность затащить какую-нибудь цыпочку в свою постель.

Я помню, как хреново было, когда мне пришлось забирать душу

серийного убийцы. Ох, вы еще не знали? Дайморт-Бич — тот еще городок. Готтэм нервно курит в сторонке.

Я возвращаюсь к внедорожнику и сажусь в него. В последний раз смотрю на место аварии и лежащее тело. Сколько грязи. Сколько крови. Дэвид Пинч заслужил такую смерть.

Завожу мотор и трогаюсь с места.

Анна

Я едва не засыпаю за рулем, когда подъезжаю к колледжу. Мистеру Россу Картеру приспичило вызволить меня из дома глубокой ночью и провести с ним время в его кровати. Нет. Тогда я не жаловалась, но из-за него чуть не проспала на учебу. Россу плевать на это. У него есть работа, и этого достаточно, чтобы прожить.

К сожалению, мне повезло не так сильно, и я должна учиться, чтобы вырваться из Дайморт-Бич и уехать как можно дальше отсюда,строиться на работу, влезть в долги, как самый обычный человек.

Господи. Кого я обманываю?

Мне предначертано сгнить в этом городе.

С оптимистическими мыслями я заглушаю мотор «Джипа» и выползаю из него, захватив рюкзак и куртку. Надеваю ее, как только оказываюсь снаружи. Дерьмо. Давно не было так холодно. И это странно. Другие не увидят в этом апокалипсиса, но я знаю, что несет в себе подобный и резкий перепад температуры.

В этом холодном воздухе, просочившимся в мои легкие, чувствуется что-то зловещее.

Я укутываюсь в кожаную куртку и двигаюсь к западному корпусу, где с минуты на минуту должна начаться лекция по социологии.

Рядом с входом вижу, — о мой бог, — как Эйден Картер целует Джейн Мортис. Господи, нет. Он не просто целует ее. Он буквально

засасывает ее в себя! И это смотрится так горячо, что будь у меня член, он бы встал.

Я начинаю смеяться, так громко, что влюбленная парочка отстраняется друг от друга и пялится в мою сторону. Эйден супится, а Джейн краснеет. Я останавливаюсь на секунду, широко ухмыляюсь и отсалютую им двумя пальцами. Эйден берет Джейн за руку и уводит ее с глаз моих долой. Будь у меня настроение, я бы последовала за ними, чтобы поиздеваться над братом Росса.

Когда парочка исчезает, я оглядываюсь по сторонам. Студенты с энтузиазмом украшают здание колледжа снаружи. Похоже, им плевать на дикий холод. Они странные. Чудилы. Зачем им это надо? В смысле, зачем начинать подготовку так рано? Праздник Спасения пройдет только через неделю.

Как будто нет ничего значимее этого дня. Как будто в этом есть какой-то смысл — напоминать о дне, когда зло ушло из города, оставив за собой гору трупов и море отчаяния. Почему никто из них не может просто забыть о Дне Спасения? Вычеркнуть навсегда из своей памяти и жить дальше с надеждами, что такое больше никогда не произойдет.

Если на то пошло, то этот праздник должен быть в честь нашей семьи — семьи Гарнер, ведь мы спали Дайморт-Бич от тьмы, окутавшей его.

Моя десять раз прабабушка пожертвовала жизнью во имя благополучия этого города. Она прогнала древних демонов, даруя жителям спасение и мирную жизнь без страха, что следующее мгновение может стать последним. Но об этом никто не знает. История в учебниках умалчивает о том, что наш род даровал Дайморт-Бич новую жизнь. Безопасную жизнь. Люди думают, что это легенда. Но как же они ошибаются.

Нельзя извлечь выгоду даже из этого дурацкого праздника... Жесть. Если бы все узнали о геройской славе рода Гарнер, я и мать не ютились бы в крохотном доме и не считали копейки, называемой ее зарплатой. Нас бы почитали. Любили. Уважали. Ублажали.

Если бы о нас знали.

Мама говорит, что так будет лучше. Чем меньше им известно, тем крепче они спят.

Да, она права. Но этот праздник, который я бы хотела отмечать со всеми почестями, осыпанная лаврами ... Идиотские мечты. Но разве мы не заслужили хотя бы чуточку благодарности? Наш род на протяжении вот уже нескольких столетий защищает Дайморт-Бич от зла, какое только может существовать в этом мире. А его полным-полно, поверьте.

Элеонор Гарнер — великая и незабвенная — избавила жителей этого города от существ, порожденных самой Тьмой, которые выкупали души у ангелов смерти и истязали их, обрекая на вечные скитания по миру живых. Когда-то эти твари устроили здесь апокалипсис и собирались распространить этот хаос по всему миру. Но Элеонор предотвратила Ад на земле ценой собственной жизни. Ее силы поглотили ее, превратив в пепел. Но с тех пор Дайморт-Бич в безопасности.

И пока что по сей день.

Только теперь благодаря нам с мамой.

Мы оберегаем город от непрошенных гостей.

Бывало ли с вами такое, что вы теряете свои мысли? Что-то в одно мгновение заставляет вас перестать думать, и вы застываете на ровном месте прямо посреди забитого людьми коридора от какого-то странного, необъяснимого ощущения потерянности?

Я не могу думать и лишена возможности шевелиться, но ясно чувствую что -то будоражащее и зловещее в воздухе. Я не способна сделать даже вдох, и от нехватки кислорода начинают неистово пылать мои легкие.

Что происходит ?

Меня будто парализовало.

Холодно. Просто дико холодно, и когда я с судорожным выдохом избавляюсь от последнего воздуха, все замирает. Студенты, неразборчивый гул их голос, стрелки больших настенных часов... Я слышу лишь то, как громко и глухо бьется мое сердце в груди.

И вдруг из ничего, откуда-то издалека, появляется тьма. Она стремительно минует расстояние и густым вихрем окутывает меня. Я не осознаю, как начинаю вертеться вокруг своей оси, чтобы уследить за ее движением. За считанные мгновения чернота обволакивает окружающее пространство, и во мраке я вижу расплывчатые силуэты,

от которых мне хочется убежать. Но я не могу. Некуда бежать.

От тьмы веет могильным холодом, ее острые языки касаются моей кожи, жала и отравляя сознание смутными образами.

Мне страшно.

Никогда прежде не происходило ничего подобного. И я бы подумала, что схожу с ума, если бы не знала, что тьма намного ближе ко мне, чем можно себе представить.

До меня доносится едва уловимый шепот. Он говорит неразборчивые вещи на языке, которого я не знаю, и никогда не слышала ранее. Но почему-то у меня возникает непреодолимое желание идти вперед, туда, где тьма еще глубже и непрогляднее.

Я чувствую толчок в спину и делаю шаг. Резко опускаю взгляд и вижу, как от моего движения снизу поднимается облако искрящегося пепла.

Я будто в Аду.

Меня колотит от страха, и я громко сглатываю. Снова делаю шаг. Мои кулаки крепко сжаты. Я готова принять на себя удар и атаковать, если понадобится, и даже если не знаю, с чем имею дело. А именно так и есть.

Я понятия не имею, что это за хрень.

Я двигаюсь дальше, оставляя за собой тлеющие следы. Я оборачиваюсь, но по-прежнему наблюдаю мрак.

Мой взгляд цепляется за чей-то силуэт в нескольких футах. Я вновь сглатываю болезненный комок нерешительности, застрявший в горле. Любопытство охватывает меня, и я неосознанно возобновляю свое движение.

Я приближаюсь к фигуре, которая стоит неподвижно. Теперь могу видеть светлые волосы, которые развивает тьма. Эта девушка моего роста.

Что за чушь?

Я осторожно протягиваю дрожащую руку и касаюсь плеча незнакомки. От моих пальцев вспыхивают искры, и они молниеносно тлеют, сливаясь с окружающей тьмой.

Девушка начинает медленно оборачиваться.

У меня перехватывает дыхание, когда в чертах незнакомки, стоящей напротив, я узнаю свои глаза, свои губы, свой нос... Но это будто извращенная версия меня. Мрачная, холодная, бледная, как мертвец. И глаза. В них словно сгустилась все зло этого треклятого мира. Они черны, и их необъятная тьма затягивает меня в воронку, вселяет цепенящий, чудовищный ужас.

Другая я смотрит на меня, гипнотизируя своим застывшим пронзительным взглядом, и я вновь не могу шевелиться.

А затем ее белые губы с кровавыми трещинками начинают произносить слова, которые превращаются в удивительной мощи крик, пробуждая лихорадочную дрожь во всем теле. Дрожит даже моя душа. Я кричу в ответ, но от того, что становится дико больно в ушах, к которым тут же прижимаю ладони и сгибаюсь пополам.

Внезапно тьма рассеивается. Другая я исчезает, как и мрак. Я вновь вижу студентов, и их разговоры доносятся до меня сквозь громкий звон в голове.

Медленно выпрямляюсь и теряю равновесие. Пытаюсь удержаться на ногах, но запинаюсь об одну из них и начинаю падать вниз. Я готовлюсь встретиться затылком с кафельным полом, однако кто-то идущий сзади ловит меня.

— Эй, ты в порядке? — голос парня адресован мне. — Тебе плохо?

Я не могу ответить, так как все внутри меня продолжает сжиматься от всепоглощающего страха.

Я видела тьму не просто так.

И в этой тьме была я.

Это знак.

Определенно, знак...

— Э-э-эй, — парень ставит меня на ноги и встает передо мной.

Что-то грядет.

Я должна немедленно рассказать о своем видении маме.

Прямо сейчас.

— Ты точно в порядке? — голос парня слышится отчетливее.

Я должна ответить ему, чтобы он отстал, и уйти.

Он выше меня, и когда я поднимаю голову, чтобы посмотреть на него, в глазах стремительно темнеет, и я вновь отклоняюсь назад, но больше не могу контролировать свое тело и свое сознание.

— Черт, — это последнее, что я слышу перед тем, как упасть в обморок.

СЕДЬМАЯ ГЛАВА

Эйден

Я с огромным трудом вставляю ключ в замочную скважину. Джейн не перестает ласкать языком мою шею. Я тяжело вздыхаю. Хочу взять ее с силой прямо здесь, на пороге.

Как только мне удастся захлопнуть дверь за нами, я бросаю ключи на пол. Приподнимаю Джейн за бедра. Она без слов обвивает ногами мою талию и виснет на мне, будто обезьянка. Моя маленькая, милая обезьянка. Мы неистово целуемся, словно загнанные на необитаемый остров, отчаявшиеся и одинокие, без надежды на спасение. У нас есть только мы, и это разжигает в нас пламя стать единым целым, чтобы выжить.

Я не помню, чтобы целовал кого-то так. Даже Джейн. Настолько страстно, грубо, невозможно, горячо!

Джейн извивается в моих руках. Я просовываю язык глубже в ее рот, затем ласково прикусываю нижнюю губу, и она стонет. Громко. Когда моя рука поднимает вверх по ее шикарной ноге, я дотрагиваюсь до края ее черного чулка. Ммм... кружево. Мне нравится целовать ее и прикасаться пальцами к бархатной коже стройных бедер. Нравится трогать ее, исследовать, как раньше... но сейчас я делаю это намного грубее, чем раньше. Почему? Потому что я скучал за ней. Просто чертовски сильно. И я хочу быть грубым. Не хочу сдерживать себя. Я буду диким с ней.

Джейн выгибается, она дышит часто и томно. Я усаживаю ее на стол, не прекращая ласкать и покусывать эти сладкие губы. Срываю резким движением с нее черные кружевные трусики. Ее темные глаза затуманены. Она целует меня настойчивее, и я теряюсь в ее хрупких

пальчиках, расстегивающих ремень на моих джинсах. Джейн хватается мой член рукой, оттягивая ткань боксеров.

Мы отстраняемся, оба понимая, как сильно желаем друг друга. Я так возбужден, что еще несколько непринужденных движений, и могу кончить прямо сейчас.

— Пожалуйста, — шепчет она мне в рот. — Войти в меня.

Моя девочка раздвигает ноги шире, как бы зовя меня, приглашая к себе, и ложится на спину. Я спускаюсь ниже, целую внутреннюю часть сначала одного бедра, затем другого. Провожу языком по раскаленной нежной коже. Дотрагиваюсь до лобка. Она чертовски идеальна.

— Пожалуйста, — Джейн приподнимается на локтях.

Меня не нужно просить еще раз. Я приспускаю джинсы и боксеры. Приближаю Джейн за ноги ближе к себе, а после резко вхожу в нее. Мы издаем синхронный восторженный стон от сладкого проникновения моего члена в ее киску. Я начинаю стимулировать клитор пальцем, продолжая двигаться в ней. Мне нужно, чтобы мы кончили одновременно.

Любимая вновь роняет голову на стол. Она выгибает спину сильнее, пока я довожу ее до экстаза. Джейн стонет громче, когда я начинаю двигаться в ней быстрее.

— Боже, Эйден! — выкрикивает она.

Джейн изнемогает в ожидании оргазма. В ожидании нашего с ней непревзойденного, мать его, оргазма. Уверен, моя малышка никогда не забудет это.

Что можно делать после двух часов секса? Не представляю другого варианта, как снова заняться им. Особенно, если речь идет о Джейн. Я не могу насытиться ею. Наша разлука была чертовски болезненной и долгой. Даже имея других девушек, я вспоминал о Джейн. Нет. Не так. Я всегда думал о ней. И только о ней. Моей Джейн.

Я покрываю робкими поцелуями каждый участок ее обнаженной кожи. Сейчас она сидит голая, на ее теле — не застегнутая белая рубашка. Я ласкаю языком ее соски, слушая тихие стоны, и это

самый прекрасный звук на свете. Джейн цепляется в мои руки, ведь я мучаю ее своей медлительностью.

Сколько раз я довел ее до оргазма? Пять раз? Шесть? Но это же моя девочка. Ей этого недостаточно.

Мне нужно повалить ее на кровать. Я так и поступаю. Умещаюсь между ее ног. Мой дружок готов войти в нее. Он всегда готов. Джейн открывается мне шире и смотрит в мои глаза умоляющим взглядом. Ей не хватило. Она жаждет продолжения.

Хорошо.

Одним резким толчком я вхожу в нее, на всю глубину.

Джейн вскрикивает.

— Я скучал за тобой , — снова совершаю толчок.

Она прикусывает губу, и это сводит меня с ума.

— Ты хоть представляешь, как я скучал, — я замираю в ней на миг.

Джейн извивается, она стонет от наслаждения.

— Да-а-а-а, — ловит ртом воздух, пока я заполняю ее всю. — Еще, пожалуйста! Эйден! Еще...

Она хватается руками за белые простыни, продолжает кусать свои губки, и я тихо рычу на грани того, чтобы превратиться в обезумевшего зверя. Я больше не в силах терпеть. Это, черт, безумно хорошо. Я не могу сдерживать стоны. Мы издаем звуки удовольствия в унисон.

Грудь Джейн приподнимается. У нее второй размер. Даже немного больше. Это прекрасно. Идеально. Ее соски хотят, чтобы я вновь облизал их.

Но Джейн настолько тугая, что я не сдерживаюсь, запрокидываю голову назад и провожу языком по своим засохшим губам, жаждущим вкусить ее.

— Черт возьми, Джейн, — рычу я. — Такая узкая, — произношу уже шепотом.

В ответ она лишь выкрикивает мое имя и сжимает пальцы в кулаки. Я вижу ее лицо. Мы на грани оргазма, но мгновение перед

самым его наступлением затягивается и становится бесконечным. Это настолько приятно, что можно свихнуться.

— Пожалуйста, быстрее, — всхлипывает любимая.

Как скажешь, детка. Все будет так, как ты скажешь.

Я ускоряюсь. Джейн все еще в моей рубашке. Никто не может представить, как это сексуально. Потому что нет никого на моем месте, кроме меня. Никто, кроме меня, не видит ее, умоляющую лишь одними губами об оргазме.

Наконец, я наклоняюсь вперед. Джейн тихо вскрикивает. Я изменяю позу и касаюсь языком ее сосков — стоны наслаждения становятся громче.

— Д-а-а-а, — кричит она, погружая пальцы в мои волосы и цепляясь за них.

Я не прекращаю двигаться. Мой член твердеет внутри нее. Он набухает, и я боюсь, что может взорваться. Это запросто, когда он в Джейн. Я повышаю настойчивость своих толчков. Поднимаю голову. Джейн закрывает глаза, ее ротик округляется.

Да, детка!

Вот так.

Я чувствую то же самое. Ощущаю пульсацию в пенисе. Я хочу кончить в нее, я хочу почувствовать, каково это — когда моя жидкость вытекает из любимой девушки. Но я не могу...

Мне приходится высунуть член и кончить ей на живот.

Джейн не прекращает сладко стонать. Она кладет обе ладони на свою грудь, переводя дыхание. Мое дыхание сбивчивое и тяжелое. Моя сперма на ней. Это выглядит безумно сексуально.

Джейн Мортис — моя.

Я резко убираю ее руки от груди, склоняюсь над ней и вновь принимаюсь ласкать бардовые упругие соски.

Они такие сладкие и мягкие! Дерьмо.

— Эйден, — возбужденно шепчет Джейн, и я поднимаю голову. — Я не могу... Больше не могу... Но ты заводишь меня снова... прошу, не надо...

Я хитро улыбаюсь ей и продолжаю стимулировать пальцами соски на ее груди. А мой рот находится прямо у ее киски. Джейн приподнимается. Ее глаза встречаются с моими, и на этот миг время замирает. Я никогда не делал этого для нее. Надеюсь, что никто не делал. Я буду первым. Я, черт подери, должен быть первым. Во всем.

Джейн резко вбирает в себя воздух, когда мой язык пробует на вкус ее центр. Я кружу им по самому уязвимому месту на ее прекрасном теле.

ДЕРЬМО! ВЫ НЕ СЛЫШИТЕ, КАК ОНА СТОНЕТ!

А я слышу.

И мой член тоже. Он сходит с ума.

Руки Джейн больно сжимают мои волосы, но я игнорирую это.

— Боже, детка, — я поднимаюсь на мгновение, чтобы поцеловать ее в губы. — Ты и понятия не имеешь о том, какая сладкая.

Она останавливает меня, когда я вновь собираюсь спуститься вниз, к ее киске. Джейн прижимает свои теплые ладони к моему лицу и тянет к своим губам. Она дарит мне такой сумасшедший поцелуй, словно в него вложила всю себя.

— Эй, — смеюсь я. — Мне нужно закончить то, что я начал.

Вместо ответа Джейн опрокидывает меня на спину и садится сверху.

Она, черт возьми, садится прямоиком на мой огромный стояк, заполняя себя полностью.

— Господи! — чуть ли не кричу я.

Черт!

Черт!

Черт!

Я вижу, как она прикладывает пальцы к своему клитору, продолжая то, что не дала мне закончить. Джейн доводит себя, она двигается просто дьявольски отлично! Я слегка приподнимаюсь, чтобы коснуться ее совершенного живота.

Матерь Божья!

Как Джейн это делает?

Черт!

Как она ласкает себя! Это горячо, твою мать.... Только от одного вида я готов кончить.

Джейн стонет. Я понимаю, что она уже близко.

Я не выдерживаю. Поднимаюсь и захватываю ее губы в плен. Провожу ладонями по ее спине, пробираясь под свою рубашку. Джейн начинает дрожать. Теперь двигаюсь я.

Быстро. Нескончаемо жестко, принося ей боль и удовольствие.

— Эйден, — произносит она, и в ее стоне я слышу что-то еще. — Эйден!

В душе я кончаю оттого, как Джейн выговаривает мое имя. Не выразить словами, как приятно, когда с этих прелестных губ слетает твое имя. Она олицетворяет его с удовольствием. И я опьянен этой мыслью, как алкоголик дорогим виски.

Я делаю резкий толчок и, чувствуя, что кончаю, нежно кладу Джейн на спину, отпуская себя на нее.

Медленно переводя дыхание, ложусь рядом. Целую в губы, но на этот раз ласково и осторожно.

— Ты осталась при своих, — шепчу я, касаясь пальцем ее клитора.

Джейн вздрагивает и тянется ко мне. Наш поцелуй длится долго. Она придерживает меня за голову, пока я медленными, неторопливыми движениями довожу ее до экстаза. Меняю тем, играя с ней.

Быстро.

Медленно.

Снова быстро.

От этого Джейн недовольно всхлипывает, так как когда я замедляю движение своих пальцев, то отдаляю ее приближение к пику наслаждения.

Мне нравится видеть ее такой. Дерзкой, возбужденной, и в то же время незащищенной и уязвимой. Сейчас она очень женственная и

робкая.

Быстро...

Медленно...

Быстрее быстрого...

— А-а-ах, — моя Джейн не может сдерживать звуки восторга. Наши лица совсем близко. Я раскрываю губы и вдыхаю в себя ее экстаз. — Прощу тебя...

— Скажи, что любишь меня, — я пользуюсь моментом.

Да, я засранец. Знаю.

Она замирает. Мои пальцы замирают. Мир вокруг нас замирает. Я медленно убираю от нее руку. Вижу разочарование в карих глазах, которое просачивается сквозь поры на коже и отравляет, вызывает помутнение рассудка.

Я знаю, что если через несколько секунд вновь прикоснусь к ее набухшему клитору, то Джейн будет вдвойне приятнее.

Я так и делаю.

Джейн начинает дрожать и закатывает глаза от удовольствия.

— Черт, — шепчет она.

Мои губы касаются ее подбородка, затем губ. Но лишь слегка. Так же, как и мои пальцы двигаются очень, очень медленно.

— Скажи, что любишь меня, Джейн, — повторяю я тихо.

— Эйден, — она еле качает головой.

— Скажи, — настаиваю я и давлю на клитор.

Сейчас она полностью подчинена мне, и я обожаю думать об этом.

Джейн крепко хватается за мою руку. Ее ногти впиваются в мою кожу. Я набираю скорость движений.

Быстро!

Черт возьми, очень быстро!

Джейн сводит брови вместе. Тихо рычит. Я не могу сдержать довольную улыбку. Люблю ее. Просто чертовски сильно.

Когда я чувствую, что она близко, то убираю пальцы.

— Не делай так, — Джейн задыхается, она пытается сама дотянуться до своей киски, но я пресекаю эту возможность.

Хватаю тонкие кисти и придерживаю их над ее головой одной рукой. Джейн не может вырваться. Она всхлипывает. Я прижимаюсь к ее губам и дарю грубый поцелуй. Очень грубый. Мы растворяемся в нем, словно сахар в горячей воде.

Когда я касаюсь ее плоти, Джейн судорожно и громко выдыхает мне в рот, но этого ей недостаточно, чтобы кончить.

— Скажи, Джейн, — мой язык касается мочки ее уха.

Пальцы возобновляют круговое движение, но через минуту вновь убираю, вызывая у Джейн слезы.

— Умоляю, — тихо молвит она.

— Скажи, что ты все еще любишь меня, — хрипло отвечаю и кусаю губу, потому что стояк вызывает неудобства.

— Я... — Джейн подавленно сглатывает.

Я вновь касаюсь ее там. Медленно. Чувственно.

— Тебя... — ее дыхание становится глубоким и быстрым.

Черт, она готова кончить.

— Ну? — ласкаю ее ухо, шею.

Я ускоряю движение своей руки.

Джейн выгибает спину.

— Я люблю тебя, Эйден! — выкрикивает она и зажимуривает глаза. Слезы катятся по ее щекам, и я спешу убрать их.

Мое сердце заполняется теплом, и я опускаю голову, чтобы втянуть в рот левой сосок ее груди. Быстро кружа пальцами по клитору, я приближаю Джейн к стремительному и умопомрачительному оргазму. Я чувствую сладкий сок у себя в руке, и это чертовски приятно.

Через некоторое время Джейн перестает дрожать. Она выпрямляется на постели, и я больше не держу ее, но не перестаю целовать. Джейн обнимает меня за шею, обвивая своей ногой мое бедро.

— Я тоже люблю тебя, — запоздало говорю в ответ. — Больше, чем ты можешь себе представить.

Джейн улыбается сквозь слезы. Я стираю их поцелуями.

— Прости, — произношу негромко.

Она не отвечает, лишь качает головой.

Я крепко прижимаю к себе Джейн. Ее волосы пахнут ягодами. Это безумно вкусный запах. Я люблю ее, и я растворился в ней... Полностью. Снова.

— Пообещай, что не оставишь меня, — вдруг шепчет она, обвивая меня своей рукой.

Я крепко зажмуриваюсь и проклиная себя в тысячный раз.

Я не должен говорить ей этого и тем более обещать. Рядом со мной Джейн в опасности. Рядом со мной ее не ждет ничего хорошего. Но... я не настолько силен, чтобы оставить ее во второй раз.

— Пожалуйста, Эйден, — она поднимает голову и устремляет на меня жалостливый взгляд. Будто от этого обещания зависит ее жизнь.

Мое проклятое черное сердце сжимается в тиски.

— Обещаю, — хрипло произношу я. — Я никуда не уйду.

Ее губы расплываются в нерешительной улыбке, и она целует меня в шею.

— Спасибо, — отзывается тихо. — Спасибо.

ВОСЬМАЯ ГЛАВА

Джейн

— Черт. Я всерьез подумываю о том, чтобы переехать к тебе и поселиться в твоём шкафу, — бормочет Синтия.

Она стоит перед большим зеркалом в моей комнате, приложив к себе изумрудное атласное платье, которое я купила прошлым летом в одном бутике во время поездки в Атланту с мамой. Мы занимались шопингом, и наши отношения были более-менее сносными.

Я ухмыляюсь, лежа на кровати. Лора сидит рядом и листает

модный глянцевый журнал. Она выглядит так, будто ей вообще все равно, в чем идти на вечеринку в честь какого-то городского праздника. Дня Спасения, кажется.

Синтия отводит одну руку, в которой держит платье, от себя и смотрит на него грустными глазами.

— Оно потрясающее, — вздыхает тяжело и протяжно. — Но зеленый цвет мне не идет.

Она поворачивается ко мне, чтобы я оценила.

— Ты права. Зеленый — не твой цвет, — я поджимаю губы и качаю головой. — Примерь янтарное платье с баской. Оно висит в дальнем правом углу, — я указываю пальцем в сторону гардероба, куда едва уместились мои вещи. — Оно подойдет к цвету твоих волос.

Аквамариновые глаза Синтии начинают гореть неистовым пламенем. Она подпрыгивает в порыве радости и разворачивается к огромному шкафу почти во всю восточную стену комнаты. Начинает копошиться и достает то платье, о котором я говорила.

— Примерь его, — киваю, когда девушка вопросительно и умоляюще смотрит на меня.

— Спасибо! — Синтия вновь начинает скакать и аккуратно кладет платье рядом с нами на кровать. — Девочки, не против стриптиза?

Я смеюсь и поворачиваю голову в сторону Лоры, щеки которой слегка краснеют. Синтия начинает снимать с себя вещи и остается перед нами в одном нижнем белье.

— Вечеринка будет через три часа, — тараторит, натягивая на себя платье. — Боже! — восклицает, когда ткань плотно обтягивает ее бедра. — Оно чертовски узкое. Но я все равно надену тебя, — Синтия опускает голову и обращается к платью, — потому что ты просто дьявольски крутое.

Я перевожу взгляд на телефон, который лежит под боком. Хватаю его и вижу сообщение от Эйдена. На моем лице расплывается широкая улыбка, и сердце начинает отбивать яростный ритм, когда в сознании всплывают моменты нашего вчерашнего горячего секса.

Эйден : «Уже не терпится тебя увидеть».

Я прикусываю губу и спешу набрать ответное сообщение.

Я : «И мне».

Эйден : «Что? Тоже не терпится увидеть себя?».

Я : «ЛОЛ. Нет, дурачок. Схожу с ума, как хочу встретиться с тобой».

Эйден : «Три часа, детка, и я возьму тебя. Прямо в Святой Марии».

Я чувствую, как жар растекается по телу, пробуждая дикую пульсацию внизу живота.

Я : «Черт. Не говорит об этом. Я в комнате с Лорой и Синтией. Могу сорваться и изнасиловать их.

Эйден : Потерпи детка, и побереги силы для меня. Обещаю, после вечеринки ты забудешь, как ходить».

О-о-о-ох. Матерь Божья.

— Джейн?

Слышу, как Синтия называет мое имя, и резко поднимаю голову.

— Что?

— Ты с нами? — усмехается она и демонстративно проводит руками по воздуху вдоль своего тела. Платье уже на ней. — Как тебе? Я думаю, оно просто создано для меня. Не считая, конечно, того, что если я сяду, ткань лопнет на моей заднице. Ну да ладно. Я заставляю ее подружиться с платьем. Я не собираюсь сидеть. Ну, если только на ком-нибудь верхом, — Синтия подмигивает мне.

Я смотрю на нее несколько секунд, но перед собой вижу Эйдена. Обнаженного. Спускаю взгляд ниже и задерживаю его на животе девушки. Там был бы его...

— Эй, — Синтия щелкает пальцами перед моим лицом. — Ты где витаешь?

— Нигде, — отзываюсь рассеяно. Затем произношу: — Платье действительно тебе идет. Ты просто обязана быть в нем на вечеринке.

— А ты, — она указывает на меня, — просто обязана подарить мне его. Что скажешь? Прости за мою неслыханную наглость, но я готова сделать все, что угодно, лишь бы получить его, — под конец

издает отчаявшийся вдох и опускает плечи.

Я бы не вспомнила об этом платье до этих пор. Поэтому...

— Конечно, — мой голос слегка дрожит, но не от неуверенности, а оттого, что я не могу выбросить из головы мысль о словах Эйдена и его соблазнительных планах на этот вечер. — Ты можешь забрать платье себе.

Синтия не шевелится некоторое время, похоронив свой недоверчивый взгляд на мне.

— Правда? — осторожно уточняет.

Я улыбаюсь.

— Правда.

Стремительно ее губы расплываются в широкой улыбке.

— Спасибо! — Синтия бросается ко мне, чтобы обнять. Она запрыгивает на кровать и прижимает меня к себе, крепко обхватив мою шею руками. — Спасибо! Ты чудо, Джейн! И ты вовсе не стерва.

Отстранившись, я награждаю ее несколько обиженным взглядом.

— Вау. Ну, спасибо...

Синтия сползает с кровати.

— Не то, что бы я считала тебя стервой. Но другие... ты же знаешь, — она делает небрежный взмах рукой.

— Да, — наконец, оживает Лора и отрывает взгляд от глянцевых страниц журнала «Cosmopolitan». — Брианна Стоун до сих пор не может уgomониться, что ей нашлась достойная замена, — ее большие глаза устремляются на меня.

— Что? — я начинаю смеяться. — Я не собираюсь никого заменять. Пусть почетное звание Сучки принадлежит ей.

— Она завидует тебе, — соглашается с Лорой Синтия.

— Плевать, — пожимаю плечами и покидаю кровать. Двигаюсь к гардеробу. — Брианна может говорить и думать все, что ей хочется. Если бы она имела для меня какое-нибудь значение, я бы давно с ней разобралась. Уж поверьте.

Мне не один раз приходилось иметь дело со стервами. Ладно. С такими, как я. Но из всех стерв я наименее... стервозная.

— Давайте не будем о ней, — предлагаю и тянусь к платью, в котором собираюсь быть на сегодняшней вечеринке. Оно черное, маленькое, с открытой спиной. Я купила его за несколько дней до того, как переехала в Дайморт-Бич. Как чувствовала, что оно может понадобиться мне в такой дыре. — Что скажете об этом? — поворачиваюсь с платьем к Лоре и Синтии.

— Подъезжаем, — объявляет Эйден, сворачивая с дороги на парковочную стоянку.

Лора и Синтия болтают на задних сидениях, а я не могу насмотреться на Эйдена. Своего парня.

Он действительно мой парень. Снова. И пока что ничто не способно повисить мне настроение так, как мысль об этом. В столь огромном мире именно невзрачный Дайморт-Бич стал нашей точкой соприкосновения. Нашим вторым шансом.

И у меня по-прежнему куча вопросов.

— Чего улыбаешься? — весело спрашивает Эйден.

Я встряхиваю уложенными волосами и моргаю.

— Да так. Задумалась.

— О чем?

— О тебе, — отвечаю прямо, не сводя с него восхищенных глаз.

Он выглядит просто невероятно в этом обычном черном смокинге. Но я с трудом держу свои руки при себе. Хочется сорвать с него одежду, потому что без нее Эйден просто великолепен.

Он сглатывает и поворачивает голову в мою сторону. Я ловлю его слегка взволнованный взгляд и робко улыбаюсь. Надеюсь, он тоже хочет снять с меня платье, потому что я — да.

Эйден не отвечает, пытается улыбнуться в ответ. Но его губы лишь едва заметно вздрагивают. Их манящая пухлость вытворяет что-то сумасшедшее с моими внутренностями. Я хочу наклониться и искушать их.

Эйден останавливает автомобиль своего брата Росса, у которого язык, как помело. Я издаю неглубокий вдох и отворачиваюсь к окну. Отчего-то сердце начинает беспокойно тарабанить в груди, и мои ладони становятся влажными. Я незаметно вытираю их о прохладную ткань платья и толкаю от себя дверцу.

Меня окутывает слабый ветер, и я оглядываюсь. Заняты почти все места на парковке. Сегодня воскресенье, и вместо того, чтобы валяться дома в объятиях Эйдена... Нет. Не правильно. Вместо того, чтобы сгорать с Эйденем в объятиях друг друга, мы вынуждены идти на этот дурацкий вечер в честь такого же дурацкого Дня Спасения — что-то вроде городского праздника, основанного на бессмысленной, не имеющего ничего общего с реальностью легендой о душах, злых демонах и какой-то женщине со сверхспособностями, спасшей жителей Дайморт-Бич...

Смахивает на «Дневники вампира».

Эйден подкрадывается сзади и кладет руки на мою талию.

— Пойдем? — спрашивает он.

Его шепот ласкает кожу на моей шее.

Я накрываю его руки своими ладонями и согласно мычу в ответ. Эйден целует меня в мочку уха и обходит, чтобы подставить свой локоть, за который я цепляюсь и благодарно улыбаюсь.

Мы движемся к главному корпусу. Лора и Синтия плетутся за нами.

Стены колледжа украшены шарами, картинами ангелов и демонов. Весь пол усыпан разноцветными конфетти. Эйден держит меня за руку, наши пальцы переплетаются. Сейчас я чувствую себя счастливой. Ничто не сможет испортить этот вечер.

Мои ноги подкашиваются, когда Эйден кладет одну руку мне на спину. Его прикосновения воздушны. Он проводит пальцами ниже, заставляя мою голову кружиться. Я вся трепещу, словно малолетняя девчонка.

Я люблю его.

— Хэй, мисс Чикаго!

Мое сердце пропускает удар, когда из-за угла появляется Росс.

Какого черта?

Мы с Эйденем замираем. Лора и Синтия вопросительно смотрят на нас. Я заставляю себя отвести взгляд от старшего Картера и киваю подругам, чтобы они шли дальше. Росс бесстыдно смотрит на их задницы, когда те спешат скрыться, затем поворачивается и складывает руки на груди. И вот его лицо вновь украшает напыщенная ухмылка. Цепкий взгляд не сулит ничего хорошего.

— Так и знала, что идеальные моменты не длятся вечно, — ворчу я, прижимаясь ближе к Эйдену.

— В чем дело, Росс? — мой парень устало вздыхает. — Сегодня праздник. Хотя бы в этот день не порть мне настроение своим лицом.

— Да, братишка, — говорит брюнет со стальными глазами. — Само собой. Может, отойдем и поздравим друг друга? Надеюсь, ты приготовил для меня долгую и трогательную речь?

Эйден закатывает глаза, и его рука соскальзывает с моей спины. Я чувствую, как холод заполняет меня, когда он делает шаг к своему брату.

— Эйден, — произношу и обрываю себя, так как не знаю, что сказать.

Он оборачивается ко мне через плечо и дарит печальную улыбку.

— Я скоро вернусь. Не скучай.

Я громко вздыхаю и слышу едкий смех Росса.

— Придурок, — не сразу понимаю, что сказала это вслух.

Ой. Нехорошо.

Поджимаю губы, чтобы сдержать смешок. Лицо Картера старшего становится раздраженным.

— Ты...

Эйден намеренно сильно хлопает брата по плечу.

— Ты, кажется, хотел поговорить? У меня нет времени на болтовню. Пошли.

И он тянет Росса в сторону.

Брюнет превращает меня в горстку пепла своим яростным взглядом.

Эйден

Мы проходим через сплошные коридоры. Я уже запыхался. Вдруг Росс останавливается возле очередного стенда, который посвящен истории Святой Марии. Брат долго смотрит на меня обвиняющим, пронзительно недовольным взглядом.

— Что? — я развожу руками.

— Я знаю, кого ты трахал вчера, чувак! — он морщится. — Прекрати строить из себя ангелочка!

Я отвечаю ему пытливым недоуменным взглядом, а потом медленно закрываю глаза. Проклятье. Это уже не смешно.

— Ты следишь за мной? — спрашиваю.

— Да. Потому что , если ты на минуточку забыл, от этого зависит сохранность наших шкур!

В одно мгновение я становлюсь взвинченным. Что еще он видел?!

— Слушай, это мое личное дело, ясно? — рявкаю взвинчено и подхожу к нему.

Его серая рубашка идеально выглажена. Удивительно.

— Нет, не твое. А наше. Хватит крутить с ней интрижку, Эйден! Вы не можете быть вместе. Вы из разных миров , — Росс повышает голос. — Вы — две далекие галактики , — он разводит руки в стороны, как бы показывая размеры нашей несовместимости с Джейн. — Вы как Джим Моррисон и Шанайя Твейн. Как Джек Дэниэлс и Хеннесси, в конце концов ! Понимаешь это, или нет?

— Нет! — резко говорю я. — Ты тоже можешь влюбиться в девушку. Ты наполовину человек. Тебе свойственно чувствовать. И вот когда ты влюбишься...

— Этого не случится. Никогда, — строго прерывает брат. — Никогда. Я умею и могу себя контролировать. Мои отношения с

Анной — живой пример.

— Да ты просто используешь ее, — горланю возмущенно.

Было бы наивно полагать, что я сумею вызвать у Росса чувство вины.

Брат откашливается и поправляет воротник своей рубашки.

— Это взаимовыгодное сотрудничество, заключенное нами по обоюдному желанию, — отзывается нарочито деловым, бесстрастным тоном.

— Как же, — я громко фыркаю. — Ты заигрался, Росс. Она влюблена в тебя. Ты просто идиот, если не видишь этого.

— Сейчас речь идет не о нас с Анной, — холодно изрекает Росс. — Ты и Джейн. Вот что на данный момент делает мою жизнь чертовым кошмаром.

— Оставь меня в покое, — рычу, приближаясь к нему. — Оставь в покое Джейн. Лучше займись своей личной жизнью и своими проблемами.

— Вот именно, Эйден! Нет личной жизни — нет проблем!

— Я люблю ее, — не собираюсь отступать.

И Росс тоже.

— Ты должен оставить ее.

— Никогда.

— Ты, черт подери, должен понимать, чем все обернется, если не сумеешь уговорить свой член и подумать головой, а не им!

Из самых глубин моей души вырывается дикий, животный рык, и я бросаюсь на брата. Хватаю его за плечи и впечатываю в стену.

— Закрой свой рот, Росс, — гнев делает мой разум туманным, и с каждым мгновением мне все сильнее хочется свернуть своему брату шею.

— Иначе что? — ухмыляется он. В его глазах искрится жестокое веселье.

Чертов идиот.

Я встряхиваю его, отстраняю от стены и вновь вжимаю.

— Узнаешь, — обещаю тихим, зловещим голосом.

Росс смеется, запрокинув голову.

— Соппротивление бесполезно, Эйден, — говори притворно сожалеющим тоном.

Затем он опускает взгляд и резко скидывает с себя мои руки.

— Им все известно, — процеживает сквозь зубы, и мгновенно идиотское веселье уходит с его лица. — Ты в западне. Нет. Ты в глубокой заднице, брат мой, — Росс начинает идти на меня, и мне ничего не остается делать, как пятиться назад.

Моя бравая уверенность трещит по швам, но я изо всех сил стараюсь скрыть это от пронзающих насквозь глаз брата.

Они знают...

Эти слова эхом проносятся в моей голове, теряясь в глубинах сознания.

— Марго, Вестор, Бромас, Энгиан, — Росс перечисляет имена, от которых меня бросает в лихорадочную дрожь, от которых хочется сморщиться и убежать.

Да, черт. Я боюсь их. И Росс тоже, потому что эти демоны — психи. И они чистокровные. Они призваны следить за такими, как мы — наполовину демонами, наполовину людьми. Следить за тем, как мы выполняем свою работу. В случае отказа, нарушения правил, или непослушания они наказывают нас.

— Знаешь, на твоём месте я бы особенно боялся Марго, — добавляет Росс с такой ухмылкой, как будто ему доставляет огромное удовольствие мысль, что эта демонша может надрать мне зад.

О, она может. И сделает это с превеликим удовольствием. Её мне действительно стоит бояться больше остальных.

— Если Вестор, Бромас и Энгиан могут закрыть глаза на твои отношения с Джейн, конечно, если будут в настроении, то Марго выпотрошит тебя в любом случае, — Росс сверлит меня убийственно мрачным взглядом. — Не сомневайся.

Ни на секунду.

Марго с какой-то ненормальной обеспокоенностью относится к связям демонов и людей. Она пресекает любую возможность

возникновения отношений между нашими видами, дабы избежать смертей и других неприятностей.

Марго знала наших с Россом родителей. Она была сестрой отца... Нет. Она всегда ею будет. И всегда будет следить за мной и Россом.

— Ее рука ближе к твоим яйцам, чем ты думаешь, Эйден, — брат нависает надо мной, пригвождая взглядом к стене. — Одно твое неверное движение, и она оторвет их. И тогда мой гнев покажется тебе невинной шуткой. Я серьезно. Ты зашел слишком далеко с Джейн.

Я громко сглатываю и заставляю себя отвести взгляд, признавая поражение.

— Но ты и Анна... — хриплю и пытаюсь вдохнуть. — Вы тоже встречаетесь.

Росс отклоняется и отворачивается от меня, делая несколько шагов в сторону.

— Во-первых, я не люблю Анну. Во-вторых, Марго доверяет мне, а тебе — нет. Мы прекрасно помним, как ты взбунтовался в прошлом году, когда встретил Джейн в Чикаго, и несколько месяцев не возвращался домой! Ты забил на работу и свои обязанности. Ты игнорировал меня и приказы сверху. Такое не забывается на следующий день, смекаешь? Однажды провинившись, поддавшись влечению к нормальной земной жизни с человеком, ты оказываешься в черном списке.

Росс переводит дыхание после эмоциональной речи.

— И если я говорю, что ситуация с Анной под контролем, значит, так и есть, — брат смотрит на меня через плечо. — Но тебе Марго не верит, потому что из нас двоих эмоциональный слюнтяй, не способный справиться со своими чувствами, ты, а не я.

Не знаю, что ему ответить.

Потому что он прав. Целиком и полностью. Если ты относишься к демонической расе, то просто не имеешь права на человеческие чувства. Нас — наполовину демонов, наполовину людей — рожают без любви. Мы появляемся на свет с особой целью. Но не для человеческой жизни.

Поэтому если я встречаюсь с девушкой, то не должен влюбляться в нее. Просто секс. Просто свидания. Просто жизнь демона.

Мой отец женился на моей матери, обычной смертной женщине, и за это был изгнан из Ада. Навсегда. Когда мама... умерла, ее душе было суждено отправиться к Дьяволу. Такова плата за союз с демоном. Отец желал ей Рая, и он пошел против своей сущности, против своего вида, чтобы даровать ей вечное спокойствие.

В итоге они оба мертвы.

И все, что есть у меня и Росса от них, — лишь фото в нашем доме и воспоминания в нас самих.

Ад уверяет, что делает нам одолжение, не разрешая испытывать чувства к людям. Ну конечно...

— Я... знаю, что ты хочешь быть с ней, Эйден, — неожиданно гробовую тишину разрезает приглушенный голос Росса. — И я верю, что ты влюблен в Джейн, — его глаза устремляются на меня, и все внутри застывает. — Но, к сожалению, даже ее смазливая мордашка и твои щенячьи глаза, — он горько усмехается, — не спасут вас от той участи, которая погубила наших родителей.

Я вздрагиваю. Росс редко упоминает родителей. Пусть он законченный эгоист и тот еще засранец, но его боль не меньше моей.

— Эти отношения обречены. Ты и сам прекрасно понимаешь, — добавляет собранным голосом.

Я понимаю.

— Это твоя жизнь, и твой выбор, но... — его голос срывается, и Росс трудно сглатывает. — Это коснется и меня тоже, — непроницаемые голубые глаза упираются в пол, скулы напрягаются. — Твой неправильный выбор, к которому ты уже сделал шаг, уничтожит все, что ты любишь и все, что у меня осталось. А у меня есть только ты. Если... — он судорожно выдыхает. — Я потеряю тебя, если ты выберешь Джейн. И все закончится, Эйден, — когда Росс поднимает голову, чтобы обрушить на меня уничтожающий взгляд, полный мольбы и боли, я перестаю чувствовать пол под своими ногами. — Твоя смерть не принесет мне облегчения.

Я знаю.

Знаю, что Росс всего лишь пытается защитить меня.

Но... Джейн...

— Это все, что я хотел сказать тебе, — быстро проговаривает Росс и прочищает горло.

Он вновь залезает внутрь своей непробиваемой брони. Стоит, сжимая и разжимая кулаки, сверлит взглядом пространство вокруг нас. Я вижу, как напряжено его тело.

— Ах, да... Еще кое-что, — говорит, собираясь уходить. — Этой ночью умрет Вики Фэллон. Час назад мне прислали сценарий этого вечера. Все банально. Авария, сломанные кости, — Росс пытается скрыть нервозность за вернувшимся черным юмором.

Я машинально тянусь к карману и медленно достаю навигатор. Даже новость о предстоящей смерти Вики не приводит меня в чувства. Вижу одно непрочитанное сообщение.

Черт.

— Это мое дело?

— Ага, — кивает Росс и сводит вскинутые брови. — Мне пора идти.

И он уходит.

Брат удручен. Я тоже.

Все дело в том, что я не знаю, как поступить.

ДЕВЯТАЯ ГЛАВА

Джейн

Я стою у круглого стола с десертами и кручу в пальцах золотую медальон на шее. Синтия копошится рядом и пробует тарталетки.

— Ммм, вкуснятина, — бормочет она, чавкая.

Я с трудом могу разбирать ее голос. В параллель ей говорит миссис Пэлтроу — заместительница мэра, то есть моего отца. Женщина а-ля Ангела Меркель выступает за кафедрой в огромном зале колледжа Святой Марии с претенциозной речью о Дне Спасения.

Я пытаюсь слушать ее, чтобы не думать о том, куда запропастился Эйден. Прошло полчаса, если не больше.

— Эй, псс, — Синтия слабо толкает меня в плечо.

Я отвожу взгляд от миссис Пэлтроу, которую с затаенным дыханием слушают студенты и другие люди, собравшиеся здесь. Устремляю глаза на блондинку.

— Будешь? — она протягивает мне металлическую фляжку и осматривается по сторонам, наблюдая за тем, чтобы ее не заметили.

— Сюда нельзя проносить алкоголь, — бормочу безучастно.

— Ой, да брось, — лицо Синтии искажает смешная гримаса, и я усмехаюсь. — После этой ежегодной словесной туфты вице-мэра начнется вечеринка. Думаешь, никто не напьется? Уверена, все только этого и ждут! Я просто ускоряю процесс, — она пожимает плечами. — Так ты будешь?

Я сомневаюсь несколько секунду. Обвожу быстрым взглядом толпу, сканируя ее и ища Эйдена. Его нет. Он все еще разговаривает со своим братом?

— Давай, — все-таки соглашаюсь и беру фляжку из рук подруги.

Отворачиваюсь лицом к столу и делаю глоток.

— Черт! — шиплю я и смотрю на Синтию, сморщившись. Горло горит от алкоголя. — Что там?

— Виски, — отвечает довольно. — Будешь еще?

— Нет, — вытираю губы тыльной стороной руки и отдаю фляжку девушке.

— Как знаешь.

Она берет и подносит к своему рту.

В моей голове полный кавардак. Я не знаю, что думать. Мне нужно просто расслабиться.

Оборачиваюсь, чтобы попросить у Синтии выпить. Чуть-чуть. Но вдруг взглядом натыкаюсь на Эйдена, который прорывается ко мне из толпы. Он без слов хватает меня за руку, и в спиртном я больше не нуждаюсь.

— Джейн, — его голос кажется мне обеспокоенным. — Пойдем?

Я нерешительно киваю ему.

— Конечно, — отвечаю негромко. — Куда?

Но спустя секунду вспоминаю о том, что мы собирались сделать сегодня на этом вечере.

Мои губы растягиваются в довольной улыбке.

Эйден не ведет меня. Нет. Он буквально тащит за собой, больно сжимая мое запястье. Да что с ним? Мне почему-то кажется, что мы не идем заниматься сексом. Или это такая игра?

— Погоди, погоди, — тихо хихикаю я, но понимаю, что смех не от веселья, а от волнения.

Эйден игнорирует меня, продолжая вести по пустым коридорам.

— Эйден, — зову его.

— Молчи, — коротко приказывает он.

Моя душа сбегает в пятки.

Вдруг мы останавливаемся около двери, ведущей... в подсобку?

— Остановись, — мой голос рассыпается на миллионы острых осколков, которые впиваются в сердце. — Эйден! Черт! Что происходит?!

Я пытаюсь вырвать свою ладонь, но его хватка нерушима.

Он открывает дверь. Мы залетаем внутрь. Я дрожу, как соломинка на ветру. Мое сердце делает тройное сальто в груди.

Я стою среди мрачных, возвышающихся стеллажей, покрытых толстым слоем пыли. Здесь холодно. Вокруг царит хаос, и он стремительно проникает внутрь меня.

Обняв себя руками, я смотрю на широкую спину Эйдена. Он не поворачивается ко мне, продолжая убивать взглядом дверь, к которой повернут лицом. Я боюсь позвать его, боюсь произнести что-либо. Убеждаю себя, что эта пронизывающая тишина — спасение, и будет лучше, если я и Эйден не станем говорить.

Но когда он начинает медленно оборачиваться, когда я встречаюсь с его погасшими, безжизненными глазами, то понимаю, что чего-то ужасного и зловещего, сковавшего мою душу, не избежать.

— Послушай, — начинает он, вздыхая.

— Нет, — резко говорю я, выставляя одну руку перед собой.

Мне страшно. Я действую рефлекторно.

— Выслушай меня, Джейн, — просит Эйден.

Но моя жизнь не будет прежней после его слов. Я знаю. Я чувствую это.

— Что не так? — еле заметно качаю головой.

Эйден подходит ко мне. Очень медленно. Он останавливается. Он совсем близко. Его руки осторожно ложатся на мою талию. Своим лбом он соприкасается с моим.

— Я должен отпустить тебя, — шепчет вымученно.

Я даже не осознаю, как начинаю плакать. Слезы градом льются по щекам, и я чувствую себя идиоткой. Мне нечего сказать. Я не могу говорить. Это молчание убивает. Оно такое жуткое, будто вся тьма Ада переместилась в эту тесную подсобку и ликующе кружит вокруг нас.

Я ощущаю только тепло его дыхания. Слышу лишь собственные всхлипы.

— Нет, — произношу снова. — Ты, должно быть, шутишь, да? Это хреновая шутка, Эйдена.

— Я не шучу, — хрипло произносит он.

Гадство.

— Почему?

Все же было хорошо час назад!

— Потому что так надо, — отвечает, напрягая скулы.

О боже...

Я не понимаю, в какой момент слезы смешиваются с ядовитым, горьким смехом, который вызывает у Эйдена недоумение.

— Я бы хотел все объяснить тебе, Джейн. Клянусь. Больше всего на свете я хочу именно это — чтобы ты знала правду, — его ладони перемещаются на мои плечи, мягко сжимая их.

— Тогда скажи мне, — смех утихает, и я произношу это едва

слышно.

Эйден закрывает глаза.

— Не могу.

Боль сдавливает горло.

— Почему?

Его ресницы дрожат.

— Это убьет нас.

Я превращаюсь в неподвижную статую. Смертельный холод, вызванный его словами, неторопливо и мучительно поглощает мое тело, и вскоре он проникает так глубоко, что замораживает кровь, бурлящую в венах.

Я отчаянно пытаюсь понять последние слова Эйдена.

Что нас убьет? Его глупость? Его неспособность определиться, наконец, в своих чувствах ко мне?!

Что не так?

Лед отходит, так как в груди разгорается нешуточное пламя.

— Что, черт возьми, это значит? — очень медленно спрашиваю я, не сводя глаз со скорбного лица Эйдена.

— От меня ничего не зависит, Джейн, — шепчет он, и я чувствую победоносную растерянность. — Они знают, что я... — так и не договорив, Эйден сглатывает.

И тут я взрываюсь.

— Ты прикалываешься надо мной, Эйден?! — пылко восклицаю и сбрасываю с себя его руки.

Он распахивает глаза и с нескончаемым сожалением смотрит на меня, опустив плечи.

— Что все это значит? — повторяю свой вопрос и сжимаю зубы. Сильно. Так, что становится больно. — Кто «они»? Почему это убьет нас? Ты в своем уме?! — вскидываю руками и задеваю какой-то древний журнал. Он падает, и мое сердце испуганно вздрагивает. — Объясни мне, что происходит. Почему ты ведешь себя так глупо?! Сначала игнорируешь, потом признаешься в любви. Мы переспали, Эйден! — я отчаянно желаю достучаться до него. Я хочу, чтобы он

услышал меня, но его глаза прикованы к грязному, деревянному полу, издающему ужасные скрипы от моих движений. — Ты пообещал, что не оставишь меня, — добавляю тише и вновь чувствую обжигающую влагу, выступающую на глаза.

— Я помню, — молвит он.

— Я поверила тебе.

Мы говорим на одной волне: тихо, медленно, яростно громко. Но мы не слышим друг друга. Хотя, скорее он не слышит меня. Не хочет слышать.

— Джейн, я... просто пытаюсь уберечь тебя от той опасности, в которой ты будешь рядом со мной.

— Да что за чушь несусветная?! — взрываюсь я.

Эйден выпускает воздух через ноздри и сжимает кулаки.

— Именно потому, что люблю, я должен отпустить тебя.

— Но Я не хочу уходить! — делаю акцент на слове «я».

Он должен услышать меня.

— Ты не понимаешь, — будто читая мои мысли, произносит Эйден, только делает себя главной жертвой нашего недопонимания. — Это обернется плачевно. Для нас двоих. Для Росса!

— Причем здесь Росс?! — начинаю хрипеть от того, как громко воплю. — Какое вообще отношение к нам имеет твой брат?

— Если я не отпущу тебя, пострадаем не только мы, — Эйден игнорирует мои вопросы.

— Ты очень странно ведешь себя, — я хватаюсь за голову и мотаю ею. — Ты не был таким. Все было иначе. В Чикаго... ты был обычным парнем, и я потеряла голову, когда увидела тебя. Но сейчас ты пытаешься внушить мне какой-то бред сумасшедшего. Как я, по-твоему, должна реагировать на твое очередное спонтанное желание расстаться, а?! Скажи мне, — я толкаю его в плечо. — Скажи мне, что делать, Эйден!

— Я не могу пожертвовать всем ради тебя! — вдруг выпаливает он.

И произнеся это, Эйден вздрагивает. А я слышу невероятно

сильный грохот. Как будто за дверью рухнули Башни-близнецы.

Но это разбилось мое сердце. Вдребезги. На такие мелкие осколки, что их больше никогда не удастся собрать их воедино. По крайней мере, Эйдену.

Я пошатываюсь назад, будто от удара, и не знаю, что ответить. Мысли вдруг куда-то испарились, и я безудержно желаю зацепиться хоть за что-нибудь, чтобы не исчезнуть вслед за ними.

— Я не прошу жертвовать всем ради меня, — мой голос — шелест, потерянный среди великих сооружений боли и непонимания.

В глазах Эйдена блестят слезы.

— Но именно это мне придется сделать, чтобы быть с тобой. Такова расплата за мои чувства. И я... не готов нести эту ответственность, Джейн. Я просто не имею права так поступать с...

— Довольно, — резко прерываю его. — Просто наберись смелости и признайся, что я не нужна тебе. Просто скажи, что ты не хочешь быть со мной, Эйден, — говорю сквозь зубы. — Не надо прикрываться этой... нелепой отговоркой!

— Но я...

— Ты просто чертов трус, Эйден Картер! — вновь не даю ему сказать.

— Джейн...

— Ненавижу тебя, — шиплю тихо, и мой голос дрожит от презрения. — Ненавижу тебя. Ненавижу тебя! Ненавижу! Ты просто... — плотно сжимаю губы.

Он — как чертовы американские горки.

Нет, Джейн.

С тебя довольно.

Один человек дважды разбил тебе сердце.

Думаю, этого вполне достаточно, чтобы раз и навсегда покончить с ним.

— Джейн, — Эйден вновь пытается что-то сказать.

Но я даю ему пощечину.

Это громко, больно, невыносимо — слышать, как твой мир раскалывается на части и рушится с такой легкостью, будто это всего лишь карточный домик.

Эйден вздрагивает и зажимает глаза. Моя ладонь горит от удара.

— Не смей больше приближаться ко мне, — шиплю, понизив голос. — И на этот раз я говорю абсолютно серьезно. Никто не давал тебе права обращаться со мной, как с какой-то игрушкой, Эйден, — мой подбородок дрожит от очередного приступа слез. — Ты просто понятия не имеешь, как я ненавижу себя за то, что поверила тебе, — я нещадно стираю слезы, которые струятся по моим щекам. — Я ненавижу себя за то, что проигнорировала свое предчувствие и впустила тебя в свою жизнь! — мой голос теряется в рыданиях, и я опускаю голову, чтобы не видеть, как пусто в глазах Эйдена, когда он смотрит на мои слезы.

— Так будет лучше, — просто говорит он.

Я отталкиваю его и быстро выхожу из подсобки. Вылетаю со скоростью кометы. Прочь от Эйдена Картера.

Он не идет за мной, но глубоко в душе я надеюсь на это.

Черт бы побрал всю эту хрень с ним!

Боже, какая я идиотка.

Нельзя возвращаться к бывшим... На то они и есть бывшие — как ярлык, прикрепленным прошлому, напоминающий о том, что этот этап пройдет.

Но что я надеялась, решив обойти это правило и сделать Эйдена своим настоящим и будущим?

Глупая.

Продолжая вытирать слезы, я на заплетающихся ногах приближаюсь к залу. В груди пульсирует страшное желание уйти, но его подавляет дикое рвение напиться. Конечно, это не решение проблемы. Заглушить боль алкоголем... не самый лучший вариант. Но, по крайней мере, сейчас, когда ее так много, это поможет мне стать менее чувствительной.

Синтия приносит мне еще пива. Я смеюсь, как сумасшедшая. Фууу! Эта гадость отвратительна на вкус. Где виски, что я пила недавно? Ах, да. Мисс Правильная Лора не разрешает мне пить больше. Я смешиваю разные виды алкоголя, но разве это плохо? Я же просто веселюсь! Не совсем адекватная реакция на расставание с единственным парнем, которого люблю. Но я же Джейн Мортис! Я не позволю этому сломить меня.

— Пошли танцевать! — кричу я и веду Синтию в центр зала, преобразенного во что-то грандиозное ко Дню, мать его, Спасения.

Я реально пьяна. Пока мы танцуем, я не только беспорядочно машу руками, но еще и смеюсь, словно истеричка. Я пытаюсь забыть. Забыть о том, что Эйден больше не здесь, не со мной. Раньше, в Чикаго, если я напивалась, он ругал меня и вез домой. Он заботился обо мне. Сейчас же ему все равно, в каком я состоянии.

— Эй, — Синтия трогает меня за руку.

Я отбиваюсь от нее.

— Веселись, Детка! — кричу. — Пошли весь этот мир к черту! И просто веселись!

Я двигаюсь телом резко и возбуждающе. Алкоголь творит нечто потрясающее с моим мозгом. Ко мне подходят парни, желая познакомиться и провести со мной вечер. Черт. Они просто хотят трахнуть меня. Я делаю вид, что мне нравится их внимание. Делаю вид, что мне приятна их компания в комплекте с никчемными комплиментами. Но, по правде говоря, мне было противно. Все это. Претворяться кем-то, кем я не являюсь. Кем я никогда не являлась.

Эйден... Почему он, черт возьми, не выходит у меня из головы?! Я же выпила. Много. Это должно было помочь.

Я не хочу думать о нем. Не должна...

Отталкиваю парня, который вертит задом передо мной, и выбегаю из зала. Уверена, что они удивлены моим поведением. Но мне плохо. И это не только из-за Эйдена в моих мыслях. Мне действительно плохо. Просто чертовски тошнит.

Женский туалет пахнет неприятно, хоть он и женский. Господи,

нет. Он воняет. Я сглатываю, влетаю в кабинку и склоняюсь над унитазом. Мой телефон вибрирует. Я засунула его в лифчик, так как у платья нет карманов. Не разгибаясь, достаю телефон и смотрю на экран. Это папа. Дерьмо... пошли все к черту.

Из меня внезапно выходит жидкость. Это все, что я пила. О, нет, нет, нет. Как же плохо. В глазах плывет и мутнеет, сливается в сплошное неясное пятно.

Вновь эта дурацкая вибрация, сигнализирующая о звонке. Я достаю его и, не глядя на экран, бросаю в стену кабинки. Та дрожит.

Пусть просто оставят меня в покое! Это всех касается.

Эйден Картер бросил меня. Просто. Бросил. Свою неопределенность спихнул на какую-то чушь про то, что наши отношения убьют нас. Правда?! Он просто сошел с ума. Неудачный способ расстаться со мной во второй раз. Мы, черт подери, не какой-нибудь бульварном любовном романе!

Минута. И еще одна порция алкоголя выходит наружу. Боже. Как это мерзко.

— Хэй, Джейн.

Когда я резко оборачиваюсь, то замечаю Вик. Она стоит позади меня, прислонившись к кабинке.

Вытираю рот тыльной стороной ладони.

— Чего тебе? — произношу глухо.

— Отлично выглядишь, — она ухмыляется, но сама выглядит так же дерьмово, как и я.

Я морщусь в ответ и отворачиваюсь к унитазу. Готовлюсь выпустить из себя остатки рвоты, но мой желудок пуст. Я пуста.

— Эй, — Вик треплет меня по плечу, и я тяжело вздыхаю.

— Ммм? — хочу повеситься от звука собственного голоса. Как будто меня придавило грузовиком.

— Тебе пора домой.

Я поднимаю липкий лоб с руки и смотрю снизу-вверх на Вики.

— Не хочу, — надуваю нижнюю губу, как маленький ребенок.

Собираюсь отвернуться, но девушка вновь дотрагивается до

меня. Нет, она обхватывает мои плечи и тянет вверх, поднимая и отрывая от унитаза, у которого я так хорошо устроилась.

— Ты хорошенько набралась, принцесса, — пыхтит, вытаскивая меня из кабинки. Ой, не такая уж я и тяжелая.

Вик доводит меня до раковины и включает холодную воду.

— Умойся, а потом Лора отвезет тебя домой, — говорит она, останавливаясь рядом.

В глазах плывет, и я не могу попасть ладонями под струю воду. Ч-е-е-ерт.

— Вообще-то, хотели отвести меня, — Вик продолжает свою болтовню. — Но тебе реально хреновее.

Что она говорит? Я с трудом понимаю ее.

— О! — с этим громким возгласом в женский туалет влетает Синтия. Я узнала ее по голосу. — Джейн, советую тебе умыть не только лицо, но и мозги, — она останавливается по другую сторону от меня и кладет руки на свои бока. — Какого черта ты так набралась?! Твой отец здесь! Если он увидит тебя в таком состоянии...

— Не увидит, — отрезаю ворчливо, наклоняясь к раковине.

Даже если увидит, то ничего не сможет мне сказать. Я уже большая девочка.

Когда меня уносит в сторону, Синтия ловит мою руку.

— Проклятье, Джейн! — она шипит и набирает в ладонь воду. Затем плескает ее мне в лицо. Ауч! Холодно. Мурашки берут в плен мое тело. — Что стряслось?

Синтия не знает. И не узнает. По крайней мере, пока рядом Вик. Эйден рассказывал, что девушка сохнет по нему. Не хочу доставлять ей удовольствие своей грандиозной ничтожностью. Даже если я смертельно влюблена и пьяна, это не значит, что у меня нет гордости. Она есть.

— Неважно, — наклоняюсь ниже и вытягиваю губы. Начинаю жадно пить. О-о-о, как хорошо.

— Лора ждет нас, — сообщает Синтия.

— Не хочу уезжать, — повторяю я, пытаюсь выпрямиться. — Сейчас приведу себя в порядок, и все будет нормально. Правда.

— Либо ты сядешь в тачку к Лоре, либо я все рассказываю твоему отцу, и он сам отвозит тебя домой. Не вынуждай меня идти на крайние меры, — ее грозный тон смещит меня, но я хороню в себе приступ веселья, так как вместе с ним наружу рвется тошнота.

— Лора, — выговариваю, вытирая губы.

Ловлю на себе злой взгляд Синтии.

— Не сомневалась, что ты сделаешь правильный выбор, — она немного смягчается. — Пойдем.

Я сдаюсь.

Они ведут меня через коридоры. Когда мы выбираемся наружу из центральных дверей, теплый воздух ударяет в лицо. Я морщусь. Мне нужно что-нибудь прохладное. Я чувствую себя ничтожеством. Правда. Меня кинул парень, а я напилась. Типичная американская девчонка. Типичная принцесса из Чикаго. Только в моем окружении пили дорожное мартино и не разрешали себе выглядеть свиньями. Как я сейчас. Но у меня появилось оправдание. Я же в Дайморт-Бич! Здесь люди ходят в дешевые пабы и напиваются до потери сознания. Здесь всем плевать, насколько ты богато одет, и какого цвета твои волосы. Плевать, кем работают твои родители... Плевать, что твой парень может быть фермером... Ненавижу этот город. Ненавижу Эйдена Картера.

— Ненавижу, — срывается с моих губ, и Синтия, поддерживая меня за талию, странно косится в мою сторону.

— Что ты там бормочешь?

Я лишь опускаю стеклянный взгляд к асфальту и пытаюсь сосредоточиться на том, чтобы не упасть и не содрать кожу со своих колен.

Мы подходим к старому внедорожнику, и Синтия открывает передо мной дверцу.

— Залетай на станцию, космонавт, — говорит она и буквально впихивает меня на задние сидения.

Я начинаю смеяться над ее словами. Карабкаюсь на локтях и подбираю к себе ноги, чтобы Синтия захлопнула ловушку.

— Как ты? — Лора сидит за рулем и смотрит на меня через прямоугольное зеркальце.

Как я?

Вопрос на миллион.

Сажусь ровно... пытаюсь, по крайней мере, и отдергиваю вниз подол платья.

— Как всегда, на высоте, — бурчу и отвечаю на взгляд девушки.

Лора поджимает губы и отводит глаза. Синтия оббегает тачку и останавливается со стороны водителя. Стучит по окну. Лора приспускает его, и Синтия начинает давать ей указания. Затем они прощаются. Синтия бросает краткий взгляд на меня и машет рукой. Я помню, что киваю ей в ответ, но все это очень смутно.

Откидываюсь на спину сидений и запрокидываю голову.

Эйден Картер бросил меня.

Похоже, я трезвею, потому что мысль об этом причиняет дьявольскую боль моему сердцу.

— Знаешь, все это так глупо, — начинает говорить рыжеволосая Лора. Мы выезжаем на трассу I -33. — Ну, я имею в виду, что мы здесь... ведем себя, как школьницы и...

— Ты намекаешь на меня? — стону я, закрывая лицо руками.

— Что? — она говорит громко и отчаянно. — Нет, нет. О, нет. Я всего лишь хотела сказать, что все мы... мы такие глупые сейчас... не знаю, — она прикусывает губу, и ее щеки становятся румяными. — Ты видела Курта? — она начинает смеяться. Кто такой Курт? — Ка-а-а-к смешно он танцевал, — ее смех заполняет салон автомобиля. — И при всем этом он был уверен, что Донна ему даст. Представляешь?

Лора не прекращает болтать. Я перевожу взгляд на дорогу, освещенную фарами машины, в которой мы едем.

Вы знаете, на что похож страх? На громадный грузовик, несущийся прямо навстречу тебе, пока ты пытаешься скрыть лицо от ослепительного света, исходящего от него.

Свет-убийца. Но он так прекрасен.

Страх — это то, как ты пытаешься закричать, но не можешь. Как

твоя подруга не смотрит вперед, а смеется, рассказывая нелепые случаи, запрокинув голову вверх. Она смеется звонким смехом, который ты хочешь запомнить навсегда. Который хочешь услышать снова. Много раз.

Но грузовик сворачивает очень быстро, и Лора не успевает его заметить. А я будто немею... Я не способна говорить. Не способна кричать. Время замедляется, словно кинокадры. Лора слышит сигнал слишком поздно. Она выпрямляется, когда наш автомобиль врезается в грузовик с ужасной скоростью.

Я вдыхаю полную грудь воздуха.

Я стараюсь вобрать в себя как можно больше жизни, потому что боюсь, что больше никогда не сумею сделать этого.

Возможно, это мой последний вдох.

ДЕСЯТАЯ ГЛАВА

Росс

Я медленно еду по трассе I-33. Включаю радио в машине. Ведущий передает новости. Собираюсь услышать весть об очередной смерти, но голос только и говорит о сельском хозяйстве в Дайморт-Бич.

— Ч увак, уже полночь! — усмехаюсь я. — А ты бормочешь там о каких-то сорняках! Ты серьезно?

Качаю головой и переключаю. Несколько минут ищу станцию рока и немного расслабляюсь под звуки Ghost Brigade «Into The Black Light», но вместе с музыкой в голову пробираются чертовы мысли, от которых становится сложнее избавиться.

Я стучу пальцами по рулю, вглядываюсь в скрытую во тьме дорогу и надеюсь, что мое обращение к Эйдену по поводу Джейн убедило его, и братец сделает правильный выбор. Он просто обязан бросить эту девчонку, из-за которой у нас куча хлопот.

Эйден обязан избавить нас от еще одной заботы. Не могу и не хочу представлять, что будет, если Джейн окончательно пропишется в его сердце. Это нам точно не нужно.

Помехи на радиостанции отвлекают меня от собственных мыслей. Я резко выключаю приемник, так как шум становится очень громким. Но тот неожиданно включается снова.

Тошнотворная какофония звуков создает ужасную боль в моей голове. Я отрываю руки от руля и затыкаю ладонями уши. Но слова из приемника, непонятные мне, все еще звучат чертовски громко.

Я не могу понять, что это значит, но чувствую неладное. С психом вырубаю радио, чуть ли не вырывая стереосистему, и останавливаю «Джип» у обочины дороги. Пытаюсь отдышаться, глядя на приемник. Не включается. Тяжело вздыхаю. Оно заткнулось.

Черт! Что это было?

Хмурюсь и отворачиваюсь к окну. Вижу, как слабый свет фар освещает дорогу. Наблюдаю за мимо проезжающим старым внедорожником и ловлю себя на мысли, что знаю тех, кто находится в нем. Лора и Вики. Подруги Джейн. Точнее подруга только Лора, но это абсолютно неважно.

Отчего-то я сглатываю болезненный комок, застрявший в горле, и внимательно смотрю, как навстречу автомобилю, теряющему очертания во мраке, выезжает огромная фура.

Мое дыхание замедляется.

Интересно, Эйден уже на месте? По крайней мере, я не вижу признаков его нахождения поблизости. Неужели, он с...

Я непроизвольно подпрыгиваю, когда слышу оглушительные, режущие и выворачивающие наизнанку звуки столкновения машин. Меня ослепляет вспышка взрыва. Яркие языки пламени разрывают воздух, и к темно-синему небу возносится черный, густой дым.

Черт. Я должен сидеть на месте и не двигаться. Или развернуться и уехать. Моей заднице ни в коем случае не стоит вмешиваться. Это работа Эйдена. Это его проблемы.

Но где, вашу мать, носит мелкого соплежуха?!

В машине становится так жарко, словно это я поджариваюсь заживо, лежа под плавящимся железом. Вики уже мертва. Ее смерть должна наступить мгновенно, так как основной удар пришелся именно на нее, хотя она не должна сидеть за рулем.

Где Эйден?

Погоди-ка.

Что это?

Я прищуриваюсь и вижу, как кто-то выползает из перевернутого внедорожника. Должно быть, Лора.

«Мне не стоит вмешиваться» повторяю про себя.

Не лезь в это, Росс.

Я не сразу осознаю, что мои ноги несут меня к машине. Иду быстро, и с каждым шагом становится труднее дышать. Я начинаю глотать дым и кашлять. Прикрываю нос и рот рукавом и перехожу на бег.

Черт бы меня побрал.

Я поглощен жаром огня и достаточно близко к перевернутой машине. Наклоняюсь и всматриваюсь в густую пелену едкого, горького дыма, чтобы разглядеть выползающую фигуру.

И это не Лора.

Не Лора...

Не Лора...

Черт возьми! Да твою ж мать!

— Джейн? — спрашиваю, скорее, у самого себя.

Стойте. Остановите эту планету. Немедленно. Я ничего не понимаю. Сценарий этого вечера был ясно прописан. Лора и Вики едут в машине, в них врежется фура. Вики умирает, Лора — нет.

Вики умирает...

Вики в машине?

Рассеивая перед собой дым с помощью руки, я двигаюсь в сторону тачки. Ближе к огню и смерти. Иду быстро. Сердце бешено бьется в груди. Я схожу с ума от догадок того, что произошло.

— Джейн? — вновь говорю я, глядя на силуэт, ползущий ко мне.

Она издает хриплые стоны и карабкается по асфальту. По ее лицу стекают густые струи темно-алой крови. Она сильно ударилась головой. Меня передергивает от ужаса, хотя я видел и не такое. По крайней мере, у Джейн не торчат кости, и ее мозги не вываливаются

из пробитой черепной коробки.

Дьявол. Я умею подбодрить себя.

Когда я нагибаюсь вперед, чтобы помочь девушке, ее пальцы вцепляются в мой пиджак мертвой хваткой. Джейн медленно поднимает голову. Ее темные глаза, наполненные отчаянным непониманием, устремляются на меня, и я чувствую, как что-то невидимое перекрыло мне доступ к кислороду. Горло стягивает тугим обручем, и я не могу выдохнуть.

— Росс, — произносит Джейн и морщит лицо от боли.

Я осторожно обхватываю ее руками и пытаюсь поднять, но она обессилена. Ноги не держат ее. Темные глаза продолжают непрерывно смотреть на меня. Наверняка Джейн задается вопросом, что я здесь делаю.

Я тоже спрашиваю себя об этом.

— Там... — Джейн пытается сказать мне что-то. — Там... Лора... она... она в машине, — и начинает кашлять кровью.

Твою мать!

Я придерживаю ладонью ее лицо, не позволяя Джейн отворачиваться. Ее глаза закатываются к небу, и хриплое дыхание становится почти бесшумным.

— Ох, проклятье, — бормочу и легонько стучу Джейн по щеке. — Эй, не смей закрывать глаза!

Она не слышит меня. Ее пальцы ослабляют хватку, и рука безвольно падает на асфальт.

Она уходит.

Она умирает.

— Джейн, — я трясусь ее за плечи.

Она мякнет в моих руках, и мне чертовски не по себе оттого, что эта девушка с невероятными глазами, доставляющая кучу проблем нашей семье, умирает на моих руках.

Так не должно быть.

Джейн не должна умереть сегодня.

На ее месте обязана быть Вики Фэллон. Почему в машине вместе

с Лорой оказалась Джейн Мортис?!

— Спаси ее, — едва слышно шепчет девушка, обращая на меня взгляд, из которого ускользала жизнь.

И она закрывает глаза. Перестает двигаться. Паника охватывает меня. Эйден не простит мне, если Джейн погибнет у меня на руках... Никогда.

— Держись, — говорю я и подхватываю ее.

Осторожно поднимаюсь с Джейн и разворачиваюсь в ту сторону, откуда пришел. Я почти бегу к своему автомобилю. Дым распространяется с астрономической скоростью и вскоре поглощает «Джип».

Я придерживаю Джейн одной рукой, а второй открываю дверцу тачки. Аккуратно кладу девушку на задние сидения. Мне следует немедленно отправиться в больницу, чтобы спасти Джейн жизнь, ведь каждая минута может стать последней. Произошла крутая авария, и даже если на Джейн нет внешних повреждений, это не значит, что внутри она так же цела. Она кашляла кровью, черт подери. У нее серьезные неприятности.

Но там, внутри внедорожника, осталась Лора. И она жива. Должна быть.

Я оставляю Джейн в машине и собираюсь идти обратно, но вдруг останавливаюсь.

Кто-то должен погибнуть сегодня. Иначе баланс будет нарушен. И тогда точно нам с Эйденем не огрести проблем.

За жизнь нужно платить жизнью.

Джейн не умрет сегодня.

Перед тем, как окончательно повернуться и уйти к своей тачке, я в последний раз смотрю на перевернутый старый внедорожник. Мне стоит поторопиться, но я не могу оторвать взгляда оттуда, где лежит человек, который, возможно, еще дышит.

Делаю шаг назад.

За жизнь Джейн — жизнь Лоры.

Судьбу можно обмануть. Ее можно обойти и найти лазейку. Но каковы будут последствия?

Машина взрывается.

Ударной волной меня отбрасывает на сырой асфальт. В страхе поднимаю голову, чтобы увидеть, как металл выбрасывается вверх, как пламя огня поглощает все, что осталось от машины. И Лоры.

В приемном отделении я буквально кидаюсь на молодого практиканта, который говорит мне, что не может сам принять Джейн, как пациентку. Он должен, видите ли, позвать старшую медсестру, которую какого-то чёрта нет на своем посту!

Я хватаю за ворот рубашки этого идиота и трясущего его, что есть мочи.

— Она умрет, твою мать, если ты сейчас не поможешь ей!

Я более чем уверен, что выгляжу достаточно раздраженно, чтобы вызвать у парня испуг.

— Хорошо, — лепечет он, пытаясь разжать мои руки. — Хорошо. Хорошо. Только отпустите меня, сэр...

Я чуть ли не швыряю его об стену. «Дилетант» подбегает к Джейн, которая лежит на больничной кушетке. Глядя на нее, лежащую мирно, мне хочется погладить ее по лицу.

Я наклоняюсь к девушке, прежде задержав молодого врача за руку. Глажу тыльной стороной ладони ее мягкую щеку и тихо говорю:

— Не умирай, Джейн. Умоляю.

Потому что Эйден умрет, если тебя не станет.

Киваю головой «дилетанту», и тот быстро увозит ее из приемной.

Я остаюсь один среди белых стен, надеясь на спасение всех нас.

Что, черт подери, я делаю?

Почему я это делаю?

Жизнь сипатичной девчонки — не моя проблема.

Моя проблема — не дать ей разрушить жизнь моего брата.

По идее я должен делать все возможное, чтобы отдалить Джейн от Эйдена. И ее смерть была бы самым надежным способом разлучить их. Но... у меня не хватило духа оставить ее умирать вместо Лоры.

Проклятье.

Царившая тишина превращает меня в ничтожный пустой звук, который теряется в лабиринте других пустых звуков. Я хватаюсь за голову и сажусь на скамью. Мои колени дергаются от нервов, и сердце тарабанит в груди с дикой скоростью.

Мне не стоило вмешиваться.

Что пошло не так?

Тихое мычание помогает думать, но я затыкаюсь, когда чувствую вибрацию в кармане пиджака. Убираю одну руку с волос и достаю его телефон. Не смотрю на экран и сразу подношу к уху.

— Да, Эйден, я тебя внимательно слушаю, — произношу монотонно.

— Я... Росс... черт... Я... Джейн...

Брат продолжает нести бессвязный лепет, и я устало закрываю глаза. Слышу помехи и понимаю, что он находится на улице. А если точнее, то на месте аварии. И он в полной растерянности.

— Она здесь, — говорю я. — Приезжай в больницу Святого Лукаса. Третий этаж. Отделение реанимации.

Отключаю телефон и убираю его.

Я не замечаю, как быстро летит время. Отрываю свой застывший взгляд от белого кафельного пола и устремляю глаза в сторону, откуда раздается громоздкий звук. Распахиваются двери. В них влетает Эйден. Он выглядит дико. Брат стремительно несется по коридору в моем направлении.

— Где она? — рычит он и нагибается, чтобы схватить меня за плечи.

Пытается тянуть меня вверх, но сам едва стоит на ногах. Я с легкостью убираю его руки с себя и толкаю Эйдена к скамейке.

— Ты что, нажрался? — кривлюсь, глядя на него.

— Где Джейн, Росс?! — кричит он, пытаюсь встать.

Я не позволю ему это сделать и удерживаю его на скамье.

— Какого хрена я должен спасать твою подружку? — спрашиваю, сверла на месте глаз брата дыру. — Где ты прохлаждался? Твоя задница должна была быть на месте аварии!

— Я приехал туда, — Эйден растерянно смотрит на меня. — Я приехал, — громко сглатывает. — Я не ожидал увидеть того, что там было.

Я встряхиваю его, нагибаясь к лицу брата ближе.

— Ты. Должен. Был. Быть. Там. С самого. Гребаного. Начала.

Разъяренно отхожу от него на шаг.

— Это было твоим заданием. В Аду тебе с удовольствием надерут зад за то, что ты провалил его, — нервно провожу рукой по волосам. — Скажи, тебе мало неприятностей?

— Просто заткнись, — с омерзением в голосе отвечает брат. — И просто... дерьмо. Здесь есть выпить что-нибудь?

Я ядовито и громко смеюсь.

— Ты совсем чокнулся? Это больница! Конечно, здесь нет выпивки.

Эйден со стоном закрывает лицо и наклоняется вперед. Опирается локтями о колени и тяжело дышит.

Я вздыхаю. Распахиваю пиджак и достаю из внутреннего кармана флягу.

— Держи, — протягиваю ее Эйдену.

Он выхватывает фляжку из рук и начинает жадно пить содержимое. Глоток за глотком. Глоток за глотком. Словно это именно то, что ему нужно. Больше всего на свете прямо сейчас.

Я смотрю на него с жалостью.

— Ну ладно, хватит, — протягиваю руку, чтобы взять фляжку.

Эйден отводит голову в сторону, продолжая пить.

— Отдай, — трясую кистью, требуя.

Брат игнорирует меня.

— Отдай, черт тебя подери, — с силой выхватываю фляжку, закрываю ее и убираю обратно во внутренний карман. — А теперь скажи мне, братец, какого хрена вместо Вики Фэллон в машине с Лорой оказалась Джейн?

Я деловито скрещиваю руки и выгибаю бровь, ожидая ответа.

Эйден прислоняется спиной к стене и запрокидывает голову.

— Клянусь. Я не знаю, Росс.

— Брехня, — фыркаю. — То же самое ты скажешь в Аду?

Эйден открывает рот, чтобы ответить мне, но я знаю, что он собирает сказать, поэтому перебиваю его:

— И не надо говорить, что тебе плевать на Ад, — не сдерживаюсь и искажаю лицо в саркастичной гримасе.

Эйден резко выдыхает. Его челюсти напрягаются. О, я была прав. Именно это он и хотел сказать.

— С тебя сдерут три шкуры за это, — информирую тихо и твердо, стараясь быть крайне доходчивым.

Эйден мотает головой и сжимает пальцами переносицу.

— Что я мог сделать, Росс? Следить, чтобы Вики села в машину? ЭТО НЕ МОЯ РАБОТА, ЧЕРТ ВОЗЬМИ!

Брат разводит руками, поднимаясь, и отталкивает меня.

— Твоя работа заключалась в том, чтобы вовремя прийти на место аварии, — сдержанным тоном поясняю я, наблюдая, как Эйден расхаживает из стороны в сторону, — забрать душу и спокойненько отправиться по своим делам. Но тебя там не было

Неожиданно Эйден останавливается и медленно разворачивается ко мне.

— А что ты там делал, Росс? — делает шаг в мою сторону.

Я не успеваю ответить.

— Что ты забыл на месте аварии, если это было МОИМ заданием? — я слышу в его голосе обвинение.

Глаза Эйдена сужаются, когда он замирает в шаге от меня.

— Может быть, это ты подстроил аварию? — предполагает ровным, умеренным тоном.

Я усмехаюсь.

— Ты — идиот, Эйден.

Брат толкает меня.

— Ты ненавидишь Джейн, — говорит он, двигаясь вперед.

Он не слышит меня.

Я не собираюсь отступать и продолжаю стоять на месте. Тогда Эйден подходит и вновь толкает.

— Ты мог подстроить все так, чтобы Джейн оказалась в той машине. Ты мог убить ее. В едь она мешала нашему семейному счастью, — с ядом продолжает он.

— Заткнись, Эйден, — мое терпение на исходе. — Если бы я хотел убить Джейн — о, поверь, — я бы давным-давно сделал это.

Когда брат приближается, я готовлюсь врезать ему, если он ещё хоть пальцем затронет меня. Но он замирает и смотрит на мое лицо. В его глазах сияет холодное пламя разгорающейся ненависти.

— Если с Джейн... что-нибудь случится, я убью тебя, — сквозь плотно стиснутые зубы проговаривает он.

— С ней уже случилось, — отвечаю бесстрастно.

Брат сошел с ума.

Эйден рычит и собирается ударить меня. Но я ловлю его кулак у своего лица и отбрасываю в сторону.

— Она умирает, — его голос дрожит.

— Да, — и не думаю отрицать.

Эйден понуро опускает плечи.

— Это я виноват. Если бы не стал слушать тебя и не оставил ее, она была бы здоровой и невредимой. Она была бы со мной, — брат закрывает глаза и громко сглатывает. Затем резко отворачивается и скидывает голову. Проводит быстрым движением руки по лицу.

Он что, плачет?

— Эйден, — обращаюсь к нему, — тебе...

Не успеваю закончить. Двери в коридор распахиваются, и я замечаю Джейн. Вокруг нее столпились врачи. Один кричит другому. Третий говорит нам убираться с дороги.

— Что с ней? — Эйден цепляется за медицинскую кушетку, на которой она лежит, и несется вместе с врачами по коридору.

Я не способен двигаться. Остаюсь на том месте, где стоял.

— Прошу, не мешайте, — говорит один из врачей Эйдену.

— Она будет жить? — мой брат не унимается.

Кушетка с Джейн почти скрывается за дверьми в операционную палату.

— Начинайте готовить ее, — обращается врач к своим подчиненным.

— К чему готовить? — неосведомленность раздражает Эйдена.

Те кивают, и спустя несколько секунд я больше не вижу Мисс Чикаго. Я чувствую себя морем в грозу, только наоборот. Внешне абсолютно спокоен, но внутри какое-то необъяснимое, тревожное ощущение разрывает мои внутренности.

Врач что-то объясняет Эйдену, но он ничего не понимает и задает вопросы. Много вопросов. Я не слышу, о чем они говорят, но вижу вспыхнувшее отчаяние на лице Эйдена. Он хватается за голову, в то время как врач с сожалеющим выражением лица качает слегка опущенной головой.

У Джейн плохие прогнозы.

У нее почти нет шансов и мало времени.

Доктор скрывается в операционной, едва сумев отделаться от Эйдена.

Я по-прежнему не двигаюсь.

Брат прислоняется к закрытым дверям реанимации и сползает вниз.

Наконец, до меня доносятся его рыдания.

Я вздрагиваю.

Джейн умирает.

Почему мне так хреново от этого?

ОДИННАДЦАТАЯ ГЛАВА

Анна

Когда смерть прокрадывается в твою жизнь, ты хватаешься за остатки надежды. Хватаешься руками и тянешь, словно это может что-то изменить. Какая ирония... Именно надежда сводит нас с ума. Из равновесия выводит то, что мы не можем ни на что повлиять, когда дело касается ухода из этого мира. Но мы продолжаем надеяться. И надеяться. И еще раз надеяться.

Почему я рассуждаю так смело? Да все просто. Находясь рядом с Россом, чувствуешь запах смерти повсюду. Как бы Росс ни пытался скрыться за парфюмом от «Армани», ничего не выходит. Я чувствую абсолютно все.

Уже несколько дней мне приходится наблюдать, какой он опечаленный. Я так же видела Эйдена, который пропускает занятия в колледже и хлещет виски днями напролет в баре одноглазой Стеллы. И я не могу помочь ни одному из братьев Картер.

Не могу, как человек.

Но как ведьма...

Боже. Да! Я знаю, это бредовая идея. Но я не могу стоять в стороне. Не могу сидеть, сложа руки, зная, что в моих силах попробовать спасти человека, которого знаю. Я могу исцелить Джейн. Она в глубокой коме, а это отстойно. Пока она находится в нашем мире, я еще способна помочь. Хотя бы попытаться.

Моя мать отнесется к этому не очень хорошо...

Ладно. Плевать. Я в состоянии сама принимать решения.

В одиночной палате, где лежит Джейн, много цветов. Меня это бесит. Она ведь еще не мертва, а ее уже похоронили в розах. Я понимаю, люди просто хотят сделать приятно ее семье и ей, когда она очнется. Если очнется... Но все же если проснется, то я не уверена, что Джейн будет счастлива. Лично я, выйдя из комы, ужаснулась бы, увидев столько цветов.

Представляю, сколько людей будет толпиться в палате Джейн, когда я вытащу из нее этого состояния.

Я знаю, что смогу.

Ей выделили самую лучшую палату, ведь она дочь политика. Э-э-э-й, когда я упала с мопеда и повредила спину, мне пришлось лежать вместе с какой-то дурной женщиной, вечно рыдающей о потере волос, утрате былых лет, отсутствии мужа и детей, а еще у нее была не плодотворная почва в саду. Короче говоря, это был суший кошмар. И никто не собирался жалеть меня. Никто.

Джейн повезло куда больше.

Счастливица. Она и понятия не имеет, как хорошо находиться в палате одной.

Я еще раз проверяю коридор, высунув головы из палаты девушки. Все чисто. Последняя проверка перед отбоем закончилась пятнадцать минут назад.

Спокойной ночи, больница.

Не спрашивайте меня, как я пробралась сюда поздним вечером. Но мне круто подфартило, потому что палата Джейн находится на втором этаже. Сюда залезть куда проще, чем на третий этаж, или на четвертый. Тогда я бы точно расшиблась в лепешку. К сожалению, мне неизвестно заклинание левитации. Но... оно же есть, да? Копперфильду же как-то удавалось летать. И все это чушь собачья про то, что он великий иллюзионист. Возможно, это так и есть. Но этот его трюк с полетом не обошелся без магии. Я просто уверена.

Потерев ушибленное колено, я закрываю дверь и разворачиваюсь лицом к мирно спящей Джейн, обмотанной трубками. Ей повезло, что она не испортила свое личико в такой -то дерьмовой аварии. Лишь царапина на правом виске и синяк на лбу. А ведь все могло сложиться куда хуже.

К примеру, как с Лорой. Эта несчастная девчонка умерла в жутких муках. Она сгорела. Жива. Но перед этим мучилась, захлебываясь собственной кровью. Когда машина перевернулась, Лора еще дышала. Но половина ее костей была сломана. Откуда мне известно все это? Колледж — идеальное место для сплетен и распространении информации. Ну, а еще со мной в группе учится Келлан Мэттьюс — сын копа.

Конечно, даже если бы Лору успели вытащить из-под обломков, обгоревшую и едва дышащую, девчонка осталась бы инвалидом до конца своих дней.

Я бы предпочла смерть беспомощности.

Осторожно подхожу к кушетке и останавливаюсь рядом с Джейн. Чувствую, как мое сердце болезненно отбивает свой ритм.

Она может умереть. В любой момент. Ее состояние крайне дерьмовое. Сейчас она играет со смертью в русскую рулетку, и я склоняюсь к уверенности, что смерть способна на жульничество.

Я не вправе применять магию без разрешения матери, ведь использование наших сил оставляет след. Это плохо в том случае, если рядом наши враги. А они близко. Всегда были на расстоянии вытянутой руки. И даже магическая защита, оберегающая Дайморт-Бич, рано или поздно перестанет быть препятствием злу.

Я встряхиваю головой и снимаю с плеча рюкзак.

Неважно. Всю свою жизнь я то и делаю, что нарушаю правила. Ну, взять в расчет хотя бы то, что я несколько раз выполняла общественные работы по предписанию суда за распитие спиртных напитков в неположенном месте, драку с девушкой и курение в учебном помещении. И на тот момент я была несовершеннолетней. Что ж, у меня насыщенная жизнь.

Достаю из рюкзака книгу, которой, наверно, не меньше ста лет, она выглядит на все пятьсот. Это семейный гримуар Гарнер. Если мать обнаружит его пропажу — мне крышка.

Так. Окей, Анна. Не думай об этом.

Позволю себе открыть вам небольшой секрет.

Моя цель заключается не только в том, чтобы поступить благородно и спасти человеку жизнь. Мне нужна практика. В колдовстве. В последний раз я произносила слова заклинания два с половиной года назад, когда мы с матерью были вынуждены заделать брешь в магической защите, созданной почти триста лет назад.

С каждым днем сила защиты ослабевает, ее нужно подпитывать магией. Но мама не понимает, что справляться с этим в одиночку у неё получается, так скажем, не очень. У нее недостаточно сил для этого. Ей необходима моя помощь. Мама прибегает к моим услугам

лишь тогда, когда все действительно паршиво.

Нет. Не поймите, что она не верит в мои силы, или что-то типа того.

Она верит в меня. Она знает, что я сильна. Честно говоря, у меня этой силы так много, что мама боится этого.

Ей страшно, что я не смогу контролировать свои способности, и однажды они поглотят меня, как это случилось с дядей. Эдвард Гарнер — старший брат мамы — сошел с ума, а потом покончил с собой в психиатрической лечебнице, в которой провел последние годы жизни. И все потому, что он был слишком силен в плане магии.

Я неторопливо листаю гримуар и ищу необходимое заклинание. Стараюсь читать внимательно, чтобы ничего не пропустить.

Я — не мой дядя. Я не свихнусь. Я справлюсь с тем, что дала мне природа.

Мама должна смириться с этим и позволить мне колдовать. Рано или поздно я все равно начну делать это, потому что магия во благо защиты Дайморт-Бич и его жителей — призвание семьи Гарнер. Ключевое слово здесь «магия».

— Да! — восклицаю шепотом и поднимаю радостные глаза на Джейн. — Не против побыть моим подопытным кроликом?

Негромко смеюсь над своей идиотской шуткой.

— Извини, — поднимаю руку.

Я осматриваю палату. Кладу открытый гримуар на белую тумбу между вазами с красными и желтыми розами. Возвращаюсь к рюкзаку, чтобы достать черные свечи. Расставляю их вокруг кушетки Джейн и начинаю зажигать одну за другой. Искушенная соблазном закурить, я нервно кусаю губы. Закончив с этим, убираю зажигалку и беру гримуар. Прохожу с ним в «зону» свеч и возвышаюсь над Джейн.

Моя ладонь дрожит, когда я накрываю ею руку Джейн. Несмотря на то, что она висит на волоске от гибели, ее кожа теплая. И мягкая. От девушки веет чем-то добрым, и когда я делаю вдох, то чувствую нежный запах цветов и ягод.

— Ты будешь в порядке, — произношу тихо, открывая глаза.

Я убираю руку и полная решимости перевожу взгляд на страницы гримуара.

Латинские буквы расплываются в глазах, и я хмурюсь, пытаюсь сосредоточиться.

— *Sudus fuina morty*, — начинаю с крайней неуверенностью, будто впервые читаю заклинание.

Однажды я пыталась оживить, только не человека, а ворону, которого нашла на заднем дворе дома. И у меня получилось. Но сейчас понимаю, что для возвращения к жизни человека требуется куда больше сил.

Главное не растеряться.

— *Sudus spirito fuina. Sudus fuina morty*, — повторяю и медленно поднимаю взгляд на Джейн.

Это волнение ужасно.

Боже, чувствую себя проказницей в школе.

Когда слышу шорох со стороны коридора, то обрываю заклинание и беспокойно озираюсь.

Сосредоточься, Анна.

Пробегаюсь взглядом по заклинанию и запоминаю слова. Откладываю книгу и концентрирую все свое внимание на Джейн.

Вспоминаю слова мамы, что для лучшего действия необходим контакт с предметом, или человеком.

Я вновь беру девушку за руку.

— *Sudus fuina morty. Sudus spirito fu...*

Снова слышу звуки.

Я с трудом убеждаю себя, что это всего лишь мое взыгравшееся воображение и продолжаю.

— *Sudus fuina morty. Sudus spirito fuina. Enito logos recudus.*

Сжимаю неподвижную ладонь Джейн.

— *Ote noctis morte dilid.*

Я чувствую тепло, набирающее мощь и вскоре превращающееся в нестерпимое пламя. Но мне не больно. Наоборот, вместе с жаром

приходит сила. Магия заполняет меня изнутри, разливаясь по венам, впитываясь в каждую клеточку тела.

Я становлюсь увереннее. Уголки моих губ слегка приподнимаются.

— *Siritre acte nodas*, — произношу в полный голос, забыв о том, что меня могут слышать.

Я вижу, как зажженные свечи слабо дрожат. Их пламя вспыхивает с новой силой, и вместе с этим я ощущаю нескончаемый поток энергии, врывающийся в мое сознание. Я чувствую себя невероятно могущественной. Мне кажется, что я способна свернуть горы, если только пожелаю.

И я могу спасти Джейн.

— *Morte vedas tolum*.

Incudus mire kaspen.

Sudus spirito fuina.

Sudus fuina morty.

Enito logos recudus

Ote noctis morte dilid.

Siritre acte nodas.

Morte vedas tolum

Incudus mire kaspen.

Я повторяю эти слова вновь и вновь. Крепче сжимаю руку Джейн. Я буквально вижу, как свет исходит из самых глубин моей души и тонкой извилистой струей обвивает мое плечо, предплечье, локоть. Я ощущаю легкое, щекочущее прикосновение магии на своих пальцах, которыми сжимаю ладонь Джейн.

И это уходит от меня. К ней.

Мне кажется, будто все вокруг дрожит.

Но дрожу только я.

Я не останавливаюсь даже тогда, когда чувствую, что начинаю задыхаться. Я отбрасываю мысль о том, что что-то идет не так.

Все хорошо.

Я справлюсь.

У меня хватит сил.

— *Sudus spirito fuina*, — мой голос становится сиплым. — *Enito lo...*

Я кашляю и прикрываю свободной рукой рот. Проведя тыльной стороной по губам, я чувствую влагу.

Отстраняю руку и вижу кровь.

Ух-ты. Это плохо.

Я не могла все испортить...

Вспыхнувшая паника добивает меня, когда я слышу чьи-то шаги. Это Эйден. Я... я чувствую его. В последние дни он пахнет отчаянием.

Отхожу от Джейн и смотрю на нее секунду. Надеюсь, все получилось.

Я берусь собирать свечи и дую на них, пытаюсь потушить. Джейн не шевелится. Плакающий прибор, отображающий биение ее сердца, действует мне на нервы. Черт. Кровь бежит у меня из носа, и я вытираю ее, только все бесполезно.

Шаги из коридора ускоряются. Эйден идет быстро, не заботясь о том, что его могут услышать.

Убираю свечи в рюкзак и в последний момент успеваю приложить носовой платок к лицу.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает Картер младший, когда я мирно стою у кушетки Джейн.

Я пожимаю плечами, как ни в чем не бывало. Кровь перестала идти за несколько мгновений до его прихода.

— Просто пришла навестить, — отзываюсь безучастно. — А что?

— Просто пришла навестить? — недоверчиво переспрашивает Эйден.

Я бегло прохожусь взглядом по его внешнему виду. Не заправленная рубашка, грязные джинсы. Он похож на свинью.

— Да, — я натягиваю лямку рюкзака на плечо. — И уже ухожу.

Пока, Эйден, — хлопаю его по спине. — Рада была повидаться с тобой.

— Погоди, — он тут же хватается меня за запястье.

Я пошатываюсь и нелепо размахиваю в воздухе руками, пытаюсь сохранить равновесие.

— Какого черта ты забыла здесь, Анна? — Эйден с грубой резкостью разворачивает меня к себе лицом и встряхивает.

Я стараюсь не терять самообладания. Это будет плохо, ведь я все еще чувствую бурлящую силу в себе, которая в любой момент может прорваться через тонкую оболочку.

Чтобы отвлечься, с легким изумлением рассматриваю Эйдена вблизи.

— Дерьмово выглядишь, — бормочу я, глядя на огромные фиолетовые синяки под его глазами. — Сколько ты не спал, ммм? — бьюсь об заклад, с тех пор, как Джейн впала в кому. — Тащи свою задницу домой и...

— Не надо увиливать от ответа, Анна, — рычит Эйден, наклоняясь к моему лицу. — Что ты делала у Джейн? Ночью.

Я громко стискиваю зубы и выдергиваю свое запястье из хватки младшего Картера.

— А что ты здесь делаешь, Эйден? — задаю встречный вопрос и делаю шаг назад.

Его взгляд становится растерянным. Он устремляет его на Джейн и тоскливо вздыхает.

— А разве не ясно? Я жду.

Сужаю глаза и склоняю голову вбок.

— Ждешь?

Он сухо и медленно кивает. Выглядит отстраненно, как будто он не здесь, не в этой палате.

— Чего ты ждешь? — усмехаясь, уточняю я.

О, мне известно, что Эйден имел в виду. Он ждет момента, когда Джейн умрет. Он ждет ее душу.

Но я должна делать вид, будто понятия не имею, что здесь

происходит.

Так и не дождавшись ответа от Эйдена, я поднимаю руки в жесте: «Прощу прощения».

— Эмм, окей. Мне пора идти. Надеюсь, Джейн станет лучше.

И поспешно отворачиваюсь, собираясь унести отсюда свои ноги.

Если я все-таки не облажалась с заклинанием, Джейн вскоре придет в себя. По крайней мере, я думаю, что успела сделать все необходимое для этого. Но в любом случае мне следует понимать, что будут последствия. Без этого никак. Магия — не бесплатное развлечение. Воскрешение почти мертвого человека будет многого мне стоить. Возможно, меня будет тошнить целую неделю. И это в лучшем случае. Но я буду честной с вами — мне редко везет в жизни.

И пока я спешно иду по коридорам ужасно пахнущей больницы, то не подозреваю, что псих по имени Эйден Картер вновь ворвется в мое личное пространство.

Он оттягивает меня за локоть так, что я буквально прижимаюсь к нему.

— Что. Ты. Делала. В палате Джейн, — медленно, почти по слогам спрашивает Эйден.

Его голос реально звучит угрожающе.

— Отвали, — я пытаюсь вырваться, но все тщетно.

Пальцы так больно впиваются в мою кожу, что я начинаю шипеть. Не знаю я, что Эйден такой ненормальный только из-за Джейн, то давно бы врезала ему.

— Я слышал твой голос, — произносит он тоном безумного параноика. — Что ты говорила ей? Я не понял ни слова из того, что ты сказала. Это была латынь, верно?

— Эйден Картер, убери от меня свои долбанные руки! — я грубо толкаю его свободной рукой. Еще раз. И еще. — Отпусти меня. Черт подери... — если бы он только знал, что я сделала для Джейн.

Медицинский персонал начинает сходитьсь, чтобы посмотреть на наш «спектакль». Да ладно. Вы серьезно?

— Прощу, покиньте помещение, — говорит кто-то.

Эйден игнорирует просьбу. Как и я. Нам грозят охраной.

Мы смотрим друг на друга. Долго. И это напряжение проходит сквозь нас.

— Сэр? — мужской голос проносится где-то рядом. — Мисс? Вы слышали? Покиньте здание больницы.

Я слышу, как женщины шепчутся о нас с Эйденом, словно о влюбленной паре и о том, что он, возможно, ревнует меня. А я, конечно же, его гулящая девица. Как же иначе?

Я закатываю глаза.

— Окей. Эйден, отпусти меня, — теперь тихо прошу.

Он разжимаю свою ладонь. Я потираю больное место другой рукой. У этого парня полно сил.

Я собираюсь развернуться и уйти подальше от Картера младшего, как можно дальше, но чувствую сильное покалывание в груди. Это неприятно и в то же время именно то, в чем я нуждаюсь.

Эта особая боль в сердце всегда означало, что заклинание, которое читает ведьма, сработало.

Все хорошо.

У меня получилось.

Я поворачиваю голову в сторону палаты Джейн раньше, чем она выходит из нее, держась за больничные стены. Ее ноги сильно дрожат. Глаза впалые, кожа чертовски бледная. Я стою, не в силах пошевелиться. Эйден не прекращает смотреть на меня, пока я таращусь на Джейн.

Я буквально вижу, как его мир распадается и вновь собирается по крупицам, когда он, наконец, замечает ее.

Руки Эйдена безвольно виснут вдоль его тела.

— Джейн, — слышу, как он тихо всхлипывает, устремляя на девушку изумленные глаза.

Но никто из нас так и не решается подойти ближе, будто на ее месте стоит приведение. Собственно, так оно и есть. Я бы свихнулась, если бы не знала, что есть такая штука под названием магия. И все это не было бы более чем бредом и насмешкой

реальности.

— Росс , — вдруг произносит Джейн.

А затем она теряет сознание и падает.

Мгновение оцепенения растягивается на долгие минуты.

За это время я успеваю подумать о многом. И о том, почему Джейн позвала Росса.

— Нужен врач! — вырвавшись из оков удивления, я начинаю кричать. — Немедленно!

ДВЕНАДЦАТАЯ ГЛАВА

Росс

— Налей мне еще, — приказным тоном произношу я, вонзив неподвижный, стеклянный взгляд к лакированной поверхности барной стойки, у которой просидел полночи, заливая чертову дыру внутри себя выпивкой с божественным вкусом.

Чувствую на себе взгляд Моники и поднимаю голову.

— Что? — развожу руками.

Брюнетка вздыхает.

— Может, тебе лучше поехать домой? — она протирает бокал в руке и смотрит на меня, как на маленького ребенка.

Я морщусь.

— Вот только не надо нянчиться со мной, ладно? Твоя работа заключается в том, чтобы наливать клиентам бухло, а не давать советы, на которые мне совершенно плевать. Так что заткни свой сладкий ротик и плесни мне абсента.

— Не груби мне, Росс, — говорит Моника.

— О, я еще вежлив с тобой, крошка, — язвительно улыбаюсь ей и машу рукой за ее спину, на полки с алкоголем. — Давай. Мое терпение на исходе. Я серьезно.

Барменша прищурено смотрит на меня. Отвечаю ей непоколебимым, упрямым взглядом, но очень скоро мое внимание

привлекает то, что находится под ее милым, обтягивающим топом.

Негромко сглатываю.

— Возможно, мне нужно кое-что еще, — бормочу себе под нос.

Моника ухмыляется и отворачивается от меня. Тянется к бутылке с абсентом.

— Иди к черту, Росс Картер. Я не стану спать с тобой.

— Что так? — делаю свой голос грустным.

— Вероятно, я единственная в Дайморт-Бич, у кого в вагине не побывал твой член, — она резко оборачивается, красиво взмахивая волнистыми длинными волосами, и берет стопку. Я наблюдаю, как светло-коричневая жидкость наполняет стеклянную емкость, и у меня во рту становится сухо, как в пустыне. — Пока что я полностью этим довольна, — добавляет спустя минуту и ставит передо мной стопку.

— Жаль, — протягиваю я, улыбаясь. — Ты просто не знаешь, какие чудеса способен творить мой член.

Брюнетка заливисто смеется, запрокинув голову, и я не могу отвести взгляда от того, как со смехом слабо трясется ее пышная грудь.

— Нет, Росс. Даже не мечтай.

Моника возвращает сверкающий взор к моему лицу. Она видит, что я пялюсь на ее грудь, но это забавляет девушку. Малышка хочет меня, я это чувствую. Иначе бы не флиртowała со мной. И я более чем уверен, что стоило бы мне чуть-чуть надавить на нее, она бы с удовольствием сдалась.

Но я, кажется, не хотел этого.

Смешно, правда?

Росс Картер отказывается от секса на одну ночь с горяченькой ципочкой.

Горько ухмыляюсь и залпом поглощаю порцию абсента. Я почти не чувствую вкуса алкоголя, так как за последние несколько часов выпил его в огромном количестве. Вероятно, я в одиночку опустошил половину бара.

Закончив, громко ставлю стопку на стойку и закрываю глаза.

— И что б ты знала, — обращаюсь к Моники. Мой голос понизился из-за хрипоты. — Ты не единственная в Дайморт-Бич, кого я не трахал.

— Вау, — брюнетка искренне изумляется. — Правда, Росс?

— Ага, — киваю потяжелевшей головой. Тело заполняет усталость, и я из всех сил борюсь с желанием уснуть за барной стойкой.

— И как же зовут эту счастливницу? — заинтригованно любопытствует Моники, подавшись вперед. Она наклоняется так, что теперь я могу безо всяких проблем лицезреть ее потрясающую часть тела четвертого размера.

«Джейн» хотелось сказать мне. И я открыл рот, чтобы озвучить имя девушка, которая засела в моих мыслях, о которой я безостановочно думаю несколько поистине бесконечных дней. Насколько я знаю, ей так и не стало лучше, и это беспокоит меня, хотя я должен радоваться, ведь проблема для нашей семьи в ее лице почти устранена.

Джейн не выживет — я более чем уверен в этом.

Эйден все свое время торчит в больнице. Надеется, что произойдет чудо, и она откроет глаза.

Он думает, что его нахождение поблизости поможет ей.

Ни хрена подобного.

Джейн умрет.

Гибель подобралась к ней слишком быстро. Но я недооценивал принцессу Чикаго. Она сильнее, чем показалась мне вначале. Она умеет бороться. И сейчас, находясь во власти капельниц и лекарств, она сражается за свою жизнь. Джейн не даст себе упасть в пропасть и исчезнуть без боя.

Только ее противник сильнее. И каким бы огромным ни было ее желание выкарабкаться, она проиграет.

— Э-э-эй, — я медленно моргаю, когда вижу перед собой щелкающие пальцы Моники.

Отбрасываю ее руку от моего лица и хмурюсь.

— Я все равно трахну тебя, — обещаю, пристально глядя на

брюнетку.

Та перестает улыбаться, и я люблю мгновение, в которое ее голубые глаза наполняются страхом.

О, да. Этой крошке стоит бояться меня. Того, что я могу сделать с ее губами, телом. С ее сердцем.

Но очень быстро ее решимость вытесняет страх, и блеск аквамариновых глаз моментально заводит меня.

— Не в этой жизни, Росс Картер, — шепчет Моника и соблазнительно прикусывает нижнюю губу.

Мой член заявляет о себе, и я слишком пьян, чтобы контролировать его.

— Уверена? — обольстительно ухмыляюсь я, сокращая расстояние между нашими лицами на пару дюймов.

Моника делает следующий шаг, чтобы стать ближе к моим губам. Она играет с огнем.

— Уверена, — говорит, и я чувствую горький запах ее духов.

Очень дерзко.

— Ты напросилась, детка, — заявляю я и резко наклоняюсь вперед.

Я беру в плен ее рот, одну руку перемещаю на затылок девушки, чтобы не смогла отстраниться. Моника принадлежит мне. Прямо здесь и сейчас. И плевать, что мы находимся в забитом баре, где играет дерьмовая кантри-музыка, и худощавые несчастные нытики пытаются запить свою ужасную жизнь.

Я жестко работаю своим языком, кусаю пухлые губы черноволосой красоти. Я чертовски возбужден и намерен довести начатое до конца.

Моника обескуражена, но она не сопротивляется. Ей нравится то, что происходит.

— Если мы не уединимся прямо сейчас, я поймаю тебя прямо на этой стойке, — отстраняюсь, чтобы сказать ей это. — Клянусь дьяволом.

Разлепляю глаза. Дышу громко и часто. Бездонные глаза

брюнетки поглощают меня без остатка. Я тверд, и я хочу, чтобы она почувствовала это. В своей киске.

— У меня работа, — едва ли не стоит Моника.

Она уже сдалась мне.

Так-то, девочка.

Я сжимаю в своих пальцах темные волосы на ее затылке.

— У тебя пять секунд на то, чтобы придумать, куда мы можем уйти. Я сейчас взорвусь. Ты же не хочешь этого, верно?

Голубые глаза начинают искриться. Уверен, она уже представила, как я жестко трахаю ее.

Малышку это заводит.

— Я хочу, чтобы ты взорвался внутри меня, — наклонившись, шепчет мне на ухо. — Только так.

И затем отклоняется, чтобы посмотреть на мою реакцию.

— Хорошая девочка, — одобряю я.

Убираю пальцы с ее головы. Моника выходит из-за стойки, и я следую ее примеру. Не свожу глаз с ее задницы, когда она останавливается и ждет меня. На нас смотрят. Когда я подхожу к Монике, то кладу одну руку ей на поясницу. Брюнетка вздрагивает.

— Пойдем сюда, — она тянет меня в сторону уборной комнаты для персонала.

Мне плевать, где мы займемся сексом, поэтому безапелляционно следую за ней.

Как только мы заходим в тесное помещение, где никого нет, кроме нас, я резко разворачиваю Моника к себе лицом и целую ее. Крепко. Ненасытно. Грубо толкаю ее к одной из кабинок. Она смеется, глядя на меня. Я едва стою ровно. Меня клонит то в одну сторону, то в другую.

Хватаясь за край моей рубашки, Моника тянет к себе. Мы запираемся в кабинке, и я вновь начинаю целовать ее. Брюнетка извивается, когда мои губы исследуют ее тонкую шею. Я сжимаю ее грудь и чувствую, как Моника раздвигает ноги. Она хочет меня в себе.

— Трахи меня, Росс, — и начинает стонать.

Я вжимаю ее в стенку кабинки и вторую руку кладу на ее задницу. Моника гладит мое лицо, шею. Ее пальчики ловко расстегивают пуговицы моей рубашки.

— Остановись, — приказываю, когда она почти снимает с меня вещь.

Девушка, прикусив губу, послушно кивает и начинает трогать мою грудь, спускаясь ниже. Нежно касается торса и задерживает ладонь на брюках. Я напрягаюсь. Мой член реагирует на ее прикосновение, и удовольствие становится болезненным.

Хватит игр.

Рыча, я целую Моника и молниеносно снимаю с нее сексуальный черный топ. Моему взору представляется кружевной лифчик, на который я не намерен долго смотреть. Эта симпатичная вещь летит в сторону, и я захватываю губами сосок девушки.

Моника вскрикивает.

Да, детка.

— Росс, — тяжело дыша, она запускает пальцы в мои волосы.

С дикой, необузданной страстью я ласкаю ее грудь, давлую на брюнетку своей чертовски твердой эрекцией.

— Хватит церемониться, Росс, — просит Моника.

Я улыбаюсь и отстраняюсь от ее груди. Ставлю брюнетку на ноги. Девушка расстегивает мой ремень, проделывает то же самое с ширинкой и затем резко приспускает брюки. Она хищно улыбается мне. Становится немного легче, но от полной свободы отделяют боксеры.

Не медля, Моника избавляет меня и от этого.

— Ты хорош, — она восхищенно смотрит на мой член.

— Не болтай, — прижимаюсь к ней, грубо целую в губы.

Мои руки скользят вдоль ее шикарного тела. Сердце громко колотится в груди. Я пробираюсь под ее джинсы, касаясь горячей кожи под узкими трусиками. Моника трется об меня своей грудью, и я вот-вот готов кончить.

Действительно, Росс, хватит играть с этой крошкой.

Стягиваю с нее джинсы. От миниатюрных черных трусиков Моника избавляется самостоятельно. Она в предвкушении ждет, когда я войду в нее, и я, как истинный джентльмен, не заставляю девушку ждать.

Вхожу в нее и без промедлений начинаю агрессивно двигаться. Моника кричит и обвивает руки вокруг моей шеи.

— Черт! — она упирается лбом мне в плечо. — Ты огромный, Росс... Ох, боже...

Я сцепляю зубы, чтобы не стонать вместе с ней. Брюнетка хороша. В ней так мало места.

Я ускоряю темп.

Кабинка дрожит. Моника находит мои губы. Ее крики теряются в поцелуях. Я сжимаю ее плечи, хочу оказаться глубже в ней, хотя уже достиг предела. Мой член полностью в ней.

Я чувствую приближение оргазма и двигаюсь еще быстрее.

— Да! — Моника плачет от восторга.

По телу разливается волна мурашек, когда я кончаю. Внутри нее. Я должен был позаботиться об этом, но все мысли, жужжащие в голове, перестают иметь какой-либо смысл.

— Не волнуйся, я принимаю таблетки, — словно прочитав мои мысли, произносит Моника дрожащим голосом. — Это было потрясающе, Росс. Ты сущий дьявол.

Тяжело дыша, я прислоняюсь лбом к стенке кабинки рядом с лицом Моника и замираю. Мой член яростно пульсирует в ней, но я должен вытащить его, натянуть штаны и уйти.

Так и делаю.

Отстраняюсь от нее и молча поднимаю вещи с кафельного пола. Я не поворачиваюсь к девушке, но слышу, что она тоже одевается.

Когда мы выходим из кабинки, Моника встает передо мной, чтобы что-то сказать. Я очень сильно разочаруюсь в ней, если она даст мне свой номер, чтобы мы смогли как-нибудь встретиться и повторить это... если она сделает хоть что-то, что по ее мнению может привести нас к отношениям.

— Клянусь, еще никогда не было такого секса, — начинает, и я почти закрываю глаза.

— Не...

Она прикладывает палец к моим губам.

— Но больше этого не повторится, договорились?

Ого. Неожиданно.

— Ты все еще Росс Картер, — Моника усмехается. — Чертовски сексапильный и горячий, но такой придурок.

Она милая.

Я улыбаюсь ей.

— Договорились.

ТРИНАДЦАТАЯ ГЛАВА

Джейн

Голова ужасно раскалывается. За стеной слышится музыка. Боже, кто так отвратительно поет? Будьте так добры, переключитесь на другую волну. Пожалуйста.

Проходит немало времени прежде, чем я ощущаю, что моя ладонь зажата в чьей-то руке. Проходит немало времени прежде, чем я понимаю, что кто-то зовет меня по имени. Все, что я знаю, что я — Джейн. Так сказали медсестры. Я слышала их сквозь сон. Но есть кое-что, что я помню. Имя. Росс.

Кругом темнота. Но иногда в моем сознании всплывают моменты, что-то вроде визга шин и огонь. И Росс. Я вижу силуэт этого парня, но не могу понять, почему. И не знаю, кто это.

Я даже не знаю, кто этот мужчина, что сейчас смотрит на меня и касается моей щеки.

— Джейн, — его голос искрится счастьем, и сквозь пелену на глазах я вижу влагу, застывшую в глазах напротив, утонувших в морщинах. Лысеющий, с проблеском симпатичности... Никогда прежде не видела его, или, скорее всего, все-таки видела, раз мужчина так нежно и трепетно улыбается мне сейчас.

Я негромко сглатываю.

И почему у меня такое ощущение, словно я вижу свое отражение в зеркале? Только мужское и в возрасте не меньше сорока пяти лет.

— Да? — полувопросительным тоном отзываюсь я и сдерживаюсь оттого, чтобы не скривить лицо от ужаса и отвращения; эти чувства вызвали во мне мой собственный голос.

— Врачи сказали, что ты потеряла память, — я замечаю, как слезы продолжают скапливаться в уголках его глаз. Они вот-вот прольются. — Я даже не знаю, что сказать на это, милая. Я не всегда был хорошим отцом... — пауза. Он фыркает себе под нос и одновременно всхлипывает. — Я никогда не был хорошим отцом. Прости меня. Но мы с мамой очень любим тебя, детка. Она уже в пути и скоро будет здесь.

Я поднимаю на него удивленный взгляд. В смысле, да, в моей жизни до аварии, конечно, были родители. И они есть. Только чертовски раздражает, что я ничего не помню. Не понимаю, что происходит. В моей голове самый настоящий хаос.

Я растеряна и не знаю, что сказать в ответ, поэтому издаю неопределенный мычащий звук вроде: «Хмм». Мне несколько неуютно, что моя кисть лишена возможности двигаться, и я хочу ее вырвать, но отдергиваю себя, сжимая губы. Не хочется расстраивать... папу.

Вот дьявол.

— Что... что произошло? — спрашиваю я, повернувшись к окну, из которого в палату льется свет заходящего солнца. Сощурившись, я возвращаю взгляд к отцу.

Эта ужасная больничная одежда. Такая... хлопчатобумажная. Боже, о чем я думаю?

Словарный запас и моих мыслей неожиданно резко сократился до нескольких слов.

Мне просто неудобно здесь.

— Ты и еще одна девушка попали в аварию, — начинает он с дрожью в голосе. — Тебе чудом удалось выжить, Джейн, — его веки подрагивают, он издает отчаянный вздох. — Но не твоя подруга. Ее звали Лорой. Мне очень жаль.

Повторяй мое имя столько раз, чтобы я сумела к нему привыкнуть.

Говори мне сейчас что угодно, чтобы я не испытывала ужаса.

Я не знала ее. Лору. Но она погибла.

Не я.

Почему?

Чудо, как и сказал папа?

Что-то с трудом верится.

Я, конечно, без пяти минут как обрела имя, но не думаю, что в этом мире существует место для чудес.

— Это... — мне требуется несколько секунд, чтобы прочистить горло.

Что я собираюсь ответить? Что это ужасно? Невероятно? Чертовски горько? Да. Само собой, ведь погиб человек. Моя подруга, лица которой я даже не помню. Не имею ни малейшего представления о Лоре.

Я чувствую себя отвратительно, и странная клокочущая боль в груди внезапно занимает центральное место в моих рассеянных, спутанных мыслях. Мое сознание напоминает мне бесконечный лабиринт, а я в нем — подопытная белая крыса, отчаянно пытающаяся найти выход и оказаться на свободе.

Я хочу освободиться от оков беспамятства, лишившего меня... всего. Эта авария, вычеркнутая всевышними силами из моей памяти, отняли у меня жизнь.

Не знаю, могу ли я сейчас назвать себя живой. Могу ли я назвать себя человеком. Ведь моя голова пуста. Будто я проскользнула в черную дыру, и, расщепившись на атомы, воссоздалась заново, но, не имея ничего за плечами. Можно сказать, в буквальном смысле.

От нахлынувшего потока мыслей я хватаюсь свободной рукой за голову. Мои пальцы путаются в грязных волосах.

— Джейн? — звучит беспокойный голос отца, но словно издалека. Словно он находится на другом конце необъятной вселенной.

Я почему-то не в состоянии ответить ему. В горле ощущается адская сухость, и возникло такое ощущение, что если бы я сумела испить Тихий океан, то все равно не утолила бы жажду.

— Все... хорошо, — только спустя минуту, или две, произношу я крайне неуверенно. — Можно мне воды?

Отец срывается с места, оставляя светлое кресло опустевшим. Он наливает мне жидкость в стакан из стеклянного графина, который стоит на тумбе рядом с моей больничной кроватью.

— Держи, — протягивает мне, и я залпом все до последней капли.

Мне хочется задать папе вопрос, который, как ни странно, беспокоит больше всего.

«Папа, а кто такой Росс? Почему я помню его имя? Его руки? И то, как будто бы он спас меня?»... только это уже не один вопрос, но я сомневаюсь в способности отца дать мне ответы.

Однако это не останавливает меня, и я открываю рот, чтобы озвучить мысли вслух, но в палату входит врач, лицо которого я смутно помню. Он строго оглядывает отца через свои узкие очки.

— Мистер Мортис, время посещений ограничено, — говорит он, но его голо, на удивление, звучит мягко. — Пациентке... вашей дочери нужен отдых.

Я только и делаю, что отдыхаю.

— Могу я остаться с ней еще на какое-то время? — с мольбой отзывается папа, вновь крепко сжимая мою руку.

— К сожалению, это невозможно, — качает головой доктор. — Нужно провести кое-какие стандартные процедуры.

— Вам известно, кто я?

— Само собой, мистер Мортис. Ваша должность не дает никаких привилегий относительно посещения. У нас строгие правила. Помоему, вы сами настаивали на этом.

— Да, — отец раздраженно взмахивает рукой.

Доктор чуть улыбается.

— Все будет в порядке. Приходите завтра.

— Конечно же, я приду завтра, — бурчит папа и поворачивается ко мне. Его губы дрожат, когда он тянет их в улыбке. — Детка, мне нужно идти. Но завтра я навещу тебя, утром! — он воодушевляется от собственных слов. — Оливия очень хочет увидиться с тобой. Ты не против, если мы придем вместе?

Я сдвигаю брови, озадачиваясь кое-чем.

— Кто такая Оливия?

Папа теряет ся.

— Она... моя новая жена.

Я открываю рот в беззвучном: «Ооо».

Выходит, что мои родители разведены... Замечательно.

— Ладно, — я вяло киваю. — Пусть приходит.

Папа сияет на моих глазах.

— Спасибо, детка, — на мгновение он прижимается потрескавшимися губами к тыльной стороне моей ладони. — До завтра, — поднимаясь с кресла, целует меня в макушку и вместе с доктором покидает палату.

Меня оставляют одну. Наконец-то.

Это неопишуемое чувство — когда ты дышишь одиночеством. Вбираешь в себя с воздухом каждую частичку свободы и выдыхаешь все проблемы. Хотя бы на время, чтобы потом снова позволить чужим словам блуждать в твоей голове, и снова чувствовать себя тяжело.

А пока я наслаждаюсь в компании самой себя. Даже не знаю, откуда у меня такие чувства, и откуда они мне знакомы. Возможно, до аварии я тоже была такой? Или наоборот — общительной? Была ли я... нежной или все же дерзкой? Любила ли читать? Какую музыку предпочитала? Нравилось ли мне ходить в кино? Что, в конце концов, делало меня счастливой?

И какую роль в моей жизни «до» играл загадочный Росс?

Эйден

Еще никогда за всю свою жизнь я не чувствовал себя паршивее, чем сейчас.

Даже когда расставался с Джейн прошлым летом.

Тогда я подсознательно был убежден в том, что мы еще встретимся.

Так и вышло.

Я потерял ее. Затем обрел. И вновь потерял.

Наши отношения — ну чем не американские горки? Дикие, сумасшедшие, непредсказуемые.

Но сейчас я сломлен и потерян.

Сейчас во мне нет и толики той уверенности, которая раньше помогала двигаться дальше, что я и Джейн вновь станем единым целым.

Она потеряла память. Джейн... Что еще может сделать мою жизнь по-настоящему адской? Прежние проблемы в одно мгновение превратились в кучку бессмысленных событий. Без преуменьшения, Джейн стала центром моего мироздания. И потерять ее навсегда... Черт! Я даже не могу выразить, как бы тяжело мне было, если бы она все-таки погибла.

Я должен быть благодарен. Богу, или кому там еще, за то, что они позволили Джейн остаться со мной. Хотя так ли это? Ведь она не помнит меня. Ничего не помнит, кроме Росса. И, признаться, я дьявольски устал ломать голову над вопросом, какого хрена так происходит?

Почему он?

С чего вдруг?

Не знаю... и это сводит меня с ума.

Единственное, что мне остается, — это требовать объяснений у той, кто заварил всю эту кашу. Возможно. Я сказал «возможно». Не понимаю, как она вообще может что-то знать. Я совершенно ничего не смыслю, но должен во все разобраться.

Анна вышла из палаты Джейн, и та... просто встала на ноги. После такой сумасшедшей аварии! После того, как была в коме!

Она была в коме, мать вашу!

Эта блондинка с тараканами в голове явно замешана во всем произошедшем. Но каким образом?

Я обязан выяснить это.

Я покидаю свой дом в полубессознательном состоянии. Как я добрался туда — остается загадкой, потому что я внезапно стал склеротиком. Может, оно и к лучшему? Любая лишняя минутка с осознанием, что меня не существует для Джейн, делает эту жизнь самой настоящей задницей.

У меня ощущение, будто кто-то другой, а не я, садится в автомобиль. Кто-то другой заводит мотор. Кто-то другой выезжает на дорогу и мчится к дому Анны Гарнер. Кто-то другой превышает скорость, иногда подрезает другие тачки. Отличное оправдание, не правда ли? Это делаю не я, совсем не я.

Смотрю на дорогу сквозь туман, застилающий глаза. П ротираю их кулаком и на секунду отвлекаюсь. Но этого мгновения достаточно, чтобы чуть не попасть в аварию. Машина, с которым я едва не «поцеловался», издает раздражающий и нескончаемый гудок.

— Да пошел ты, — выплевываю я, возвращая хмурый взгляд на дорогу.

Начинается дождь.

Я чувствую вибрацию в кармане брюк, но это не телефон.

К черту работу!

Я не в настроении и не состоянии, чтобы сейчас забирать чью-то душу. И пусть мне потом влетит от начальства... все это, нахрен, не имеет значения. Моя жизнь рушится, как банально это ни звучит. Я не могу просто смотреть на это. Я должен действовать, или иначе действительно все потеряю.

А вот теперь звонит телефон. С тиснув зубы, я игнорирую мелодию, которую издает мой мобильник. Спустя несколько минут кто-то чрезмерно настойчивый и непонятливый переходит на сообщения.

Росс, черт бы его побрал.

Только он может так доставать меня.

Игнорировать брата — это, своего рода, тоже как работа для меня. Только вот деньги я за нее, к сожалению, не получаю. Будь по-другому, давно бы стал богаче чертовых Рокфеллеров и Ротшильдов.

Я паркую машину у дома Анны. У этой девчонки, которая не так проста. Я всегда это знал, чувствовал, что ее странности зашкаливают.

Она расскажет мне. Все, что знает. Просто так я ее не отпущу.

Только когда я выхожу из тачки, то ощущаю, как ярость сковывает горло, и мне хочется кричать так громко, чтобы даже в глуши Южной Америки было слышно, как я зол на блондинку.

Сжимая кулаки, я делаю резкий вдох и, пройдясь молниеносно глазами по старому дому Анны, иду к нему. Я бы побежал, но напряжение стягивает икроножные мышцы, и во избежание судорог мне приходится плестись со скоростью улитки.

Удивительно, но когда я останавливаюсь перед дверью, вся решимость, которой я был переполнен до дома Анны, испаряется, смывается холодными каплями дождя, врезающимися в кожу лица. Я смагиваю влагу и все так же плотно поджимаю губы.

Неуверенно поднимаю руку и сжимаю пальцы, но не могу постучаться. Я застываю, и воздух рваным выдохом покидает мои легкие, а те в свою очередь словно сужаются и вдруг начинают гореть.

Сколько я не дышу? Сколько стою, как идиот, и не могу шелохнуться?

Я слабо вздрагиваю, когда слышу щелчок, и передо мной распахивается дверь.

— Эйден, — изумление поглощает меня огромной волной, когда Анна произносит мое имя так спокойно, словно знала, что я приду к ней именно сейчас.

Я смотрю на девушку широко распахнутыми глазами, стремительно теряя смысл моего прихода сюда.

Нужно сосредоточиться.

Анна издает томный вздох и отходит в сторону, открывая путь в свой дом.

— Проходи.

Я не двигаюсь.

Ее брови резко взметаются вверх.

— Хочешь стоять тут и мокнуть? Эйден, очнись, — ее рука дергается, и я клянусь, что она хотела щелкнуть пальцами перед моим лицом. — Либо ты заходишь, либо я закрываю дверь.

Ее слова отрезвляют меня и, встряхивая волосами, я делаю большой шаг вперед. Переступив через порог, я задерживаю взгляд на гостиной, в которой царит беспорядок. Господи, Анне известно о таком понятии, как уборка?

— Не об этом я должен думать сейчас... — бормочу себе под нос.

— Чего? — спрашивает Анна, закрывая за мной дверь.

Она проходит в гостиную и плюхается на подушки, закидывая ноги на другой конец дивана. Тянется к небольшому деревянному столику, берет стеклянную миску с кукурузными палочками и приковывает внимание к экрану телевизора. Том и Джерри? Seriously?

Анна хрипло и искренне смеется, а я в полном недоумении гляжу на нее из прихожей. Честно говоря, мне немного иначе представлялся визит к ней. Изначально я хотел ворваться к Анне и сходу потребовать объяснений, пусть даже путем вытряхивания из нее правды и разглагольствования гневных тирад.

— Нам нужно поговорить, — строго заявляю я, подходя ближе.

Анна смеряет меня надменным взглядом, хмыкает, пожимая плечами, и вновь продолжает пялиться в телик.

— Говори, Эйден. Я тебя внимательно слушаю.

Мое терпение стремительно падает к нулю. Я становлюсь перед ее долбаным ящиком, по которому недалекий кот бежит за смышенной мышью. Я не собираюсь сдаваться. Мне нужна правда. Здесь и сейчас.

— Пожалуйста, будь серьезнее, — все еще терпеливо процеживаю сквозь зубы, отбирая у Анны миску с кукурузными палочками. — Это важно. Для меня.

Анна раскидывает руки в недоумении.

— Я же сказала, что слушаю тебя, — восклицает она не без раздражения. — Что не так?

Я скриплю зубами, молча прохожу на кухню и оставляю миску там. После возвращаюсь и жду, что Анна перестанет вести себя так, будто не понимает моих намерений. Я жду, что она соблаговолит объяснить мне творящуюся с Джейн и с самой Анной чертовщину.

Я добиваюсь своего, сверля блондинку испытывающим взглядом.

— Что б тебя, Эйден, — ворчит она и, наконец, выключает телевизор. — Почему ты вообще приперся сюда? Разве не должен быть сейчас с Джейн? — ее карие глаза бегают по захлавленной гостиной.

Этот вопрос как удар под дых.

Я прочищаю горло и скрещиваю руки на груди.

— Тебя это не касается.

Анна молчит пару мгновений, тогда я продолжаю с явным возмущением.

— И не надо претворяться, будто не понимаешь.

— Лучше бы тебе не лезть в это, Эйден, — произносит она, по-прежнему не глядя в мою сторону.

Я не хочу ходить вокруг да около и говорю все напрямую. Снова.

— Что ты сделала с Джейн? — вдох-выход. Моя рука непроизвольно взлетает вверх, жестикулируя. И повторяю все по сотовому кругу, выливая на Анну бесконечность своего удивления.

На что она мне криво улыбается:

— Мир полон чудес.

— Издеваешься надо мной? — сжимаю кулаки. Затем разжимаю.

— Ну что ты, — Анна вздыхает с наигранной простотой и встает с дивана. — Кажется, у мамы оставалось пиво...

И она движется в сторону кухни.

Я иду за ней.

— Нет. Ты будешь разговаривать со мной, — я грубо поворачиваю ее к себе и заставляю смотреть на меня. — Будешь. И ответишь на все вопросы.

Она пытается вырваться, зацепившись тонкими пальцами за мою куртку, но я сильнее, и ей не удастся высвободиться.

— Эйден, — Анна дергает локтем, пытаясь ударить меня в ребра. — Не делай этого. Я серьезно. Прекрати. Возвращайся домой, или к Джейн. Спорь со своим братом... Продолжай жить так, как жил! — ее лицо приобретает оттенки грусти, отчего я немного теряюсь. — То, что случилось с Джейн, прекрасно. В смысле... ты ведь рад, что она не умрет?

Я киваю на автомате.

— Тогда просто поблагодари судьбу за щедрый подарок, — Анна перестает вырваться. — И оставь это в покое, — добавляет с внезапной твердостью и пронзает меня пронизательным взглядом.

Несмотря на то, что ее аргументы звучат убедительно, хотя все еще странно, я не могу следовать просьбе девушки.

Что, если Джейн станет хуже? Что, если она вновь впадет в кому, так же быстро и внезапно, как вышла из нее? Что тогда? Кто сможет помочь? Рассчитывать на щедрость судьбы? Не в моих приоритетах.

— Ты так и не ответила, — напоминаю я сердито.

— Ты зря пришел.

— Анна...

— Уходи.

Сраженный гневом, я встряхиваю ее.

— Что. С. Джейн?

— Эйден, — она вновь проговаривает мое имя, но на этот раз тихо, и я определенно слышу угрозу! Анна низко склоняет голову, и у меня становится чертовски холодно на душе. — Я...

Но она не успевает закончить. Или успевает, но я не слышу. Ничего. Меня отбрасывает от нее, и острая боль проносится вдоль позвоночника. Встретившись затылком с дверным косяком, я падаю

на пол с жутким грохотом.

— Что за...

Шок застревает в горле большим комком, и я пытаюсь прокашлять его.

Медленно поднимаю гудящую голову. В глазах двоится, но я ясно вижу панику, бурлящую в глазах Анны, которая смотрит не на меня, а куда-то в сторону.

Что, вашу мать, это вообще только что было?! Я отказываюсь анализировать произошедшее. Да и не в силах. Меня хватает лишь на то, чтобы кое-как перекатиться на живот и подняться на локтях. Я прищуриваюсь из-за ужасной боли в затылке. Такое чувство, в меня впились тысячи острых игл.

Все же подняв глаза, вижу, как Анна с выразительной растерянностью переводит взгляд на меня к чему-то позади. Или к кому-то.

— Зачем? — вопрошает она беззвучно, но я читаю это по ее побледневшим губам. — Он не враг.

— Он пытался сделать тебе больно, — звучит в ответ стальной женский голос.

Я все-таки поворачиваю голову и шумно выдыхаю, взирая на светловолосую женщину в мешковатом темном платье и кардигане. Тут же подмечаю удивительное внешнее сходство с Анной. Это ее мать? Она сделала со мной?

— Нет же! — Анна фыркает и быстро идет ко мне.

Я вжимаюсь в стену позади себя.

Что-то не так. Вот теперь Анна действительно кажется мне жуткой.

— Не подходи, — наверно, я жалок, произнося это и выставя одну руку перед собой.

— Что этот демон делает в нашем доме? — громко спрашивает женщина, судя по всему, обращаясь к Анне, которая осторожно опустилась передо мной на колени.

От этого черствого тона я ощущаю непреодолимое желание соскочить на ноги и метнуться к выходу, унести отсюда прочь как

можно скорее, как можно дальше. Но тело, все еще охваченное тупой болью, не позволяет мне воплотить это в реальность.

Стоп.

Стойте.

Что она сказала? Женщина.

Демон?

Она назвала меня демоном?

Мне наверняка послышалось. Она не может этого знать.

Я сглатываю иметаю ошеломленный взгляд с сожалеющего лица Анны к светловолосой особе, непоколебимой статуей застывшей у входных дверей. Ее черные, как ночь, глаза сверлят меня с необъяснимой ненавистью.

Невозможно, чтобы ей было известно о том, кто такой.

А если все-таки да, то... кто они? Анна и ее мать?

— Анна, — осторожно шепчу я, не надеясь ни на какой ответ.

В определенный момент мне кажется, что сейчас они попытаются навредить мне. Ну, устранить свидетеля, или что-то в этом роде. Но вместо этого Анна помогает мне встать. Я выпрямляюсь. Я не могу посмотреть на нее. Не хватает смелости. Но слышу, что она бессвязно лепечет:

— Прости, Эйден. Ты не должен был знать.

И единственное, о чем я не прекращаю думать, это: «А что я не должен знать?».

ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ГЛАВА

Джейн

Я понятия не имею, какой сегодня день.

Я нахожусь в больнице уже... черт знает сколько. Я потеряла счет времени. Если быть точнее, я вообще забыла, что такое время.

Этот день ничем не отличается от предыдущего. И так по

замкнутому кругу, в центре которого нахожусь я — девушка без прошлого. Ой. Не так. Девушка без памяти. Хотя отсутствие памяти как раз и значит то, что у меня нет прошлого.

Моя жизнь напоминает белый лист бумаги, на которой когда-то была написана история Джейн Мортис — то есть моя история — но была тщательно кем-то стерта. Каждая попытка вспомнить хоть что-нибудь отзывается жгучей болью, зарождающейся в голове и постепенно распространяющейся по всему телу, заполняя каждую клеточку, воспаляя и натягивая до предела каждый нерв.

Мое прошлое находится за глухой, непробиваемой стеной. Я долблюсь в нее, отчаянно пытаюсь проделать брешь, но все тщетно. Мое прошлое вдруг превратилось в небытие. С каждой пройденной секундой я все больше верю в то, что до пробуждения в больничной палате меня просто-напросто не существовало.

Однако есть кое-что — яркое свидетельство того, что у меня все-таки была жизнь до аварии.

Всего лишь одно имя. Имя мужчины, или молодого человека.

Росс.

Удивительно. Я не помню этого человека, не помню звука его голоса и цвета глаз. Не помню, какая у него улыбка.

Это угнетает.

Я прилагаю невероятное количество усилий каждую секунду, чтобы побороть в себе желание сорваться с места и обыскать весь мир в поисках безликого Росса. Это безрассудное желание, рвение, пришедшее с дуновением теплого ветра, просочившегося в мою палату сквозь приоткрытое окно, сводит с ума, искушает на его свершение.

Я стою, опершись о подоконник, и сильно кусаю губы, убеждая себя, что лучше оставаться на месте и просто плыть по течению времени. Я уверяю себя, что судьба обязательно сведет меня и Росса вновь, и тогда я смогу узнать все терзающее мое беспокойное, омытое беспомощностью сознание.

Нужно только подождать.

Еще чуть-чуть.

Совсем немного.

Я узнаю, кто такой Росс, и почему помню только его.

Все встанет на свои места.

По крайней мере, так сказала моя мама. Или как вы хотите назвать это? Женщина, которую я называла матерью раньше и которую должна называть так сейчас. Но я не могу. Не могу произнести это, что очень странно.

Она навещала меня сегодня, а я попросила ее представиться. Она смотрела меня, широко распахнув глаза, а затем разрыдалась со страшной силой.

Глория.

Глория.

Глория.

Мою маму зовут Глория.

Я повторяла это в уме так много раз, что довольно быстро привыкла. Мама сказала, что они с отцом в разводе, она живет в Чикаго, где и я жила раньше. Вместе с ней. Но совершенно спонтанно я решила променять огромный мегаполис и безграничное количество возможностей на захолустный городок Дайморт-Бич.

Почему?

Почему я это сделала?

Что заставило меня оставить собственную мать?

Тем более, Глория так обходительна и добра. Она все время целовала меня то в лоб, то в щеки. Я чувствовала ее любовь, и это облегчало процесс моей адаптации к окружающему, совершенно чуждому миру. А еще она принесла мне еду из ресторана, и это действительно вкуснее того, чем кормят в больнице.

Я хочу уйти отсюда. Куда угодно. Но что в таком случае делать дальше? Остаться с отцом, или вернуться в Чикаго, к матери.

Я не знаю. Себя, свою жизнь, свои желания.

Как же я могу сделать выбор?

Все это так сложно.

Дополнительные хлопоты создают мысли об учебе. Я, вроде как, учусь в единственном в городе колледже Святой Марии. У меня есть

подруги — Лора и Синтия. Точнее сейчас только Синтия, поскольку Лора мертва.

Синтия была у меня вчера. Она белокурая и невероятно болтливая. Но она не кажется надоедливой. А еще Синтия плакала и не могла отлепиться от меня — вечно тянулась обниматься. И я улыбалась ей, потому что не могла оттолкнуть, да и не хотела. Странно, да? Я впервые видела эту девушку, но внутри меня теплело при виде нее. Это было подсказкой, что в моей жизни до злосчастной аварии я хорошо относилась к Синтии.

Иногда возникает такое чувство, что все эти люди вокруг — искусственные, так же, как и я. Без понятия, с чего я это взяла. Просто мне кажется, что Просто мне кажется, что я за пределами этой больницы простирается бесконечное, пустое Ничто.

А еще я постоянно слышу одно и то же, изо дня в день : обследование, анализы, здоровье, сон, еда, медсестры, авария.

Авария, авария, авария...

Все они повторяют это, как будто мне станет легче. Как будто это приносит мне наслаждение — думать о том, чего даже не помню, не имею представление , как это разрушило все то, что у меня было. И как от этого пострадала я. В се вокруг меня.

Пусть люди будут более тактичными. Пусть они иногда молчат.

Пожалуйста.

Пожалуйста.

Пожалуйста.

Пожалуйста.

К кому конкретно я обращаюсь? Над моей койкой, прямо над головой, висит большой деревянный крест, на котором распят Иисус.

Была ли я верующей? Ходила ли по воскресеньям в церковь?

Снова вопросы. Они начинают раздражать.

Стук в дверь прерывает мои мысли. Однозначно не мой лечащий врач — он всегда влетает в палату без предупреждения. В проеме показывается голова милой медсестры. Это Гейл. Она афроамериканка.

— Привет, — дружелюбно говорит она. Видно, девушка только что приняла вечернюю смену.

— Привет, — я вяло машу ей рукой в ответ.

Через секунду Гейл заявляет:

— А к тебе посетители, Джейн.

— Разве время для посещений не закончилось? — я скептически вскидываю бровь.

Гейл мечтательно улыбается, и я уверена, что если бы не ее темный цвет кожи, то я увидела бы румянец.

Хмм.

— Он был очень настойчив. Я не могла отказать, — просто поясняет она.

Это сбивает меня с толку.

— Он? — переспрашиваю я.

Гейл подмигивает мне и покидает палату.

Я накидываю на свои ноги, покрытые разноцветными синяками, серый плед и приглаживаю рукой волосы. Кем бы ни был моей посетитель, я должна выглядеть более-менее прилично. Волнение, внезапное и крепко, сжимает мое горло, поэтому я лишена возможности сделать вдох, когда хочу сделать это.

— Можно? — по ту сторону двери звучит низкий, басистый и, безусловно, красивый мужской голос.

Кто это может быть?

— Да, — хриплю я негромко.

Мое лицо покрывается краской и начинает гореть. Я мягко обвиваю пальцами свою шею и начинаю кашлять, в надежде избавиться от паники в виде небольшого комка, вставшего поперек горла.

Я застываю с глупым выражением лица и открытым ртом, когда в палату заходит высокий, привлекательный и темноволосый парень... молодой, крепкий мужчина, одетый как с иголки. Я почему-то уверена, что черный костюм на нем стоит баснословную сумму денег.

«Италия» проносится у меня в голове.

«Brioni ». Это же «Brioni ».

Но... откуда я знаю об этом?!

— Приветик, Джейн, — парень улыбается, осторожно прикрывая за собой дверь.

Я слишком долго пялюсь на него. Он откровенно хорош в этом костюме. Даже больше, чем просто хорош. Я усердно пытаюсь подобрать эпитеты и прилагательные, которые бы передали вам мое первое впечатление, но все тщетно. Мы знакомы? Друзья? Но он не похож на студента. Хотя черты его лица отдаленно напоминают мне еще одного парня. Только у того волосы немного светлее, и взгляд... такой измученный и печальный.

Эти образы путаются в моей голове, мешая созданию целостной картины. Нужно что-то конкретное, ясное воспоминание, но у меня не выходит, не получается.

А вот красивый парень в палате с непослушными, длинноватыми волосами, зачесанными назад, такой... такой... я чувствую его притягательную, мощную энергетику. Он притягивает меня, словно магнит.

Да что со мной?!

— П-привет, — заикаясь, отвечаю я.

Один уголок его губ приподнимается выше, и эта улыбка заставляет мое сердце совершить кульбит. Он расслабленно проходит вперед, останавливается у моей койки.

— Здесь фрукты, — объясняет он, ставя на тумбу пакет.

Мне показалось, или в его голосе слышалась тревога, смятение?

— Спасибо, — кивая, зачем-то прищуриваюсь.

Я разглядываю его. Глаза, подбородок, губы... какие у него губы! Полные, чувственные, соблазнительно-алые.

Такое ощущение, будто я знаю этого парня.

— Как ты? — его вопрос обрывает ход моих мыслей.

— Кто ты? — вопросом на вопрос.

Так-то, незнакомец! Его ярко-голубые глаза пылают, как мне

кажется, но в то же время в них таится много доброты.

— Я... — похоже, он растерян. Сильно. Я борюсь с улыбкой, потому что это выглядит мило. — Точно. Ты же не помнишь меня, — парень чуть склоняет голову вбок и негромко, кисло усмехается. — Я Росс. Росс Картер.

Подняв на меня очаровывающие глаза, он лучезарно улыбается и протягивает мне ладонь.

Что? Что он сейчас сказал?

Он — Росс?

Тот самый Росс, о котором я постоянно думаю?

Невероятно...

Вот, значит, какой он. Определенно превзошел все мои ожидания. Осталось выяснить, что нас связывает. Ведь это же так, верно?

Возможно... возможно, мы даже встречались.

Он единственный парень, который навестил меня. Может ли это значить, что Росс — мой парень?

Господи. Любить такого красавчика замечательно, а быть любимой им — вдвойне.

Я бы покривила душой, если бы сказала, что не в восторге от теории, которую возвела в своих мыслях.

— Ты Росс, — я не спрашиваю, а лишь утверждаю, во все глаза пялясь на парня. — Поверить не могу.

— Во что не можешь поверить? — недоумевает Росс. — Мне позвать врача? Что с тобой? Твое лицо... — он наклоняется вперед, вглядываясь в мои глаза. — Почему ты так смотришь на меня?

Мое сердце бьется с сумасшедшей скоростью.

Как же мне сказать, что я просто чувствую, но что именно, объяснить не могу.

Это похоже на то, будто часть моего сердца вырвали и превратили в прекрасного молодого человека, стоящего передо мной.

Мне стоит собраться.

Я усмехаюсь и опускаю голову, заправляя прядь волос за ухо.

— О, нет, со мной все хорошо, — поднимаю взгляд. — Правда. Присаживайся.

Я указываю ему на кресло рядом с собой, и он опускается на него без лишних слов. Меня не покидает ощущение, что Росс все еще чем-то встревожен.

Он ерзает несколько минут, старательно подбирая наиболее удобную позу. Я не могу сдерживать смех, наблюдая за ним.

— Что смешного? Черт, — бурчит он, когда кресло под ним издает жалобный скрип.

Я прижимаю ладонь к лицу.

Наконец, устроившись, Росс опирается локтями о колени и смотрит на меня. Пристально. Изучающе. Его взгляд неспешно скользит по моему лицу, и я вдруг вспоминаю, что, должно быть, выгляжу просто отвратительно ! У меня болезненный вид. Мешки под глазами, бледная кожа и грязные волосы... А еще на мне дурацкая голубоватая сорочка, в которой я едва не тону.

Теперь ерзаю я, едва ли не до шеи натянув на себя плед.

Росс молчит. Его глаза встречаются с моими.

— Дерьмово, наверное, ничего не помнить, — он издает краткий вздох. — Сочувствую.

— Расскажи мне, какая я, — вдруг прошу, ставя парня в неловкое положение.

Он впивается в меня взглядом и раскрывает губы, но так ничего и не произносит.

— Ну-у, — протягиваю я, — мы же общались, да? — сказать или не сказать? Ладно! — Насколько близко? Насколько хорошо ты меня знаешь?

Росс краснеет, но пытается замаскировать свое смущение за внезапным гортанным кашлем. Я вопросительно моргаю и сжимаю пальцы в кулаки под пледом, терпеливо ожидая ответа.

— Черт, — проговаривает с трудом, по-прежнему не глядя в мою сторону. — Все реально плохо. Слушай, как бы тебе сказать, — внезапно Росс обрывает себя на полуслове и затихает. Он выглядит

так, словно что-то усердно обдумывает.

— Говори, как есть, — уверенно киваю я, подталкивая его к честному ответу.

Но, по правде говоря, мне немного страшно. Вдруг, он скажет, что я его бросила? Конечно, если моя теория о наших отношениях подтвердится. Господи, может, он изменил мне, или что-то в этом роде?

Так же в голову приходит мысль о том, что мы родственники. Уж лучше смерть, чем такая правда... Смотреть на этого красавца и не иметь возможности прикоснуться не по-родственному — что может быть хуже?

— Ты меня пугаешь, — подначиваю я, стараясь разрядить напряженную обстановку.

— Ну, я бы поспорил, кто кого пугает, — бормочет Росс в ответ.

— В каком смысле?

Он сглатывает. Нервничает. И я невольно начинаю дрожать. Я хочу знать, о чем он думает, хочу понять причину его беспокойства.

Откройся мне, Росс. Прошу тебя.

Какой же он невероятный.

Я не могу отвести от него глаз. Такой красивый.

Его глаза, словно кристаллы.

Я хочу дотронуться до этих губ. Хочу, чтобы они целовали только мои.

— Ты и я, — неожиданно бархатный голос Росса приобретает непоколебимость, от которой меня бросает в дрожь. Приятную. — Знаешь, я долго не мог поверить, что ты забыла меня, — горько ухмыляясь, Росс качает опущенной головой. — Нас многое связывает, Джейн, — он растягивает мое имя, и я буквально влюбляюсь в то, кто я есть. Я счастлива, что меня зовут Джейн. Какое великолепное имя! — Ты даже представить себе не можешь... — глаза цвета топаза резко возносятся и устремляются на меня. — Сказать, какая ты?

Неожиданно Росс покидает кресло и нависает надо мной. Я заморожено слежу за тем, как его рука тянется ко мне. Мои

трепещущие веки блаженно падают на глаза, будто занавес, и я едва не стону от удовольствия, которое доставляет прикосновение холодных кончиков его пальцев к моей пылающей коже.

— Ты точно хочешь узнать себя, Джейн? — сиплый шепот Росса раздается рядом с моим ухом и просачивается в меня, растворяется и течет по венам. Его шепот становится мною. — Может, то, что произошло, было знаком?

Я распахиваю глаза и непонимающе смотрю на Росса.

— Знаком, милая, — он поднимает мое лицо, держа за подбородок, — что тебе необходимы перемены.

Я не могу пошевелиться. Не могу спросить, что значат его слова, потому что вдруг лишаюсь голоса. Даже дышать не получается. Росс гладит меня по лицу, не прерывая зрительного контакта. С каждым мгновением его привлекательное лицо становится ближе к моему.

Дюйм за дюймом.

Вскоре между нашими губами почти ничего не остается.

Обворожительно голубые глаза поглощают все пространство вокруг, и я вижу только их. Они — самый настоящий океан, только тонуть в нем было не больно. Даже приятно.

— Какая ты? — Росс надавливает большим пальцем на подбородок, и моя нижняя губа немного опускается. Его глаза приковываются к моему рту, и это стремительно пробуждает во мне возбуждение, которое обжигающей волной проносится по телу, оставляя после себя сладкую истому. — Ты удивительная, Джейн.

Я облизываю губу, и Росс замечает это. Так что именно нас связывало?

Сейчас важнее то, что я готова взорваться от сексуального напряжения. Мне даже неизвестно, девственница ли я, но это неважно, потому что я готова прямо сейчас оседлать его.

Наличие таких мыслей характеризует меня с не очень хорошей стороны, но во всем виноват Росс и его сексуальность. Он пожирает меня взглядом, он ласкает меня. Друзья и знакомые так не смотрят друг на друга, верно? Получается, мы действительно были парой.

А это значит, что я могу поцеловать его?

И в этот момент я тянусь к его полураскрытым губам, захватив нижнюю зубами. Слегка. Ему не должно быть больно, но в его больших глазах я замечаю удивление. Он не ожидал этого?

Я осторожно терблЮ его рот, проникая в него своим языком. Он не возражает и позволяет мне чувствовать то, насколько он сладок и замечателен. Росс опускается на кресло, продолжая гладить ладонью мою щеку. Я неторопливо меняю положение своего тела и кладу руку на его грудь, сменяя воротник белоснежной рубашки.

Я слышу его стон, когда он пальцами зарывается в моих волосах. Мы не прекращаем целоваться, с каждой секундой становясь ближе друг к другу. Росс настойчив и чертовски страстен. Я хотела именно этого.

Не могу сдержать восторженный вздох, когда его вторая рука ложится на мою талию, притягивая к себе, но я направляю ее вверх, к своей груди. Я заставляю его пальцы сжать мягкую плоть, и мы оба стонем.

Жарко.

Еще жарче, чем прежде.

Росс кусает мою нижнюю губу, оттягивает ее, а после снова яростно проникает в мой рот.

Легкие нуждаются в новой порции кислорода, и я собираюсь отстраниться, чтобы сделать глубокий вдох, но Росс не позволяет мне сделать этого. Влажные звуки наших сплетенных языков невероятно возбуждаюсь, создавая внутри меня огненный шар. Шар, который собирается вырваться наружу в виде желания.

Я слишком сильно хочу Росса Картера.

Росс

Город за окном моего автомобиля — это не Чикаго, не Нью-Йорк, не Вашингтон и даже не Бостон. Нет... Знакомьтесь, Дайморт-Бич. Небольшой городок на северо-западе Алабамы. Он проносится передо мной со своими маленькими домами и красивыми садами, с величественными, таинственными лесами и бескрайними лугами. Он проносится перед глазами, напоминая обо всем, что я пережил и, как

бы намекая, что это не конец. Далеко не конец. Он проносится передо мной, пока я давлую на глаз, наблюдая за мелькающими улицами и редкими рынками, которые занимают несколько кварталов.

Город говорит мне, что не так прост, как кажется на первый взгляд. Но я никогда не ставил это под сомнение.

Разве Джейн могла оказаться здесь, когда имела все в Чикаго? Несмотря на их разногласия с матерью, ей просто не стоило приезжать в Дайморт-Бич. Несмотря на то, что мои чувства изменились к этой девушке, я по-прежнему считаю, что Джейн не место здесь.

Она поцеловала меня.

Джейн.

Сама.

Поцеловала.

Меня.

И мне понравилось. До такой степени, что я до сих пор не могу перестать вспоминать об этом.

Кажется, будто я оказался в параллельной вселенной, где все иначе. Мир перевернут вверх дном.

Стоит на секунду прикрыть глаза, и я тут же погружаюсь в безумие. Оно неминуемо затягивает меня в вязкую тьму, и приходится стиснуть зубы, чтобы сдержать рычание внутри себя.

Мое тело сходит с ума от Джейн Мортис.

От девушки, которую я терпеть не мог.

От девушки, которую я ненавидел всеми фибрами своей погрязшей в грехах души.

От девушки, которую хотел отправить на другой конец галактики, чтобы она не доставила нам с братом проблем.

Я презирал Эйдена за его чувства, а теперь и сам стал посмешищем. Я неоднократно клялся самому себе, что никогда ни в кого не влюблюсь. Я буду использовать, трахать и бросать, но не любить.

Однако этот идеальный жизненный план отправился коту под

хвост.

Я знаю, что уже не являюсь прежним.

То, что я чувствую к Джейн, сложно назвать любовью. Вожделением? Определенно. Притяжением? Да, черт подери! Симпатией? Девушка с такой шикарной внешностью не может не радовать мужской глаз.

Я до сих пор слышу вопросы, которые она задавала мне.

«Какие мы были с тобой, Росс?»

Мы больше не целовались. Только разговаривали. Но мне было очень сложно. Я был способен думать о том, каковы на вкус ее губы.

Какова на вкус сама Джейн? Ее кожа. Бархатистая, немного смуглая. Когда она улыбается, я хочу лечь рядом и просто смотреть на нее.

Дьявол!

Росс, прекрати!

Я выхожу из машины, ранее припарковавшись у нашего с Эйденom дома.

«Почему ты так смотришь на меня? В той жизни, до того, как я попала в аварию, мы были чем-то большим друг другу, чем друзья?»

Ее голос не собирается покидать мою голову.

Я так и не ответил ей. Не знал, что сказать. Не знал, как она отреагирует.

Я считал тебя своим заклятым врагом, Джейн. Мы ненавидели друг друга.

А теперь я ненавижу то, что это правда.

Дом встречает меня не особо радужно. Я с порога заявляю брату, что вернулся, но вместо него отзывается глухая тишина.

Не снимая ботинок, я иду по темному коридору и, минуя пустую гостиную, направляюсь к барной стойке. Моя рука автоматически тянется за бутылкой бурбона.

Я громко сглатываю. Наливая в слифтер алкоголь, вслушиваюсь в неровное и учащенное биение своего сердца. Я рад, что Эйденa не оказалось дома, потому что не представляю, как бы смотрел ему в

глаза. Он извелся за последние дни. Не мог найти себе места, не мог приблизиться к больнице, в которой находится Джейн, и на милую. Он боится. Неизвестности. Боится быть отвергнутым. Он понимает, что перестал быть для Джейн одним из важных людей в ее жизни, но не достаточно смел и силен, чтобы услышать это лично от нее. Чтобы взглянуть в ее глаза и увидеть в них равнодушие.

Он слишком сильно любит Джейн, и это уничтожает его.

Это может уничтожить и меня. Поэтому я должен быть более сообразительным, чем мой брат. Мне нужно держаться подальше от Джейн Мортис. Но как, скажите, я могу сделать это? Теперь, когда ступил на тропу лжи. Я хотел солгать Джейн, и я сказал то, что никогда не было действительностью. Я уворачивался от прямых ответов и ясно дал понять, что между нами что-то было. Вполне возможно, Джейн допустила мысль, что мы и раньше целовались.

Никогда прежде я не ощущал ничего подобного. Ни с одной девушкой. Даже с Анной, с которой спал больше, чем с кем-либо.

Никогда прежде я не предполагал, что могу возжелать быть с кем-то не из-за секса, а из-за того, что в сердце творится какая-то неразбериха. Но неразбериха, от которой сносит крышу и приятно щекочет в груди.

Это ненормально. Это убьет меня. Кто я, и кто Джейн.

Очень опасно.

Наши родители погибли из-за того, что решила полюбить друг друга и поставить это чувство выше правил, выше своего предназначения. Папа хотел спасти маму от смерти, когда пришло ее время, но в итоге они погибли оба, оставив нас с Эйденем одних. И мы были сами по себе все это время, зарабатывали деньги с помощью судьбы, которую имеем.

Это неминуемо.

Джейн не вписывается в твои планы, Росс. Приди в себя.

Я залпом выпиваю содержимое бокала и даже не морщусь от горького вкуса бурбона. Я плетусь к дивану и плюхаюсь на него, запрокинув голову. С верлю туманным взглядом идеально ровный, навесной потолок.

Мои пальцы находят на диване что-то холодное, маленькое и

гладкое.

Зажигалка.

Зажигалка Анны.

Я хмурюсь. Когда она была у меня в последний раз?

Когда я был дома в последний раз?

Вздыхая, я достаю телефон и набираю ее номер. Сам не знаю, чем это делаю. Похоже, уже выработалась привычка. Я звоню Анне каждый раз, когда мне дерьмово, и это, вроде как, эгоистично и подло с моей стороны...

Что это? Что только что было? Это... моя совесть?

У меня есть совесть?!

Черт бы побрал тебя, Джейн!

И какого хрена Анна не отвечает на мой звонок?!

Я сижу, прожевывая злость, несколько минут. Длинные гудки эхом проносятся по закоулкам моего сознания. Что за день сегодня? Громко фыркая, я откидываю телефон и вновь прислоняюсь к спинке дивана. Анна решила игнорировать меня? Или занята?

Невозможно.

Для Росса Картера она всегда свободна. В любое время дня и ночи. Не то чтобы я беспокоюсь о нескольких, безрезультатных попыток дозвониться до нее...

Может, действительно что-то случилось?

Но у меня не остается времени на размышления. На пейджер приходит сообщение о новом задании. Нужно забрать душу какого-то несчастного вора, ограбившего за свою никчемную, короткую жизнь несколько заправок и один магазинчик рыбацких принадлежностей.

За его душу предлагают всего сто баксов.

Негусто.

Но я отрываю свою задницу от дивана, хватаю со стойки пиджак и иду к выходу, чтобы сделать свою гребаную работу.

ПЯТНАДЦАТАЯ ГЛАВА

Анна

Когда мама нервничает, она начинает заниматься уборкой, доводя все до блеска с маниакальной одержимостью. Таким способом она пытается абстрагироваться от внешнего мира и побыть наедине со своим внутренним «я».

Вот как сейчас.

Прошел час, может, два после того, как я отправила Эйдена домой, перед этим взяв с него клятву, что он не расскажет о произошедшем в моем доме ни одной живой и мертвой душе. Эйден выглядел болезненно бледным, но он пообещал. Интуиция подсказывает мне, что сейчас парень заливает в себя высокоградусное, крепко успокоительное в каком-нибудь баре.

Я сижу в гостиной и с тревогой наблюдаю, как мама оттирает несуществующее пятнышко с полки книжного стеллажа пятаю минуту.

— Давай поговорим, — со вздохом начинаю я.

Сколько можно молчать? Пусть уже выговорится, накричит и отчитает меня, и все станет как раньше.

Она молчит, сердито глядя вниз, но больше не водит тряпкой по гладкой деревянной поверхности.

— Так и будешь игнорировать меня дальше? — я кривлюсь в гримасе.

Мама издает фыркающий звук и идет на кухню.

— Боже, — я закатываю глаза, поднимаюсь с дивана и нагоняю ее под невысокой аркой. — Хватит дуться.

— Ты — несносная девчонка! — она резко останавливается и оборачивается ко мне с сурово-возмущенным выражением лица. — Это кажется тебе веселым? То, что ты путаешься с демонами?!

— Эйден не опасен, — я опираюсь плечом о стену и скрещиваю руки на груди.

— Он — зло.

— Да ты вспомни его лица! — я усмехаюсь. — Эйден был чертовски напуган, когда ты швырнула его в стену. И вообще, — я добавляю своему тону серьезности, — кто учил меня быть вежливой с гостями?

Мама недовольно шипит ругательства сквозь стиснутые зубы и отходит от меня.

— Кажется, я и была вежлива. Пусть поблагодарит, что не убила его.

— Ты сама Доброта, — ворчу. — И я еще удивляюсь, что у тебя нет друзей?

— Если бы твоя бабушка была сейчас жива, она прочистила бы тебе мозги.

Я пожимаю плечами.

— Но она мертва.

Мама бросает на меня гневный взгляд. Ей не нравится, когда я напоминаю ей, что ее матери больше нет в живых. Мы с бабушкой ладили, конечно, просто мама держится за прошлое. И мне кажется, так будет всегда.

— Как насчет того, чтобы помочь мне с уборкой, Анна? — с недовольством подмечает она и проходит мимо меня, чтобы вернуться в гостиную. Я замечаю краем глаза, как она принимается протирать журнальный стол, хотя именно с него начинала уборку.

— Он чистый, — говорю я, не желая больше злить ее.

Дело же не в поддержании чистоты, в чем я не очень сильна. Дело в том, что она хочет контролировать мой круг общения, а я этого никогда не позволю. Я люблю маму, и она единственный человек в моей жизни, ради которого я была бы готова пожертвовать абсолютно всем.

Но мои друзья не должны ее касаться.

Мы с Эйдемом стали хорошими друзьями. И, несмотря на проблемы — неотъемлемую составляющую нашего существования — я не хочу портить отношения между нами. Возможно, однажды мы станем отличными друзьями.

Мои мысли переносятся к Джейн, и я ловлю себя на мысли, что

хочу провести ее, узнать, как она справляется со стрессом после аварии. Я, правда, беспокоюсь, и это неудивительно.

Черт!

Внезапно лестница перед глазами начинает плыть. Кажется, что она так близко, хотя я знаю, что мне нужно пройти к ней несколько шагов. Всего пару шагов... Я протягиваю руку, чтобы положить ее на перила для поддержки, но вместо этого падаю. И понимаю, что мне стало плохо, только когда мама подлетает с расспросами.

— Анна, детка! — ее побелевшее, вытянувшееся от шока лицо трюится в моих глазах, и я открываю рот, чтобы сказать, что все в порядке, но вместо слов с онемевших губ слетает хриплый, протяжный стон.

Мама помогает мне принять сидячее положение. Ее ледяная рука покоится на моей спине, поддерживая ватное тело.

— Я... сейчас буду в порядке, — говорить в полный голос не получается, поэтому я шепчу.

— Что с тобой происходит? Это впервые?

Нет. Такое уже случалось. Несколько раз.

Только вместе этого я киваю в подтверждение ее последнего вопроса.

Я прислоняюсь спиной к стене, которую мама совсем недавно выкрасила в яркий цвет.

— Нет, ты темнишь, — вглядываясь в мое лицо, убежденно произносит она. — Я это определенно могу почувствовать.

Ее руки сползают к моим плечам, она крепко хватается за них, но удерживается от того, чтобы встряхнуть меня. Но я вижу, как сильно ей хочется сделать это.

— Что с тобой, Анна? Господи, — мама громко ахает. — Боже мой... Что ты натворила?!

Ее глаза выдают неподдельное беспокойство. Они бегают в растерянности, хватка ослабевает, но это делает ситуацию хуже. Мама боится.

Дерьмо-о.

— Не считывай мои воспоминания, — я морщусь от головокружительной слабости. — Ты вторгаешься в мои мысли... прекрати...

Я запускаю пальцы в волосы и сгибаюсь пополам, чувствуя, как тошнота подступает к горлу.

— Я перестану делать это, если ты мне все расскажешь, — предупреждает мама.

Ее терпение на пределе.

Каким-то образом мне удастся поднять глаза на нее.

— Ладно. Хорошо. Я скажу. Только... пожалуйста, уйди из моей головы.

Тошнота отступает и чувство, будто в голове мне пытаются просверлить одновременно несколько тысяч дырок, притупляется, вскоре исчезая полностью.

— Ты ведь знаешь, что дочка мэра попала в автокатастрофу?

Мама коротко кивает.

— Она должна была умереть, — я затаиваю дыхание. — Но я предотвратила это. И что-то пошло не так.

Первые несколько секунд мама ничего не говорит в ответ. Поначалу я решаю, что она не расслышала, но когда открываю рот, чтобы повторить сказанное ранее, меня перебивает ее шокированный возглас:

— ЧТО ТЫ СДЕЛАЛА?!

— Ой, да боже, — я отталкиваюсь от стены и плетусь к дивану. Мне нужно прилечь. Я сделала благое дело. Почему ты кричишь?

— Ты действительно не понимаешь, Анна?! — я вздрагиваю, когда слышу в дрожащем, повысившемся на целую октаву голосе слезы.

Я сажусь на диван и облегченно вздыхаю, желая только, чтобы это чувство ушло поскорее. Как будто мое тело мне не принадлежит. Как же паршиво!

— Ты просто... ты все испортила! — с беззащитностью восклицает она, подходя ближе. Мама прикладывает одну ладонь ко

рту, глядя в пустоту. Боже мой, что мы будем делать теперь... с этим?

Она словно общается сама с собой, полностью погрузившись в свои панические размышления. Но это не на шутку пугает меня.

— С чем? — я говорю громче положенного, потому что становится действительно страшно.

— С этим! — с такой же интонацией отвечает она, взглянув на меня со злостью. — С этим, Анна!

— Да. Теперь все предельно ясно.

— Ты не должна была лезть в это. Кто вообще дал тебе право вмешиваться в чужую судьбу и что-то менять? Ты осознаешь последствия своего, без малейшего преувеличения, идиотского поступка? Помимо нарушения баланса между жизнью и смертью ты повлекла крупные неприятности на наш город.

— При чем здесь Дайморт-Бич?

— Притом, — ее голос становится пронзительно холодным, — что в пределах этого города запрещено использовать черную магию. Но ты прибегла к ней, чтобы спасти Джейн Мортис.

Я выжидаю долгую паузу, переваривая то, что она сказала.

— Я не знала, что заклинание, которое использовала, было из разряда черной магии...

— Вот поэтому, — мама резко поднимает указательный палец вверх, прикрикивая, — я безудержно говорю тебе стать ответственным. Наша сила — не шутка. Но она с легкостью обратится в орудие убийства и масштабные беды в неумелых руках. Ты должна была посоветоваться со мной прежде, чем геройствовать.

Яжимаю губы, но не выдаю своего виноватого вида.

— Темные силы, заключенные в столь опасные ритуалы, влекут разрушительные последствия, — тон ее голоса становится ровным, но мама по-прежнему не смотрит на меня, размеряя гостиную большими резкими шагами. — Они уничтожают защиту, которую наш город столетиями поддерживают ценой собственных жизней!

Опустив глаза, пытаюсь размышлять рационально, пока мама продолжает говорить и говорить, какую ошибку я совершила. Да-да. Я уже прекрасно поняла, как серьезно оплошала. Нужно собраться.

Если я стала причиной разрушения хреновой защиты, тогда хреновы мои дела.

Я вновь вздыхаю, но в этот раз от накатывающего раздражения.

— Пожалуйста, перестань кричать! — прошу я громко, чтобы мама услышала меня. — Я все понимаю!

Мама останавливает свое словесное недержание, внимательно глядя в мое лицо. Она издает странный смешок, прижав руку к груди.

— Что, прости? — она издевательски посмеивается над моими словами. — Понимаешь? ты понимаешь?! — приближается ко мне. — Ты ни черта не понимаешь, Анна! Потому что, будь в твоей голове хоть капля разумности и понимания, ты бы сейчас не смотрела на меня, как на ненормальную.

Я мотаю головой, мечтая быстрее выбраться из дома. Это невыносимо. Она не умеет решать проблемы и входить в положение вещей.

— Мне просто плохо... — потом я вскидываю ладонь. — А знаешь, забудь. Какое тебе до этого дела, мама, правда?

Я пытаюсь встать с дивана, и у меня получается, но голова все еще немного кружится. Дьявол! Похоже, заклинание, с помощью которого я не дала Джейн умереть, навредило и мне тоже.

— Хорошо, хорошо. давай успокоимся. Я твоя мать. Я должна наставлять тебя на правильный путь. Я должна делать все возможное, чтобы ты была счастлива... в безопасности. И пусть мои методы предостеречь свою единственную, глупую дочь кажутся тебе жестокими... — она резко замолкает, шумно втягивая в легкие воздух. Ее плечи расправляются. Мама слегка приподнимает подбородок, не сводя с меня безжалостного взгляда. — Прекращай быть ребенком, Анна. Твоя наивность не знает границ. Ты позоришь семью Гарнер своим пренебрежением к опасности, которая пляшет у тебя под носом и дразнится. Позоришь своей легкомысленностью к демонам. Опомнись, наконец! — прошипев то, мама наклоняется к моему лицу. Она берт мой подбородок и устремляет свои глубокие, пустые глаза мне в душу. — Обрывай все связи с Картерами, и в первую очередь это касается Росса! Если ты ничего не предпримешь в ближайшее время, я сделаю это за тебя. Клянусь. И мои методы тебе не понравятся.

Я киваю несколько раз, цепляя из бесконечно долгой тирады всего лишь одно имя.

— Росс? — переспрашиваю я. — Кто такой Росс?

ЭЙДЕН

В который раз я убеждаюсь, что мир — идеальная площадка для безумств.

Я до сих пор не могу прийти в себя после того, как мать Анны отфутболила меня. Я до сих пор не могу поверить, что Анна — ведьма. Вся ее семья была предана магии, как и магия была предана им.

Магия — как чеснок для демонов.

Должен лично отдать семье Гарнер и Анне должное, ведь она мастерски маскировалась под обычную девчонку, обожаю рок, гранж-стиль и моего брата.

Но я не могу не злиться на нее. Я сейчас вообще не в том состоянии, чтобы воспринимать все спокойно, тем более, такие серьезные вещи. Если бы хоть кто-то предупредил меня, что я окажусь в подобном дерьме, я сделал бы... ну что-нибудь да сделал, предпринял меры, чтобы защитить Джейн от такой ужасной участи.

Она попала в аварию. Ее подруга мертва. А сама Джейн потеряла память.

И она не помнит меня.

Совсем.

Я — никто для нее.

Я не могу так. Это самое болезненное, что когда-либо было в моей паршивой жизни.

Но оставлять это так, как есть... Картеры никогда не мирятся с поражением. Мы делаем возможное и невозможное — насколько это может быть возможным — чтобы добиться своего, или исправить косяки, которые часто совершаем (особенно Росс).

И я не собираюсь отступать.

Я сделаю так, чтобы Джейн вспомнила меня.

И поскольку Анне удалось буквально вытащить ее с того света, она может вернуть Джейн память.

Анна стоит возле своего шкафчика. Она быстро перебирает учебники. Кое-какие вещи закидывает в рюкзак, а что-то оставляет в шкафчике, после захлопывает дверцу и собирается направиться на занятия. Наверное. Я слежу за ней с самого входа в колледж. И теперь настало время поболтать.

Душевно.

— Хэй, Анна! — кричу я, быстро передвигаясь в ее сторону.

Несколько студентов поворачивают головы, чтобы взглянуть на меня. Но Анне это не нужно, она прекрасно знает, кто окликает ее. Несколько секунд она стоит на месте, будто оцепеневшая. А потом случается то, чего я не ожидал. Анна бросается бежать.

Черт тебя возьми, дрянная девчонка!

Я пытаюсь догнать ее, пока она стремглав набирает скорость и проносится через аудитории по коридору.

— Да остановись же ты! — я успеваю схватить ее за край рукава и оттянуть ткань трикотажной черной кофты.

— Осторожнее, — Анна оборачивается и одаривает меня испепеляющим взглядом. — Она стоит девяносто баксов.

— Тогда не убегай от меня, — я дразню ее без тени улыбки на лице и вновь дергаю за рукав.

— Не боишься, что я надеру тебе зад? — рывкает она, пока я тащу ее за угол.

— Не-а.

— А зря.

Мы останавливаемся, и я поворачиваюсь к ней лицом.

— Помоги мне вернуть память Джейн.

Я дышу часто и сбивчиво, как Анна.

— Это невозможно, — отрезает она.

— Что, черт возьми, это значит? — я бью ладонью по стене рядом с ее лицом.

— Я не могу, — говорит она чуть мягче. — Понимаешь? Не могу. Мне не стоило спасать ее. Ты не представляешь, в какой заднице я оказалась из-за этого. Жалею ли я? Да. Теперь я чувствую за собой вину.

— Погоди-погоди, — я пытаюсь остановить ее, и Анна замолкает. — Мне нужна твоя помощь. Слышишь? Ты должна помочь мне, — я хватаю ее за плечи, но она пытается бороться со мной. — Мне нужна моя Джейн. Та, которая помнит меня!

Блондинка вырывается. Она отталкивает меня, и я чуть ли не падаю. Боже, как она могла скрывать все это время столько сил в себе?

— Что, если теперь есть только такая Джейн? — говорит девушка с каменным взглядом. Что тогда, Эйден? Такая она тебе не нужна?

Ее вопрос ставит меня в тупик, но я не затягиваю с ответом.

— Она дышит благодаря тебе, поэтому... — мне вдруг становится тяжело говорить, словно я проглатываю кусок раскаленного железа. — Спасибо, что спасла ее. Но, умоляю, помоги.

Черт. Если Анна хочет, чтобы я встал перед ней на колени, я сделаю это! Плевать на гордость. Я сделаю все, чтобы она вернула прежнюю Джейн.

— Если бы это было так просто, — Анна вздыхает, закатывая глаза. — Память — это душа человека. Я помогла излечиться телу Джейн, но видимо с душой это не прокатило. Не знаю, как тебе объяснить.

— Ты хочешь сказать, что ее душа умерла?

— Вряд ли. Но она явно не с Джейн.

— Не понимаю... — я чувствую, как стремительно пустею изнутри.

— Прости, Эйден. Но здесь я бессильна. Мне едва хватило сил, чтобы не дать погибнуть ее телу, и не имеет смысла вести речь о возвращении души.

Я медленно закрываю глаза.

— Мне очень жаль, Эйден, — шепчет она, после чего я слышу ее отдаляющиеся шаги.

В Дайморт-Бич поздняя ночь, и в городской больнице все спят. Дежурные медсестры увлеченно разговаривают за регистрационной стойкой, даже не замечая меня. Я без труда проскальзываю мимо них. Единственная, кто попадается мне на пути, пока я спешу в тринадцатую палату, является пожилая женщина, застывшая в недоуменном ступоре у кофейного аппарата. Я улыбаюсь ей и скрываюсь за дверьми в другой части коридора, где освещение настолько сильное, что режет глаза.

Тринадцатая палата.

Свернув налево, я нахожу нужную дверь и... да, — спасибо, господи, — коридор пуст. Я медленно поворачиваю ручку двери. Нервно сглатываю слюну и вхожу в комнату, почти лишенную света, если не считать луны, которая бросает свои лучи сюда сквозь полупрозрачные шторы. Лучи единственного спутника Земли проделали огромный путь, чтобы мягко лечь на лицо Джейн Мортис, моей возлюбленной.

В голову тут же приходит песня Led Zeppelin «Stairway to Heaven». Когда я жил в Чикаго, мы с Джейн часто слушали ее, напевая слова композиции.

Я подхожу ближе, не переставая смотреть на прекрасное, безмятежное лицо с утонченными нежными чертами, на закрытые веки и маленький аккуратный нос, на пухлые губы, которые жадно целовали меня когда-то.

Джейн, я так люблю тебя.

Я улыбаюсь и осторожно присаживаюсь в кресло, скромно притаившееся в углу палаты. И смотрю на Джейн. Жаль, что я не могу разделить с ней ее сон. Наверняка, он светлый, лишенный сумасшествия, в котором мы погрязли.

— Мы будем вместе, Джейн, — шепчу едва слышно. — Обещаю.

Я верну тебя.

Вдруг он начинает ворочаться.

— Росс...

Это имя разжигает во мне пламя гнева.

— Росс. Росс.

РОСС

В темном баре на Лайт-стрит, как и всегда, полно народа в пятницу вечером. Я очень устал сегодня и хотел расслабиться, но каждое заведение в этом крохотном городишке сегодня забито под завалку. Так что мне просто приходится смириться с неизбежностью. Но к счастью, барменша Моника, которую я трахнул несколько дней назад в туалете, составляет мне компанию. Знаю, она против секса со мной еще раз, но, по крайней мере, мне нравится, что девушка не против флирта.

— Ла-а-адно, — протягивает она кокетливо, поигрывая с кончиками своих темных волос. — Расскажи мне еще что-нибудь о своей жизни.

Я развожу руками в некотором недоумении.

— Честное слово, я не понимаю, что ты хочешь услышать от меня. Я живу реально скучной жизнью, — фыркаю я, прежде чем отпить из своего стакана еще немного виски. Поморщившись, продолжаю: — И, знаешь, тебе очень повезло, что Эйден Картер не является твоим младшим братом-недоумком!

Моника односторонне и с грустью улыбается, кладет локти на стойку и наклоняется.

— Вообще-то, — почти таинственно шепчет сексуальная барменша, — у меня есть брат. И он против того, чтобы я работала здесь. Питер запретил мне переезжать сюда, но я послушалась его, и... — Моника всплескивает руками, улыбается шире. Не понимаю, чему она радуется. — Я в Дайморт-Бич!

Я изгибаю бровь и бормочу, приближая стакан ко рту:

— Да уж. Ужасный город.

— Неправда. Чем это для тебя определяется? Количеством полученных на работе денег?

Я немного разоткровенничался с красоткой, рассказав, что не очень-то доволен своей зарплатой, но, разумеется, она и не догадывается, чем я занимаюсь. И никогда не узнает. А, если быть совсем точным, то это уже, наверное, не имеет значения, поскольку я больше не являюсь Ангелом Смерти. Ни я, ни Эйден. В этом городе из-за какой-то непонятной хрени у нас больше нет работы. Внеплановый отпуск. Ха-ха.

Может, Монике придется подвинуться, чтобы я встал рядом? Буду улыбаться посетительницам и зарабатывать чаевые.

— Прекрати-и, — протяжно стону я в отчаянии. Не хочу слушать эти глупости. — Мне только не хватало философии от барменши под конец этого треклятого дня!

— Ты не любишь этот мир, — качнув головой, выносит вердикт девчонка.

Я делаю гримасу отвращения.

— У меня есть на то причины.

— Малыш, тебе не идет быть пессимистом, — Моника начинает протирать бокалы.

— Ага.

А что я должен делать? Забраться на радугу, потому что мы с Эйдемом стремительно несемся в глубь беспросветной задницы?

— Оу, надо же, кто пришел, — изумленный голос брюнетки возвращает меня из размышлений.

Я поднимаю голову от плещущегося в моем стакане виски, чтобы проследить за взглядом Моники. Ее глаза фокусируются на ком-то, я оборачиваюсь через плечо.

Да-да.

Я не ожидал увидеть здесь девушку со светлыми волосами в обтягивающих джинсах, но она идет к бару и присаживается за стойку, даже не посмотрев на меня. Хм. Что это значит? Анна обиделась на меня?

Моника бросает в мою сторону многозначительный взгляд. Она открывает рот, но говорить начинает не сразу.

— У вас что, разлад?

Я ничего не отвечаю, продолжая сверлить дыру в виске Анны, потому что она сидит ко мне боком и не собирается, по всей видимости, здороваться. Блондинка подзывает Моника и заказывает ей напиток.

Ладно. Я все-таки мужчина. Это моя обязанность — делать первый шаг. Нас с Анной разделяет один пустой барный стул, и поэтому я занимаю его, сокращая расстояние между нами. Кладу один локоть на стойку, разглядывая лицо девушки, не сильно накрашенное, от того и более привлекательное.

— Пытаешься сказать мне, что я полный говнюк? — спрашиваю, усмехаясь. — Хорошо, я понял.

Моника подает Анне напиток, и, приняв в ладонь стакан джина, она хмурится, посмотрев на меня.

О, Боже! Я заслужил такой чести с ее стороны!

Следующее, что она произносит, слегка выбивает меня из колеи. Всего на минуту.

— Простите?

Что?

Простите? Это все, что она говорит мне после того, когда мы не виделись несколько дней? Вау. Анна игнорировала мои звонки, и это чертовски бесило. Я переступил через свое эго двадцать шесть раз за девяносто семь часов.

Ух-ты. Просто немыслимо.

Я сиплю смеюсь в голос.

— Этой прикол такой? Хорошо. Допустим, мне нравится.

— О чем вы? — Анна сводит брови вместе. — Мы знакомы?

— Ха-ха... — я перестаю улыбаться, становясь серьезным. — Уже не смешно.

— Похоже, что я смеюсь? — отвернувшись от меня, девушка отпивает джин.

Я не могу перестать пялиться на нее, потому что она однозначно меня разыгрывает.

Я раздраженно разворачиваюсь к ней всем туловищем, сокращая расстояние между нашими стульями, и наклоняюсь к утомленному тонкоскулому лицу блондинки.

— Знаешь, Анна, я совершенно не в духе, чтобы играть в твои дурацкие игры, — это сказано немного грубо, да? Но, черт возьми, эта девчонка не вовремя что-то затеяла.

Она отвечает мне с тем же нескрываемым неудовольствием.

— Знаешь, незнакомый парень, я тоже совсем не в духе, чтобы разгадывать твои шарады! Так что отвали, окей? Ты обозначился.

А вот это уже в стиле Анны.

— Ты принимала наркотики, или что-то вроде того? — я наклоняюсь к ней еще ближе, между нашими носами остается буквально несколько миллиметров.

Анна открывает рот в беззвучном: «Ооо» и толкает меня в плечо. Я почти падаю с барного стула, но в последний момент успеваю схватиться за край стойки.

— Ты что себе позволяешь, придурок? — звереет блондинка.

У нее явно очень плохое настроение.

— Я не принимаю колеса. Идиот.

— Слишком много оскорблений для одной минуты, не находишь? — я пытаюсь отшутиться, присаживаясь обратно.

В ее взгляде слишком много презрения. Ни нотки хамства, ни издевательской интонации, которую она так любит.

— У тебя хреновая тактика подкатов, знаешь?

Ого. Даже так.

— Интересно, — опираясь локтем о стойку, я растягиваю губы в дразнящей улыбке. — Раньше тебя все устраивало.

— Послушайте, мистер...

Я обрываю ее громким смешком.

— Мистер?

— Послушайте, мистер Самодовольный Кретин, — сжимая руки в кулаки, Анна делает глубокий вдох с гневным выражением. — Я понятия не имею, откуда вам известно мое имя. Но, клянусь, если еще хоть раз ты попытаешься не так оригинально подкатить, то огребешь проблем по самое не хочу. Надеюсь, я понятно изъясняюсь?

Я не успеваю и рта раскрыть. Анна соскакивает со стула и, бросая десятку баксов за джин, уходит.

ШЕСТНАДЦАТАЯ ГЛАВА

Джейн

До аварии у меня была бурная личная жизнь... Кажется.

Вторую ночь подряд, как только мои веки наливаются свинцом и тяжелым занавесом обрушиваются на глаза, я вижу что-то из ряда вон выходящее. В хорошем смысле, я имею в виду.

Эротические сны настолько детальны и ярки, что у меня сразу отпали всякие сомнения. Это мои воспоминания. Насыщенные обилием пестрых, незабываемых ощущений, пронизывающие мою плоть. Просыпаясь, я чувствую себя утомленной и довольной, чувствую желание ощутить увиденное вновь.

И мне так жаль, что это всего лишь сны.

Сны, в которых мое тело динамично двигается в унисон с телом Росса.

Я что-то к нему чувствую и не могу совладать с собой. Такое странное ощущение, как будто он всегда нравился мне. Но я даже не помню, когда именно это произошло: когда я увидела его, когда мы впервые поцеловались (кроме того поцелуя, который произошел пару дней назад здесь). Черт, это была моя инициатива! А что, если Росс не разделяет моих чувств? Что, если ему плевать на меня? Это вполне реально.

Ноги почему-то дрожат, я откидываю одеяло, чтобы подняться, но, несмотря на то, что я ощущаю себя хорошо, мне трудно вставать. Еле дохожу до двери в ванную комнату, которой оснащена эта

палата. Дергаю выключатель вверх, и свет еще несколько секунд моргает, прежде чем включиться основательно. Это мое отражение. Это я.

Меня зовут Джейн Мортис. И я люблю Росса Картера.

Я подхожу к умывальнику и включаю воду. Подставляю ладонь под напор и блаженно закрываю глаза. Вода холодная, она гасит зуд, который минуту назад казался мне не угасающим пламенем. Я делаю глубокий вдох и наклоняюсь, чтобы умыться.

В мыслях царит хаос.

Нет. Не только в мыслях.

Вглядываясь в свое отражение, я наблюдаю, как капли воды стекают по лицу. Щеки окрасил ярко-алый румянец, я прикладываю к ним руки и чувствую неистовый жар под пальцами.

Влага мгновенно испаряется на губах. Вот где сосредоточена сила пламени.

Я провожу пальцами по губам, и колени мгновенно подкашиваются. Это просто невыносимо, но в голове вспыхивают обрывки сна, словно я вспоминаю его по кусочкам. Росс наклоняется, чтобы облизнуть мой сосок, он проделывает то же самое с другой грудью. Мне приходится схватиться за раковину, поскольку я чуть было не упала.

Это было в действительности или это, правда, просто сон? Мы занимались сексом с Россом?

Я снова закрываю глаза и вижу перед собой большое окно — от потолка до пола. На мгновение оно занимает все поле моего зрения, но стремительно уменьшается. Сквозь него в просторную гостиную с белыми стенами и черной мебелью прорывается ослепительный дневной свет. Солнца нет, и я отдаленно слышу барабанную дробь дождя. Но звук становится совсем глухим, его поглощают хриплые гортанные стоны. От них меня бросает в лихорадочный жар. Я впиваюсь ногтями в широкие мускулистые плечи и плавно двигаюсь навстречу упругим мужским бедрам.

Это Росс.

Мы занимаемся любовью на кухонной стойке. Я в белой расстегнутой рубашке, в которой тону, потому что вещь велика.

Это его рубашка?

Пахнет великолепно. Выраженный, строгий запах, но не навязчивый и легкий с ароматом розы и пряной корицы.

Одурманенная экстазом, я ощущаю приближение фееричного оргазма и молю Росса ускориться.

Наши губы сливаются в поцелуе. Он придерживает рукой мой затылок, грубо властвуя у меня во рту. Я не слышу, что он шепчет мне между ласками, но что-то однозначно произносит.

— Росс.

Это сказала я? Распахнув глаза, я вглядываюсь в свое отражение, вновь касаюсь пальцами губ, не поверив, что назвала его имя. Я точно знаю, что не слышала своего голоса в реальности. Это словно было голосом моего подсознания, прозвучавшим где-то очень далеко.

Откуда эти эпизоды в моей голове? Почему я вижу это? И почему еле стою на ногах? Как же ужасно ничего не помнить!

В дверь стучат. По-настоящему? Все стало расплываться. Не только перед глазами, но и соображаю я плохо.

Еще раз кто-то постучал. Прочистив горло, я выглядываю из ванной и довольно громко говорю, прислушиваясь:

— Да?

Ручка ползет вниз. Когда больничная дверь открывается, я вижу на пороге палаты старшую медсестру с алюминиевым подносом в руках.

— Думала, может, вы раздеты, мисс, — объясняется с улыбкой женщина, волосы у которой собраны на макушке. — Не хотела вас смущать.

Я лишь киваю. У меня не выходит улыбнуться ей в ответ или же сказать что-нибудь приветливое. Я хожу с трудом, боясь упасть, потому что в моей голове звучат какие-то голоса, и время от времени картинки складываются одна в другую, создавая для меня настоящий хаос из... чего? Это была моя жизнь?

— Пора принимать лекарства, — буквально пропевает медсестра, ставя поднос на прикроватную светлую тумбу. —

Надеюсь, вам уже лучше? — интересуется она с добротой в глазах.

Я даже не знаю ее имени. Не хватает сил, чтобы прочитать слова на бейдж. Я ее не видела здесь раньше. Наверное, только вступила в свою смену.

— Спасибо, — единственное, что удастся мне сказать.

А потом я сажусь на свою койку и принимаю от милой женщины стакан воды и таблетки.

Э йден

Курьер с личным автомобилем. Хм. Механик. Механик... Механик... Черт, я потерял объявление! Где оно? Только что же я его видел. Хватаю маркер и обвожу им еще одно заинтересовавшее объявление, чтобы не потерять в этот раз, а затем продолжаю искать глазами то, которое упустил.

Механик... Механик...

С маркером во рту и газетой в руках двигаюсь в сторону холодильника. На ощупь достаю из него пластиковую канистру с молоком, со стеклянной полки забираю длинный стакан, наливаю в него напиток, ни капли не разлив.

Интересно, а это хороший навык в поиске работы?

Я до сих пор не могу поверить, что пока наше начальство разбирается с происшествием, лишившее меня и Росса денег, придется действительно проходить собеседования! А Росс? Он станет делать это? Я не уверен, что он не захочет заехать по роже какому-нибудь самовлюбленному потенциальному боссу.

— Кончай маяться херней, братишка, — зевающий Росс выползает из своей спальни. Он выглядит потрепанным. Только проснулся? Стрелки часов переваливают за два часа дня.

Просто... без комментариев.

Стиснув челюсти, я игнорирую его и возвращаюсь к длинному кожаному дивану, где оставил телефон. Механик — звучит неплохо. Тем более я действительно неплохо разбираюсь в машинах.

— Может, тебе тоже стоит поискать какую-нибудь подработку, чтобы пополнить семейный бюджет? — бурчу я, набирая нужный номер.

Краем глаза я замечаю, как Росс саркастично изгибает бровь.

— Ты это мне? Другую работу? Типа... ох, нет. Нет, нет. Забудь, — он отворачивается к окну, потягиваясь. — Родители сделали меня таким сногшибательным не для того, чтобы я пахал в поте лица на какой-нибудь ферме, или в поле.

Чертов ублюдок.

— Или в офисе, — подсказываю я, слушая гудки на том конце провода. Они нескончаемые.

— Ты ведь не зря учился в колледже. Или твой диплом тебе не пригодится?

Росс вновь зевает, после чего наставляет на меня указательный палец:

— Я тебе больше скажу, зубрила, уверен, что и тебе тоже диплом не понадобится-я-я, — протягивает он таким тоном, что у любого возникло бы желание ударить этот паршивца.

Это официальное заявление: меня бесит родной брат!

— Ладно. Хрен с тобой.

— Эй, знаешь, я вчера виделся с Анной...

Телефон замирает в моей ладони. К горлу подкатывает огромный ком паники, которая мгновенно погружает мое тело в зыбкое оцепенение. Я впадаю в ступор от одного лишь упоминания об этом имени.

— Она, кажется, сошла с ума. Ну, или играет со мной. Не знаю, — Росс кривит лицо и потирает рукой отросшую за ночь щетину. — Затеяла какую-то ролевою игру?

Он замолкает, я тоже молчу.

— Эй, ты меня слышишь?

Я поднимаю голову, чтобы взглянуть на брата, он присаживается на край белой софы, смотря на меня, как будто, ожидая объяснений. Нахмурившись, я размышляю над словами Росса.

— В каком смысле, затеяла ролевую игру?

Тот скалится, пожимая плечами, и потом разводит руки в стороны.

— Без понятия ! Она была абсолютно нормальной, ей не нужны были обязательства, клятва верности и кольцо на безымянном пальце, а сейчас, — кулаком Росс мнет ткань дивана, — ее, что, стали не устраивать наши встречи?

Брат издает смешок, зарываясь пятерней в волосы.

— Может, это такая женская тактика, не знаешь? — говорит он, поглядывая на меня и жестикулируя свободной рукой. — Не помнишь, когда-нибудь девушка притворялась, что не помнит тебя?

Но в следующую минуту Росс хохочет над тем, что произнес и встает на ноги.

— Ой, прости, я забыл, что ты совсем недавно потерял девственность.

Мне не до его тупых подколов. Я удручен. Очень сильно. Какого хрена значит, что Анна не помнит его? Делает ли вид, что не помнит?

Ладно. Плевать. Пусть разбираются сами.

— Анна... больше ничего тебе не говорила? — как бы невзначай роняю я, прочищая горло.

Росс сверлит меня неподвижным взглядом.

— Ты что-то знаешь, да?

— Что? — фыркаю я.

— Никто не говорил тебе, что ты самый паршивый лгун во всем мире? Семь с половиной миллиардов людей в совокупности сочиняют сказки лучше, чем ты. Твоя ложь на уровне младенца, но я сомневаюсь, что...

— Заткнись, — я закатываю глаза, прерывая его. — Я понял. Пошел ты, ясно?

— А знаешь, что? — вальяжной походкой Росс идет к холодильнику. — Мне плевать на Анну. Если она хочет строить из себя склеротика, то это только ее выбор. Я не буду пытаться вновь подкатить к ней.

Брат берет сок с полки под морозильной камерой, выливая остатки в уже подготовленный заранее стакан.

Росс приближает его к губам и говорит не особо громко:

— Дурочка просто лишила себя классного секса.

Осушив стакан залпом, он со стуком ставит его на столешницу и удаляется в свою спальню. Притворяется, что ему все равно, но он зол. Ведь думает, что Анна бросил его, а это уже выходит за рамки установленных им правил. Никто не имеет права рвать отношения Россом Картером и бла-бла-бла...

Всего лишь придурок. Ничего больше.

Д жейн

«Пятое октября. Пятница.

Прошло три дня со дня, когда меня выписали из больницы. Я нахожусь дома и чувствую себя отлично.

Ну, по правде говоря, это не так, потому что сидеть сутками напролет в четырех стенах своей ПЕРСИКОВОЙ комнаты полный отстой. Возможно, если бы все здесь не было в этом отвратительном цвете, мой второй этап восстановительного процесса после аварии прошел бы куда сноснее... Но я задыхаюсь ».

Я щелкаю ручкой, читая то, что только что написала.

Мистер Шейн — мой лечащий психотерапевт — посоветовал вести что-то вроде личного дневника. По его словам, это отличное упражнение для памяти, а так же поможет мне в концентрации собственных мыслей.

Сегодняшняя запись — третья по счету, но это кажется мне глупым. Не знаю, делала ли я что-то подобное до того, как потеряла память. Если да, то нравилось ли мне это? Потому что сейчас это кажется немного нелепым.

Мистер Шейн так же настоял на том, чтобы я записывала свои сны. Это... стало для меня слегка проблематичным заданием. Во-первых, все, что я записываю, непосредственно попадает в руки моему психотерапевту. Во-вторых, — и это главная причина, — все

сны, которые я вижу, включают в себя меня, Росса и умопомрачительный секс.

Поэтому я сказала мистеру Шейну, что не вижу снов.

Вообще. Никаких снов. Никаких розовых пони, сладких единорогов. Совсем ничего.

Конечно, доктор отнесся достаточно скептически к такому моему заявлению. Попросту говоря, я сомневаюсь, что он поверил мне.

Наши беседы сводятся к тому, что он заставляет вспоминать то, что я вспомнить не в силах. Я не знаю, какой силы был удар, но из головы словно все вытрясли, запихнув в нее странные образы и представления, связанные с одним человеком. И я никак не могу перестать думать о нем.

Наверное, нужно это сделать.

А на чем тогда сконцентрироваться? На том, что я осталась жива, а другая девчонка отправилась на тот свет? Мы не должны были быть на этой вечеринке. Мы все. Мы должны были сидеть дома, смотреть какую-нибудь жуткую французскую комедию и поедать мороженое. Тогда бы никто не погиб. Она, возможно, прожила бы долгую жизнь. Сколько людей умерло из-за проклятых вечеринок?

Я захлопываю блокнот в кожаном переплете и растягиваюсь поперек кровати. Красочные сны просачиваются в сознание, заполняя его.

Все, что есть в моей жизни «после » от Росса — поцелуй в больнице. Но с тех пор прошло много времени, и я начинаю ловить себя на мысли, что выдумала его. И сновидения с участием Росса — лишь часть игры моего бурно разыгравшегося воображения.

Скучаю ли я?

Да. Да. Я скучаю. Я очень хочу увидеть темноволосого красавца и поговорить с ним. У меня накопилось столько вопросов!

У меня так же есть много чего, что я хочу сказать ему, однако я просто обязана воздержаться, иначе спугну его. Я даже не знаю, какой он человек. Вдруг жуткий бабник? Или гей?.. Господи! Я поцеловала его! А вдруг он гей?! Ведь никто мне не сможет сказать с абсолютной точностью, что сцены секса в моем подсознании были

когда-то реальны? Это просто мои выдумки... Возможно. Но если я полюбила его однажды, значит, у нас что-то было. Логично? Нет. У многих девочек есть чувства к парням, с которыми те даже не целовались.

Так что мне в каком-то смысле даже повезло.

Папа без стука открывает дверь в мою комнату, его голова показывается в проеме.

— Детка, привет, — с теплотой здоровается он.

Беспокоится за меня целый день. Я растягиваю губы в притворной улыбке.

— Привет. Все хорошо, не переживай за меня.

Он заходит в спальню, уже оделся в официальный костюм — рабочий дресс-код.

— Ты же знаешь, что это невозможно, — комментирует папа, засунув ладони в карманы своих брюк.

— Мне бы хотелось, — отвечаю я, устраиваясь на боку.

— Ты должна больше отдыхать.

— Папа...

— Пожалуйста, старайся больше лежать, а лучше поспи.

— Ну, пап...

Он вздыхает, кивнув головой.

— Знаю, что я тебе уже надоел.

Его слова заставляют меня улыбнуться шире.

— Нет, ни в коем случае. Просто тебе стоит уйти на работу, а мне — заняться своими делами.

— Которые не подразумевают выход из дома, так ведь?

— Да, верно, — я киваю.

Он мнетя какое-то время, неуверенно оглядывая мою комнату, словно никогда прежде не заходил сюда, и в конце, когда его грустный взгляд впалых глаз возвращается к моему лицу, шумно вздыхает.

— Я знаю, что ты хочешь вернуться к прежней жизни как можно скорее, но, прошу тебя, прояви терпение. Ты чудом выжила в таком ужасе происшествии, и... — он глотает, опуская голову. Делает глубокий вдох. — Твое лечение должно закончиться успехом.

Я безрадостно соглашаюсь с ним.

— Я понимаю.

— Это хорошо, малышка. Я рад, — папа натягивает на лицо улыбку. — Сегодня я завезу документы о прошении академического отпуска в колледж.

Мое настроение окончательно падает к нулю.

— Да.

Чувствую себя отвратительно. От нахлынувшего стыда к моим щекам приливает кровь, и я открываю рот, задыхаясь от удушающей безвыходности.

Целый год... Я пропущу целый год. Когда как все мои ровесники станут второкурсниками, я по-прежнему буду в самом начале бесконечно долгого пути.

Отец целует меня в лоб, касаясь рукой спины, прощается и уходит, оставляя меня с моими взволнованными мыслями наедине. Я сокрушаюсь над тем, что теперь мне придется пережить. Авария — это не все. Что хуже — восстановительный этап. Воспоминания, по отзывам врачей, будут возвращаться постепенно, я только надеюсь, что мне не придется слишком долго ждать.

Погоревать, как следует, над своей несчастной судьбой у меня не получается, потому как в дверь звонят. И первое, о чем я думаю, вставая с постели, — это то, что, возможно, пришел Росс. Воодушевившись этой идеей, я практически лечу по лестнице вниз, не ощущая особой боли в теле, которая не покидала меня несколько дней.

Но, к сожалению, на пороге стоит не Росс, когда я открываю. Блин. Это Синтия. И она выглядит хреново. Вместо приветствия девушка говорит то, что папа не одобрил бы:

— Не хочешь выпить?

Я не успеваю заметить, как сумерки поглощают Дайморт-Бич. Ведь совсем недавно было утро... или все-таки давно?

Синтия привела меня к трибунам футбольного поля колледжа Святой Марии. Она прихватила с собой бутылку водки, и мы осушили уже половину. Но принятого количества хватило, чтобы темно-свинцовое небо медленно кружилось в моих глазах.

Врач настоятельно рекомендовал мне забыть обо всем, что содержит градус, на ближайшие полгода.

Но я и Синтия вспоминаем о Лоре. Лежа на скамейках, мы плачем, пытаюсь заглушить эту тупую, засевающую очень глубоко внутри боль.

— Это нехорошо, — спустя минуты долгого молчания вдруг изрекает девушка.

Она машет рукой в воздухе, и кажется, будто, ей хочется поймать пальцами звезды.

— Что именно? — повернув к ней голову, говорю я.

Я вижу, как она сглатывает. Ей больно говорить. Я знаю, что разговор снова пойдет о Лоре, я готова к этому, хоть и слезы на моих щеках еще не высохли.

— Все, что происходит сейчас. У тебя внутри нет никакого плохого ощущения?

Когда я не отвечаю, Синтия грустно усмехается.

— Прости. Ты пережила больше, чем я. Я ни в коем случае не виню тебя в том, что ты осталась жива.

Вообще-то, пока она не сказала мне об этом, я даже не задумывалась на этот счет. Однако теперь...

— И все же, — продолжает девушка, — смерть Лоры не при чем. Вот здесь, — ее ладонь ложится на грудь — то самое место, где находится душа у людей, если верить религиозным людям. — Здесь у меня все гудит в какой-то тревоге. — Она поворачивает ко мне свое лицо с яркими от алкоголя глазами. — Близится что-то плохое, Джейн.

Я не хочу ее обижать, поэтому не говорю, что просто считаю,

что она слишком много выпила. Менять тему в данном случае тоже не будет приличным.

— Иногда у меня складывается такое ощущение, — Синтия делает глоток из бутылки, — будто здесь что-то творится. Что-то очень, очень и очень странное. Дайморт-Бич жуткий городок. Я здесь родилась и привыкла к тому, что иногда происходит что-то неподдающееся здравым объяснениям.

— Странные вещи? — я смеюсь, стирая с лица слезы.

— Да. Клянусь!

— Например?

— Например, Гарнеры, — с энтузиазмом начинает Синтия, сокращая между нами расстояние до согнутой в локте руки. — Самая странная семейка, которую я когда-либо встречала. Анна Гарнер учится вместе с нами. Она третьекурсница.

— Анна, — я смакую это имя, пробуя на вкус и ощущая знакомые оттенки.

— Мне нравится, как это звучит, — напившись водки, я глупо смеюсь. — Анна. Тебе нравится?

Синтия тоже пьяна, поэтому она смеется вместе со мной, а завтра у нас обеих будет болеть голова.

Сильно.

— Да, но она жутко странная, эта Анна Гарнер, — а после Синтия возмущенно восклицает: — Она со мной не здоровается, ты можешь себе представить!

Девушка чуть-чуть привстает, держа в руке за горлышко бутылку.

— Я все время пытаюсь с ней заговорить, но она просто шагает прочь, — Синтия оборачивается ко мне и раздосадовано оглядывает мое лицо. — Что она о себе думает? — еле слышно произносит.

Я же в каком-то безразличии пожимаю плечами.

Честное слово, мне все равно. Я же даже не знаю, были ли мы знакомы с этой Анной, но ее нет рядом, поэтому вряд ли мы хорошо общались. Мне плевать на Анну, и я устала слушать разговоры о ней от отчаявшейся Синтии.

Сделав последний глоток, девушка мне подмигивает:

— Прости, но у меня нет парня, поэтому мне можно выпить немного больше, — и складывает пальцы в щепотку.

Я усмехаюсь и только хочу напомнить ей, что у меня тоже никого нет, но тут мои мысли переносятся к Россу, а сердце делает сальто. Она хочет сказать, что мы с ним...? В отношениях?!

— Эйден, полагаю, будет очень не доволен тем, что ты вела себя сегодня не очень примерно, — хихикает Синтия, вновь падая на спину.

Она устремляет свой взгляд вверх, а я не могу перестать смотреть на нее обезумевшими, я уверена, глазами.

— Эйден?

СЕМНАДЦАТАЯ ГЛАВА

Д жейн

Руки все еще дрожат, обхватив руль. Хоть в ту ночь не я была за рулем, а ... Лора, мне все равно так плохо находится в машине, поэтому я быстро отстегиваю ремень безопасности и открываю дверь машины, оказавшись на улице. Теперь я могу вздохнуть с облегчением.

Так странно даже мысленно произносить ее имя, ведь я не помню эту девушку, но она погибла. И, возможно, я должна была быть на ее месте. А вдруг она прикрывала меня собой, когда это случилось? Господи, наверное, мне никогда не станет легче... Я готова к тому, что это будет преследовать меня всегда?

Вечно.

Это небольшой город, и меня здесь знают все. Я стала кем-то вроде местной знаменитости после того, как выжила. Моя соседка, милая женщина, с радостью подсказала мне адрес Эйдена, и я вбила его в навигатор. Теперь я стою возле его дома, не решаясь пройти к крыльцу.

Сколько бы еще я находилась в неведении о том, что у меня были отношения с парнем по имени Эйден?

Если бы не случайная прогулка с Синтией, если бы алкоголь не расслабил нас, заговорили бы мы вообще о нем, обо мне?

Синтия сказала, что я не афишировала свою личную жизнь и поначалу нашего общения была довольно отстраненной. Она призналась, что иногда хотела ударить меня, потому что я вела себя как чикагская столичная стерва.

Кто такой Эйден Картер? Я пыталась найти его в социальных сетях, но ничего не обнаружила. И это странно. В смысле... на дворе двадцать первый век, и покажите мне хотя бы одного человека, который не был бы зарегистрирован в фэйсбуке, твиттере, инстаграме? Черт.

Конечно, Дайморт-Бич эта та еще дыра, и Синтия сказала, что Эйден довольно популярен в колледже. Что с ним не так?

Ладно. Пора бы уже набраться смелости и просто взойти на это проклятое железное крыльцо. Я делаю несколько шагов вперед, потом останавливаюсь, проследив за жалюзи на окнах. Если они откроются, я сбегу. Так неловко я давно себя не чувствовала. Все-все. Я сделала это. Я решилась, подошла к двери и возвела руку вверх, но постучать мне не удастся.

Она отворяется раньше, чем я успеваю что-либо предпринять. На пороге стоит молодой парень со светло-коричневыми волосами и пронзительными голубыми глазами. Он... хорош собой. И так же изумлен, как и я.

— Джейн? — выдохнув, говорит он.

Парень растерян и, я думаю, что хочет сказать что-то еще, однако не решается. Двигает безмолвно ртом, в точности как рыба.

— Джейн, — облегченно выдыхает вновь он.

Заметив мое смущение, хозяин дома отходит назад, предлагая мне войти внутрь. Это, похоже, Эйден, я не могу ошибаться. Он знает меня и рад меня видеть.

— Это будет звучать смешно, но я собирался приехать к тебе, чтобы мы поговорили, — звучит его голос за моей спиной, а так же щелчок замка при закрытии двери.

Пройдя вглубь гостиной, я оборачиваюсь к нему, а он снимает пиджак и бросает его на спинку дивана.

Между нами возникает неловкая пауза. Я не знаю, как объяснить свой визит, с чего начать разговор. Эйден выглядит ошеломленным. Он пристально разглядывает меня, и от того, как сверкают его пронзительные большие глаза, мне становится неуютно. Я не имею в виду, что неприятно. Просто непривычно. Да. Скорее так.

Я отвожу взгляд от привлекательного лица Эйдена и с любопытством разглядываю большой зал с высокими потолками. Довольно современная обстановка, что кажется нетипичным для такого маленького городка, как Дайморт-Бич.

А затем мой взгляд падает на большое окно, и я вижу очевидное сходство с обстановкой в своих снах. Где была я, Росс... Мы занимались любовью в этом доме.

— Ты не помнишь меня, — поймав за разглядыванием своего жилища, констатирует парень, — но я Эйден. Мы... встречались.

Меня как будто бьет током от того, что он говорит мне.

Я любила его? Я целовала его, разумеется. У нас, скорее всего, был секс... И у нас позади целая история, но я ничего, совсем ничего к нему чувствую. Это так странно. Да, он красивый, но разве, если люди близки, души обоих не должны тянуться друг к другу? У меня нет такого ощущения.

— Джейн? — произносит Эйден, когда я упрямо прячу взгляд под ресницами.

Мне приходится поднять глаза.

— Да?

— Скажешь мне что-нибудь?

— Эмм... — я сглатываю с трудом, понимая, что влипла, но мне нужно как-то выпутываться.

Я приехала сюда поговорить с ним. Это была моя инициатива.

— Я хотела пообщаться, — признаюсь неохотно. — И неприятно это осознавать, но, кажется, мне нечего сказать тебе.

Я всплескиваю руками, потом одну ладонь кладу себе на лоб.

— Черт, извини меня. Это все так неловко.

Мои слова расстраивают парня, но он старается улыбнуться.

— Все в порядке, я понимаю.

Понимает?

Это вряд ли, к сожалению.

— Но, поверь мне, я безгранично счастлив, что ты пришла ко мне. Я и мечтать не мог о чем-то подобном, — с проникновенной искренностью говорит Эйден, и я поднимаю на него молчаливый взгляд. — Ты хочешь узнать о нас? Хочешь, чтобы я рассказал тебе нашу историю?

Я делаю резкий вдох и замираю. Задаюсь вопросом, действительно ли готова узнать о своем прошлом. О прошлом с Эйденем Картером. О прошлом, которое, возможно, изменит мое настоящее, окутанное непроглядным туманом беспамятства.

Что бы между нами ни было до аварии, хочу ли я узнать об этом?

— Эйден...

— Позволь мне рассказать, — глубоко вздохнув, просит он.

Я и сама чувствую, как задыхаюсь.

— Как мы любили друг друга.

— Эйден...

Он приближается, однако мне сейчас совсем не нужно это. Я хватаюсь за голову, а другой рукой — за горло, и отворачиваюсь от него, но Эйден принимает мое плохое самочувствие за нежелание видеть его, поэтому он уже за моей спиной и положил руки мне плечи, в то время как я не могу дышать.

Не могу дышать...

— Я все расскажу, если ты хочешь.

Не сдержавшись, я падаю вперед, но меня удерживает кухонный гарнитур — как удачно, что гостиная в этом доме пересекается с кухней.

— Эй! — испуганно восклицает Эйден, поднимая меня и держа в своих руках.

— Воды, — прошу я хриплым голосом. — Принеси мне, пожалуйста, воды.

Он ведет меня в сторону дивана и сажает аккуратно на него, а через полминуты возвращается с полным стаканом, и я осушаю его, наконец-то, почувствовав облегчение в легких.

Господи! Мне казалось, что я сейчас умру.

— Все хорошо? — Эйден садится на корточки, чтобы видеть мое лицо. — Ты побледнела, — его большая и теплая ладонь ложится на мою щеку.

— Порядок, порядок, — хрипло отзываюсь я и слегка поворачиваю голову в сторону.

— Извини, — Эйден с неохотой убирает руку. — Я пугаю тебя?

Я поджимаю губы, подбирая слова.

— Нет. Но... я считаю тебя незнакомцем, понимаешь? — натягиваю рукава кашемирового свитера на пальцы, вдруг чувствуя пробирающий холод. — До вчерашнего вечера я не подозревала о твоём существовании.

Эйден поджимает челюсть, выдвигая подбородок вперед.

— Это... больно, — выдавливают он. — Я столько раз терял тебя, но больше не хочу. Не могу позволить себе отпустить тебя еще раз. Пусть это многого мне будет стоить — сейчас я твердо уверен в том, что хочу, и кого хочу, — аквамариновые глаза вдруг наполняются решимостью. Эйден садится рядом со мной. — Я хочу любить тебя. Хочу, чтобы ты вспомнила меня. Я расскажу тебе о наших самых лучших и худших днях. Позволь мне попытаться вернуть все. Пожалуйста, Джейн.

Он говорит такие правильные слова, которые хочет слышать каждая девушка. Почему они на меня не действуют? Он ведь хороший человек, это видно. Мне не хочется обижать его. Мне очень не хочется делать ему больно.

— Эйден, я бы и хотела, правда, — парень собирается меня перебить, и я выставляю ладонь, чтобы договорить до конца, — но это все очень сложно. Мне странно слышать от тебя все то, что ты произносишь, потому что каждое твое слово, каким бы прекрасным ни было, звучит чуждо. Я несколько раз в голове прокручивала наш

диалог, но ты видел? — указывая большим пальцем себе за спину, заставляю посмотреть в направлении кухонного островка. — У меня случился только что приступ паники. Со мной что-то не так, — признаюсь я нехотя.

Я замолкаю, и тогда Эйден, положив руки по обеим сторонам от моих бедер, вглядываясь в мое лицо, отвечает:

— Ты попала в аварию, Джейн, и потеряла память. Это нормально.

— Ничего из этого не нормально! — срываюсь я, хотя совсем того не желаю.

Но уже не могу остановить себя.

— Та девушка... Лора! Она, быть может, спасла мне жизнь, но я не помню ее. Я не помню даже, какой она была, и какие темы мы с ней обсуждали! Я не помню, как она выглядела, Эйден... И все мои мысли насчет нее когда-то, в прошлом, улетучились. Как будто кто-то проник в мою черепную коробку, вынул оттуда все, что необходимо мне, и закрыл ее обратно.

Теперь молчит Эйден. Он отстраняется, позволив мне встать на ноги. Мы открываем рты в унисон, но ни один из нас не заговаривает, потому что в замочной скважине поворачивается ключ, а следующее, что я вижу, просто выбивает меня из колен.

Мужской басистый смех созвучно сливается с высоким и мелодичным женским голосом.

Мы с Эйдемом одновременно поворачиваемся в сторону прихожей.

— Ой, кажется, мы не одни, — я слышу голос Росса. — Крошка, если по пути в мою спальню увидишь угрюмого зануду-качка, то не пугайся — он мой всего лишь недалекий младший братец Эйден, договорились?

— Вот урод, — шипит Эйден.

Мгновение, и мое тело превращается в пружину. Напряжение обволакивает каждую мышцу, просачивается отравляющей паникой в сознание. Вспотевшими ладонями я впираюсь в кожаную обивку дивана.

Это голос Росса. Что он здесь делает?

И я вижу его.

Расслабленно обнимая невысокую рыжеволосую девушку, Росс появляется в гостиной, врывается в мой шаткий мир, который сейчас стал на несколько шагов ближе к пропасти.

Девушка теребит воротник его бардовой рубашки и целует в шею.

Что?

Что происходит?

Они вместе? Это его девушка?

Но... наш поцелуй в больнице...

Не понимаю...

Я... не понимаю.

Его взгляд внезапно находит мой, и я молюсь, чтобы паника вновь не ворвалась в мое тело, жадно скользя безжалостными когтями по внутренней части моего горла. Он смотрит только на меня, не замечая спутницы, которую привел в их общий с братом дом. Я ничего не понимаю. Это значит, мы с ним не вместе, или он изменяет мне? Росс изменяет мне?!

— Детка, ну, пошли-и, — растягивая последнее слово, рыжеволосая сучка тащит его в сторону одной из закрытых дверей.

Даже не замечая нас (возможно, намеренно), она рукой показывает на дверь с левого края.

— Это твоя спальня?

Но Росс не спускает с меня глаз, как и я — с него. Мне кажется, мы палимся друг на друга целую вечность, пока истеричный голос его подруги не заставляет его вздрогнуть. Он опускает на нее взгляд.

— Да, — отвечает на ее вопрос оторопело. — Это моя спальня.

Убрав от него свои руки, ногти на которых выкрашены в ярко-синий цвет, девушка подпрыгивает на месте и хлопает в ладони.

— Отлично!

Она бежит к двери и открывает ее, заходя внутрь. Оттуда она зовет Росса:

— Сладкий, я жду тебя здеееесь!

О, Боже... Этот ее голос.

Просто невыносимо.

Обведя гостиную потерянными глазами, Росс возвращается глазами ко мне. Я знаю, он многое хочет сказать, и не будь здесь его подружки и Эйдена, сделал бы это, но вместо этого, решившись, быстро удаляется в свою комнату.

Эйден говорит не сразу; голос у него очень раздосадованный.

— Что это было, Джейн?

Единственное, что я могу сейчас сказать, это:

— Твой брат пришел. С девушкой, — добавляю, не подумав.

Я даже не знаю, что думать, черт все подери! В моей голове — дьявольская пустота! Я могу повторить это слово по слогам, и будет, клянусь, больше прока, чем от того, чтобы беседовать с Эйденем. Что мне говорить? Я не знаю, были ли у нас до аварии отношения с его братом. А вдруг, я изменяла Эйдену с Россом? Черт! Да откуда тогда эротические сны с ним в главной роли? Что мне представлять? Как жить, вообще, не зная никакой правды?

— Думаю, мне пора, — мямлю я, держа ладонь на груди.

Внутри меня находится клетка. Внутри клетки бьется бестрепетное сердце. Я ясно чувствую, как оно покрывается толстой коркой льда.

— погоди, — Эйден ловит меня, мягко сжимая локоть, когда я отворачиваюсь от него и делаю неуклюжий шаг. — Мы можем пойти куда-нибудь? Вместе? Я еще о многом должен сказать тебе, Джейн. Я хочу, чтобы ты дала мне еще один шанс.

Я медленно моргаю ресницами, пытаюсь всмотреться в смугловатое лицо, на котором застывает умоляющее выражение. Но вместо Эйдена я вижу другого мужчину. Того, который сейчас развлекается с рыжеволосой девушкой.

— Прости, — я слабо качаю головой. — Прости. Но я не испытываю к тебе того же. По крайней мере, сейчас. Мне очень жаль. Правда. Прости. Я пойду. Прости.

Сколько раз я извинилась за последние полминуты?

Я чувствую себя паршиво и разбито, потому что увидела Росса в компании другой. Потому что вспыхнувшая ревность подчинила мой рассудок, и я ощущаю злость, пламя которой горит все сильнее в одной клетке вместе с ледяным сердцем.

Что за дурацкая у тебя жизнь, Джейн?

Эйден

Я сомневаюсь, что миловидная блондинка, подливающая мне ром, легально работает в этом баре. В смысле, она совершеннолетняя? Я уже успел подумать о ней, о паре, что сидела рядом со мной, болтая без умолку, о мужике за столиком невдалеке, который говорил по телефону, но он уже ушел. Я думал обо всем, избегая своих собственных мыслей. Боялся вновь прийти к тому, что мне будет больно. Да мне и так, черт возьми, больно! И ничего не изменит это факт. Только, если Джейн чудным образом прозреет, а в ее голове станут появляться картинки нашей пылкой любви. Но этого не будет. Или я должен с этим что-то сделать...

Почему Росс так смотрел на нее?

Почему ОНА так смотрела на моего брата?

Даже не хочу размышлять о возможных отношениях между ними. Только не это. Джейн сказала, что все кончено? Она практически отшила меня. Это звучало именно так. Еще и извинялась постоянно, словно, ей было стыдно, что она бросает своего бойфренда.

Я тоже хорош... Бросил ее однажды в Чикаго, но при этом память я не терял, так что, можно сказать, мы квиты.

Но ведь именно этого хотел Ад?

Чтобы все так и сложилось.

И внезапно меня озаряет мысль.

Что, если авария была подстроена? Смерть Лоры была чудовищной ошибкой, потому как они - Марго и ее шайка — пытались убить Джейн?

— Сука, — рычу я.

— Что? — спрашивает барменша.

Я бессвязно мычу, алкоголь плавит гнев, и в итоге я падаю головой на стойку.

— Все ведь хотели именно этого, да? — я начинаю неудержимо громко гоготать на весь бар. Мой раскатистый смех отскакивает от стен и возвращается ко мне бумерангом.

Я кажусь вам безумцем?

Ладно. Хорошо. Я не против.

Я действительно безумец. Влюбленный идиот, потерявший голову из-за девушки. Как мне вернуть ее воспоминания? Анна сказала, что дело в ее исчезнувшей душе. Но как такое возможно? Куда могла отправиться душа Джейн без ведома Ангела Смерти? Мы с братом контролируем каждую смерть... контролировали, точнее.

Похоже, в Дайморт-Бич появилась загробная черная дыра, засасывающая души умерших и отправляющая их черт знает куда.

— Налей мне еще, — больше не пытаюсь быть любезным, рявкаю я на барменшу.

Она строит мгновенно гримасу отвращения, однако я вижу, как она старается совладать с собой, и тут же становится прежней — милой и хорошей. Она такой, скорее всего, и является; это я веду себя, как полный гавнюк.

— Думаю, что вам уже достаточно, сэр, — отзывается она вежливо.

Я позволяю себе смерить блондинку долгим взглядом, после чего наклоняюсь и пьяным голосом шепчу:

— Называй меня просто Эйден.

Думаю, из-за шума в баре она меня не услышала. По крайней мере, надеюсь на это, потому что все было ужасно.

— Ну, пожалуйста, — переходя на жалобный тон, молю я, сощулив глаза, — налей ещё.

Я слышу, как девушка глубоко вздыхает.

— Сэр, мне придется вызвать охрану, — предупреждающе изрекает барменша.

Я поднимаю веки, чтобы посмотреть на нее внимательно, чтобы она поняла — не так уж я и пьян, но блондинка непреклонна. Она стоит за стойкой, скрестив руки на груди, и ожидает того, что я уйду.

— Ладно, — хлопнув ладонями по стойке, я поднимаюсь с барного стула. — Приду завтра, буду пить, зная, что все равно не решу проблему, а потом превращусь в алкоголика и вскоре окажусь в анонимном клубе, где мне должны будут оказать помощь, чтобы я не сдох раньше шестидесяти...

Грустно усмехнувшись, достаю из бумажника полсотни баксов и передаю блондиночке (все еще, по моему предположению, несовершеннолетней) и, разумеется, не требую сдачи.

Но я не успеваю сделать и пару шагов назад. На мое плечо ложится крепкая рука. Кто-то хлопает меня по спине, позже появляясь перед моим взором: молодой элегантно одетый парень присаживается на самый край, возле места, которое занимал я.

— Мистер Картер, — тихо засмеявшись, он проводит языком по губам, — ваши планы на жизнь очень-очень мрачные. Мне такое не по душе, — с заговорщическим видом незнакомец нагибается, приставив ко рту ладонь. — Тем более, мне известно, насколько вы потенциальны...

Я хмурюсь в попытках сфокусировать взгляд на лице незнакомца, но это тщетно.

Окружающий мир напоминает мне лодку, на которой я пересекаю океан в шторм.

— Я не из этих, — я мотаю головой, пытаюсь подняться со своего места.

Незнакомец театрально выгибает бровь.

— Прошу прощения? — откашлявшись, он не перестает улыбаться.

— Мне нравятся девушки, смекаешь? Так что отчаливай, пока я не врезал тебе.

Парень снова прочищает горло, и я настораживаюсь, когда он придвигает свой стул к тому месту, где я стою.

— Раз уж мы перешли на «ты», думаю, будет уместно поделиться тем, как я отымел одну восхитительную цыпочку пару

часов назад?

Мои брови взлетают наверх, в то время как этот придурок откатывает стул назад и располагается на нем с нескрываемым превосходством.

— Эмм. Ну... — я потираю переносицу.

— Пожалуйста, присядь, Эйден, — учтиво просит он. — У меня есть для тебя заманчивое предложение.

Какого...

— Мы знакомы?

Незнакомец отрицательно мотает головой и с удивительным спокойствием отвечает:

— Нет , — затем он поднимает край рукава пиджака, чтобы взглянуть на циферблат наручных швейцарских часов. — Но, знаешь, у нас есть целая ночь, чтобы исправить это. Как думаешь, полезные знакомства — это для тебя?

— С какой стороны посмотреть, — я киваю подбородком в сторону барменши, обслуживающей офисного клерка в сером костюме. — Выбьешь из этой надзирательницы еще бутылку виски, и мы поболтаем.

— Оу, звучит отлично, — расплываясь в лукавой улыбке, русоволосый парень с британским акцентом просит блондинку подойти к нам. — О, прекрасное создание с ослепительной улыбкой, — он начинает открыто заигрывать с ней. — Увидев вас, чудесная мисс, я был сражен осознанием, что сама судьба привела меня в этот город!

Парень в дорогушем клетчато-сером костюме и дорогих кожаных ботинках от «Версаче» около минуты вешает девушке лапшу на уши. И, черт возьми, это действует. Блондинка тает прямо на глазах.

— Мой путь из дождливого Лондона был невероятно долгим и тернистым. Уставшая плоть и тоскующая по родине душа нуждаются в бутылке отборного шотландского виски «Макаллан», — он указывает на третью полку стеллажа с алкоголем за спиной барменши. — Будьте так добры, о прекраснейшая из прекраснейших, налить по бокальчику мне и моему другу. Это возможно? Я был бы

вам очень признателен.

Проклятье! Она краснеет и робко улыбается ему.

— Да. Конечно. Одну минуточку.

— Чего? — я кривлюсь ей вслед. — Эй... так не честно.

— Женщины — мой козырь. Способен их контролировать — значит, ты владеешь миром.

Я играю желваками, присаживаясь обратно.

— Да. Чего не скажешь обо мне.

И кошусь на него, но на его лице все та же омерзительно самодовольная ухмылка.

Вместе с алкогольными напитками блондиночка отдает парню салфетку, и на ней, я полагаю, что-то написано.

Ох, дьявол. Она оставила ему номер телефона.

Как он это делает?!

— Прелестно, — бормочет парень, превращая салфетку в микроскопический комочек и бросая его за плечо. — Итак, вернемся к причине моего появления здесь.

— Валяй, — я залпом делаю несколько глотков и жмурюсь, когда огненная жидкость скользит вниз по горлу.

— Как я сказал ранее, я хотел бы предложить тебе кое-что.

Я молчу, наливая новую порцию виски.

— Я знаю, где находится душа Джейн Мортис — твоей прекрасной возлюбленной. Точнее, бывшей возлюбленной. Ты бросил ее в вечер, когда случилась жуткая авария, после которой юная Джейн утратила свои воспоминания. Ее душа покинула хрупкое бренное тело и бесследно исчезла. Более того, — воодушевленно продолжает он, — я так же располагаю информацией о том, где находятся остальные души. Но, будем честны друг перед другом, тебя волнует лишь душа Джейн. Я готов помочь тебе вернуть ее. Вернуть воспоминания и вашу любовь.

— Кто ты такой, черт подери? — шепчу я.

— С этого следовало начать наш разговор. Прошу прощения. Меня зовут Миднайт.

ВОСЕМНАДЦАТАЯ ГЛАВА

Анна

Я пробегаюсь глазами по списку продуктов, вспоминая, все ли купила. Но стоит мне только взглянуть на три тяжелых пакета, и сомнения тут же исчезают. Ладно. Может, я и забыла какую-нибудь мелочь. Неважно. Основным я запаслась.

Я выкатываю тележку из супермаркета и качу ее к внедорожнику. Ого. Я и не замечала, что он чертовски грязный.

— Вот дерьмо, — бормочу огорченно, когда достаю из заднего кармана джинсов пустую пачку сигарет марки «New Port ».

Придется возвращаться.

В связи с последними событиями я курю, как паровоз, и мама дико бесится из-за этого. Хотя назовите мне хоть что-то из того, что я делаю, из-за чего она не пришла бы в ярость?

Я сплю с открытыми глазами, потому что боюсь, что моя мать может обездвижить меня каким-нибудь заклинанием и запереть в подвале нашего дома, чтобы я больше не наделала глупостей. Она так и не простила мне то, что я помогла Джейн выжить.

Я выгружаю продукты в багажник, закрываю его и, вертя ключи от автомобиля на пальце, прохожу вдоль машин, чтобы зайти в супермаркет с бокового входа — самый короткий путь.

Хозяева железных коней все еще внутри, поэтому парковка пуста. Хотя нет... я ошиблась. Какая-то девушка сложила руки на капоте своего джипа и положила на них голову.

Ей... ей плохо?

Когда я подхожу ближе, то понимаю, кто это по ощущению, прежде чем успеваю ее узнать.

Боже мой. Это Джейн Мортис.

Она, как раз, не вовремя вскидывает голову, по всей вероятности, догадавшись о моем присутствии по услышанным

шагам рядом.

— Хей, — говорю я на автомате, слабо улыбаясь.

Не знаю, зачем я подняла ладонь, чтобы помахать ей — это совершенно неуместно. Тем более, Джейн не знает, кто я такая.

Она смотрит на меня внимательно, наверняка, думая, что я одна из ее многочисленных знакомых, которых забыла после аварии. Но ничего подобного.

Спустя минуту, наконец-то, слышится ее голос, а не только несильное дуновение ветра и звук проезжающих автомобилей за сетчатым забором.

— Привет, эмм... — она прикусывает нижнюю губу, между ее бровей появляется глубокая складка, будто в ее голове идет тяжелый мыслительный процесс. — Прости, мы знакомы? Я не...

Я спешу кивнуть.

— Я Анна. Анна Гарнер. Мы учимся вместе в Святой Марии и уже встречались.

Я протягиваю ей руку, но Джейн не спешит пожать ее. Ее губы растягиваются в беззвучном: «Ооо », а щеки торопливо покрываются багровым румянцем.

Я что-то не так сказала?

— Я... прости, — наконец, она протягивает свою руку в ответ и трясет в беспокойном рукопожатии мою ладонь. — Приятно познакомиться, меня зовут Джейн. Ой... ты же знаешь мое имя. Черт, — усмехаясь, она чувствует себя неловко и начинает потирать пальцем левый висок.

Она очень мило выглядит, когда в полной растерянности. Мы не общались, поэтому у меня не было случая заметить это, однако я понимаю, почему Эйден сходит по ней с ума.

— У тебя все в порядке? — решаю я перейти к части, где она практически лежала на капоте своей машины.

Джейн оглядывается на джип, потом ее взгляд возвращается ко мне, и только после девушка опускает глаза вниз, шумно вздыхая.

— Не уверена.

— Ты плохо себя чувствуешь?

— Скорее, — замаявшись на секунду, отвечает собеседница, — я... мне просто страшно.

Объясняясь, Джейн кивает рукой в сторону джипа.

— Меня пугают дороги и машины. Не знаю, как я вообще доехала до супермаркета сегодня. После аварии все изменилось.

Она говорит размеренным тоном и делает паузы, словно, тщательно подбирая слова.

— Паршиво, — выругиваюсь я и так же оторопело хлопаю ресницами.

Предложить подвести ее?

Я спрашиваю Джейн об этом, но она вежливо улыбается и качает головой.

— Спасибо. Думаю, я справлюсь. Чем раньше я поборю свой страх, тем легче будет в будущем.

Вдруг кто-то толкает меня плечом, и я вскрикиваю от неожиданности. Какой-то парень проходит очень близко от меня, одетый в большую джинсовую куртку и черные штаны. Он оборачивается, когда отошел на пару шагов и глядит на меня глазами, очень большими темными глазами, полными тайн. Я живу его злую усмешку. Мне становится не на шутку страшно, я хватаюсь за горло, пытаюсь дышать, но выходит очень-очень плохо. Приходится положить ладонь на заднее стекло джипа Джейн, чтобы не грохнуться.

О, черт! Что это было?! Его глаза так сверкали! Словно, внутри них произошел страшный пожар. Там полыхало пламя, я могу поклясться. И что теперь подумает Джейн? Мысли в голове путаются, а воздуха не хватает все больше. Я в силах осмотреть парковку магазина, но теперь на ней никого нет.

Куда он подевался?

Джейн подбегает ко мне, придерживая за талию, а потом прислоняет меня спиной к багажнику.

— Анна! — восклицает девушка. — С тобой все хорошо? Что это было?

Я не могу скрывать свой испуг.

— Я не знаю, — честно отвечаю, наконец, сумев выровнять дыхание. — Это было ужасно...

Джейн мотает головой, она нервно улыбается с жуткой нерешительностью — ее губы подрагивают, но однозначной улыбки не выходит.

— Что именно? Ты так подпрыгнула, что у меня чуть не остановилось сердце. И ты так закричала ...

Я киваю, пытаюсь высмотреть в ее карих глазах понимание того, что только что произошло.

— Конечно, — без прежней уверенности лепечу я. — Он ведь напугал меня.

Она сглатывает. Глубоко вздыхает, на ее лбу появляются морщинки, когда девушка осматривает парковку вслед за мной.

Я готова упасть в обморок после очередного озадаченного вопроса Джейн:

— О ком ты говоришь, Анна?

Здесь был парень, хочу сказать я. Высокий парень с убийственным взглядом... Стоп. Что?

Я смотрю на Джейн широко распахнутыми глазами, снова и снова прокручивая в голове ее последние слова.

— Ты никого не видела? — уточняю я.

— Нет. Мы здесь одни.

И я оглядываюсь по сторонам. Ни души в радиусе ста метров. Только я и Джейн.

Что это было? Кем был парень? Или чем?

— Мне надо идти, — я делаю короткие порывистые шаги назад, прижав руку к горлу. Под кожей, покрывшейся испариной, словно образовался огромный узел, и он пульсирует со страшной силой.

— У тебя точно все хорошо? — Джейн выглядит озадаченной моим внезапной выходкой.

— Да, да, да...

Я перестаю слышать собственный лепет, на автомате двигаясь к водительскому месту своей машины. Мои руки трясутся, когда я открываю дверцу и запрыгиваю внутрь.

Я покидаю заправку супермаркета в полубессознательном состоянии, едва отдавая отчет своим действиям. Я считаю везением пустующие узкие дороги Дайморт-Бич, потому что иначе бы непременно в кого-нибудь врезалась.

Я оставляю одну руку на руле, а второй тянусь за сигаретами... Проклятье! Я забыла купить их.

Это очень, очень плохо.

Как мне справиться с этой безудержной, неистовой паникой инородного происхождения?

Нечто очень схожее по ощущениям я впервые почувствовала на своей шкуре между перерывами лекций в Святой Марии, когда вдруг вокруг меня сгустилась тьма. Тогда я увидела свою копию с непроглядно-черными глазами.

Сейчас — этот невидимый, внезапно появившийся и внезапно исчезнувший парень, от которого у меня по спине носится мерзкий холодок неконтролируемого страха.

Я никогда не считала себя трусихой, но... вы посмотрите, как дрожит мое тело?! Нет. Оно бьется в конвульсиях, предчувствуя катастрофические события таких невероятных масштабов, о которых и представить не может моя несчастная задница, а у нее, поверьте, было немало бедовых приключений.

Хорошо. Хорошо. Мне просто нужно взять себя в руки. Мама наверняка должна знать об этом что-то. Хотя склоняюсь к варианту, что она ответит так: «Ты переживаешь последствия своей непредусмотрительной выходки». Это будет ее единственным непреклонным ответом.

Внезапная, пронзающая левое полушарие головная боль выводит меня из колеи на мгновение. Я издаю истошный крик, припадая лбом к рулю, и давлю на педаль тормоза.

Автомобиль резко останавливается, и я слегка подпрыгиваю, но ремень безопасности не дает мне впечататься в лобовое окно.

Боль неторопливо отступает, и я поднимаю голову, вопрошая

про себя: какого хрена творится?!

Но вдруг моим вниманием завладевает хрупкая женская фигура в вязаном, бесформенно-огромном сером кардигане с потертыми, растянутыми локтями и темно-коричневым платьем в бледно-розовый цветочек под ним. У этой женщины небрежно заделаны в пучок светлые волосы средней длины, которые выглядят, как солома. У нее худые острые скулы и глубоко посаженные глаза.

Мама.

Она покидает городскую библиотеку, закидывая на плечо тряпичную черную сумку. Она идет вверх по улице Брайден-стрит и читает на ходу толстую, тяжелую на вид книгу.

Я нахожусь довольно далеко, но вижу все с такой четкостью, словно стою лишь в нескольких шагах от мамы.

Что она делала в библиотеке?

Я собираюсь с мыслями и тянусь к консоли.

Но замираю, когда моя ладонь накрывает рычаг коробки передач.

Воздух становится плотным позади мамы и искажается. Едва заметно, но я вижу это.

Видю то, как зарождаются мерцающие искры, и появляются сгустки тьмы. Они совершают хаотичные движения, но тянутся друг к другу, сливаясь, и образуют человеческий силуэт.

Спустя пару секунд за моей ничего не подозревающей матерью стоит тот самый парень невидимка с парковки.

А затем он сворачивает ей шею.

Джейн

Дайморт-Бич просто сошел с ума. Итальянская его часть выкрасила свои лица в цвета флага страны, которой принадлежит. Звучит итальянская музыка, и все веселятся, а мой папа хотел, чтобы я обязательно тоже вписалась в этот колорит. Но, наверное, подобные композиции не для меня, а шум и крики давно.

Все толкаются и выкрикивают имена друг друга, пританцовывая на месте. Город празднует День Колумба, а из-за того, что покойный герой был итальянцем, отсюда и столько запахов аппетитной пиццы и зелено-красное-белые цвета вокруг.

На каждом углу расположились уличные торговцы, предлагающие слабо-алкогольные напитки и еду, которая так и манит своим ароматом.

— Джейн, пожалуйста, не могла бы ты помочь мне с подготовкой к постановке? — любезно обращается невысокая женщина преклонных лет. — У меня возникли некоторые трудности с костюмами.

— Да, конечно, мэм, — соглашаюсь я. Как ее зовут?

Я следую за женщиной. Но по пути нас останавливает мой папа. Он радушно и широко улыбается и поздравляет миссис Льюис (ах, вот как ее зовут) с Днем Колумба. Затем его взгляд падает на меня.

— Джейн, детка, все хорошо? — сегодня папа чересчур заботлив. Он задает этот вопрос в тридцать седьмой раз.

И в тридцать седьмой раз я отвечаю, что лучше просто быть не может.

Мы заходим за кулисы выстроенной на улице сцены, а миссис Льюис тут же вешает на меня все, что лежит на стульях. Собирает одежду с них и представляет меня в роли своей импровизированной вешалки. Мне не очень удобно говорить ей, что мне не комфортно, поэтому я молчу.

— Да, можете забирать, — говорит женщина рабочим, и они поднимают стулья на сцену, отодвигая штору и взбираясь по лестнице.

Затем в небольшую палатку завозят, наконец, стойку на колесиках для одежды со специальными плечиками, что висят сверху.

Миссис Льюис, к счастью, очень оперативно снимает с меня всю эту пеструю «красоту» и вешает на свои места.

— Спасибо тебе большое, Джейн, — после окончания благодарит она меня, пожав мою ладонь двумя своими. — Надеюсь, что ты в порядке? — обеспокоенно интересуется костюмерша.

Я, раздумывая над ее вопросом, качаю головой.

— Еще нет. Но буду в порядке.

Затем я спешу выйти из палатки, которая больше похожа на цирковой шатер. Меня встречает сумасшествие парада и шумная вечеринка. Так много света от искусственных ламп, развешенных вместе с разноцветными флажками в районе электрических проводов, что звезды на небе еле-еле можно высмотреть. Но я все же пытаюсь сделать это, встав с краю, чтобы не мешать людям праздновать этот торжественный для них день.

Не поймите неправильно, я не какая-нибудь выскочка. Но театральная постановка... боже, мне стоит это комментировать? Можно сделать скидку, что мы находимся в Дайморт-Бич. Здешние жители существуют на собственной, уникальной волне. Ну, наверняка вы слышали историю о пятидесятидвухгерцевом ките. Так вот. Дайморт-Бич — что-то вроде этого кита.

Я разминаю шею, переступая с ноги на ногу и считая разноцветные лампочки от одного фонарного столба до второго. Между ними расстояние примерно пятьдесят футов. Грушевидные синие огоньки повторяются через два красных и один желтый.

Это кажется скучным, да? Я бы поспорила.

Я чувствую, как ладонь рука ложится на мою талию и резко тянет назад.

Я поднимаю руки и начинаю нелепо ими размахивать в попытке сохранить ускользающее равновесие.

— Эй! — шиплю я, одновременно падая и пытаюсь посмотреть за плечо, чтобы увидеть, кто вероломно вторгся в мое личное пространство и куда-то потащил.

Этот человек довольно настойчив и силен, потому что, как я ни пытаюсь ему противостоять, ничего не выходит. Из-за гомона вокруг он, наверное, даже не слышит, что я кричу ему. Однако его рука на моем локте чувствуется немного больно и неприятно.

Наконец, кто-то, кто решил поиграть со мной и до ужаса напугать, останавливается возле высокого старого дуба и отпускает меня. Повезло, что организаторы городского мероприятия обвязали ствол дерева мелкими фонариками. Именно поэтому мне удастся увидеть лицо своего обидчика. Хотя мне очень сложно называть его таковым теперь, ведь это...

Росс Картер собственной персоной.

Моя челюсть вытягивается. Вряд ли бы я хотела, чтобы он видел меня такой — удивленной и пускающей по нему слюни. Мне нужно немедленно собраться. С трудом я опускаю глаза вниз и откашливаюсь, заводя пряди волос себе за уши, и только потом скрещиваю руки на груди, вставая в оборонительную позицию.

— Что ты себе позволяешь, черт возьми? — с напускным раздражением требую я.

Хотя, на самом деле, мне не хочется кричать на него. И это самое паршивое. Мое сердце совершает сальто, как будто Росс — тот самый человек, которого я хочу видеть всегда и везде. В любом случае. Мой день начинается мыслями о нем и ими же и заканчивается. Да, это просто невыносимо.

— Я не хотел тебя напугать, — извиняющимся тоном произносит парень.

На нем серая рубашка, верхние пуговицы которой расстегнуты, разыгрывая воображение, и простые темно-синие джинсы, что идеально на нем сидят.

Я кашляю в кулак и вскидываю подбородок.

— Ты что-то хотел? Потому что, знаешь, на самом деле, я очень занята.

Его бровь вопросительно взметывается вверх, а на губах дрожит насмешливая улыбка.

— Я с удовольствием послушаю, что за важное благородное дело ты совершаешь, Джейн, — говорит с какой-то иронией Росс.

Он вторит мне — скрещивает на груди руки. И еще прилегает к стволу дуба плечом.

О, мой Бог. Когда он произнес мое имя... Он так это сказал... внутри меня что-то происходит. И я не могу это объяснить.

Джейн, прекрати смотреть на него с обожанием!

— Не хочу рассказывать тебе, — я демонстративно отворачиваюсь от него, собирая всю волю в кулак, и делаю шаг по направлению к толпе людей, развлекающихся в центральном парке, где, собственно, торжественно катилось в тартарары театральная

сценка о Колумбе.

Росс издает смешок и ловит меня за локоть.

Я бросаю взгляд на его ладонь, которая держит меня. Он настолько наглый, что мне хочется ему врезать. Да, я просто без ума от Росса, но я ужасна зла на него за то, что видела его с другой девушкой. И зла на себя, потому что не знаю, имею ли я права вообще ревновать.

— Ты один? — как бы невзначай интересуюсь я.

Когда он говорит дальше, я обращаю внимание на его мощную шею идвигающийся кадык. Это сложно контролировать — мое влечение к этому парню.

— Не делай вид, что этого не было, — негромко, без лишних эмоций, выдает Росс.

— Не было чего? — я осторожно освобождаюсь от его пальцев, которые по-прежнему сжимают мой локоть.

Он принимает прежнюю позу, только еще и скрещивает лодыжки. Испытующе посмотрев на меня несколько секунд, Росс цокает негодующе языком.

— Ой, да ладно тебе, Джейн! Все ты помнишь. И я помню. И нам понравилось.

Я вспыхиваю, словно спичка.

— Каков наглец! Упомянуть об этом, когда у самого есть девушка! И, дай-ка угадаю, когда ты поцеловал меня в больнице, она тоже была у тебя. Я права?

Конечно, все это произнесено мной не без сарказма и с огромным количеством пафоса, но Картер заслуживает этого, как никто другой.

Его бархатный смех может подкосить даже этот столетний дуб, клянусь! Придвинувшись ближе, он больше не держит руки сложенными на груди, но пальцы его левой ладони подергивают шнуры, на котором висят фонарики.

— Погоди-погоди, — начинает он, усмехаясь, и наклоняется ниже, — насколько я помню, — правой рукой Росс указывает на себя, — это ты меня поцеловала. И даже не подумала о том, что моя

девушка будет ревновать.

Значит, она у него все-таки есть. Но напрямую спрашивать его об этом и унижаться я не буду.

Сложив губы трубочкой, Росс чмокает воздух возле моего лица, а потом вновь выпрямляется.

— Но, давай на чистоту, это было жарко.

— Ни-ничего подобного, — заикаясь, я отшатываюсь от bruneta и облизываю пересохшие губы. Вовсе не жарко. Ни капельки. Не-а.

Хватит быть такой размазней, Джейн!

Я должна поставить этого мерзавца на место.

— Я бы не стала целовать тебя по собственной воле, — нарочито легкомысленным тоном поясняю я. — Потому что ты — настоящий лгун, Росс Картер.

Его лицо искажается в наигранном изумлении.

— Да как у тебя язык повернулся опорочить мое чистое имя?

Я закатываю глаза.

— И почему ты тогда поцеловала меня? Была не в себе? — посмеивается надо мной парень.

Ну, уж хватит. В этот раз я решительно настроена уйти, и ему меня не остановить.

Нет.

Перед этим я должна высказать ему все, что накипело. Все, что изводило меня последние дни, ни на миг не покидая чертогов сознания.

— Да, я поцеловала тебя, — врастаю в землю и, развернувшись к Россу, награждаю его твердым взглядом. — Потому что ты сказал, что мы встречались.

Он открывает рот и поднимает вверх указательный палец, но я не позволяю ему перебить себя.

— Естественно, я и предположить не могла о существовании Эйдена — моего НАСТОЯЩЕГО парня и твоего брата! Почему ты не рассказал мне о нем? Почему позволил мне думать, будто нас с тобой что-то связывает?

Росс снова облизывает губы, они у него кривятся в усмешке. Голубые глаза бегают в растерянности и, похоже, он не знает, что сказать мне. А, возможно, думает над тем, как объяснить свое поведение.

— Я... подонок, — изрекает Росс, кивнув головой.

Он прячет ладони в передних карманах джинсов.

— Но, — снова пауза, которая просто съедает изнутри. — Я не мог иначе. Я не мог перестать о тебе думать, потому что, да, ты привлекаешь меня, но это все равно не было правильным решением.

Одна его рука взлетает вверх.

— И я ни в коем случае себя не оправдываю!

— Тебе придется еще долго убеждать меня в этом, чтобы заработать себе бонусы доверия!

Внезапно он становится серьезным и подходит ко мне вплотную. Ладонь, которую высунул из кармана, Росс кладет на мою щеку. Его пальцы поначалу исследуют мочку моего уха, очерчивают линию подбородка, но когда большой палец касается моей нижней губы, я резко вбираю в себя воздух.

— У меня нет девушки, — шепчет Картер. — Если тебе это интересно. Они все... Я только спал с ними.

Что мешает ему поступить точно так же со мной? Почему я должна доверять незнакомцу... очаровательному, сексуальному незнакомцу, который обманул меня с самого начала?

Но во мне нет сил для сопротивления. Нет сил на борьбу против пленительного, завораживающего взгляда, поглощающего меня с головой, погружающего в нечто фантастическое, что бабочками разлетается и порхает внизу живота.

Чувства, движущие мною, безрассудны и безудержны. Они поддерживают во мне пламя жизни, которое до встречи с Россом было бескрайними долинами вечных льдов.

— Скажи мне, если хочешь, чтобы я остановился, — медленно наклоняя голову все ниже и ниже, говорит он очень тихо.

И от того, что его голос звучит лишь для меня одной, я дышу часто. Я его люблю, это уже понятно. Это стало для меня ясно давно.

Но неужели нет ни одного шанса сказать Россу «нет »?

— Ну, так что? — шепчет у самых моих губ Картер, обдавая меня своим мятным дыханием.

Аромат его одеколona щекочет ноздри. Как я вообще все еще держусь?!

— Мне остановиться, Джейн?